

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выпуск 23

16+

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «САХАЛИНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

ИКОННИКОВА Елена Александровна,
доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАЛИЦКАЯ Ирина Валериановна,
доктор педагогических наук, доцент

САДОКОВА Анастасия Рюриковна,
доктор филологических наук, профессор

ЧУДИНОВА Виктория Ивановна,
кандидат филологических наук, доцент

ВЕРСТКА
О. А. НАДТОЧИЙ

КОРРЕКТОР
В. А. ЯКОВЛЕВА

В НОМЕРЕ

РАЗДЕЛ I
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ
ЛИТЕРАТУРЫ

- Дорофеева Л. В.* «Божественный глагол»: церковнославянизмы в поэзии А. С. Пушкина 4
Чудинова В. И. «В человеке должно быть все прекрасно...»: концепция красоты в произведениях А. П. Чехова 9
Зиновьева Н. В. Восприятие творчества А. С. Пушкина в литературе русского зарубежья первой волны 14
Шумилова Т. Е. Авантюрная специфика романа Ильи Эренбурга «Рвач» 19
Иконникова Е. А. Метафизическое в рифме: теоретический аспект 23

РАЗДЕЛ II
ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

- Слепцова Е. В.* Концепт «дом» в художественном пространстве «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина 30
Мушинов В. И., Толстякова Ю. И. Средства выражения эмоций в произведениях А. П. Чехова 33
Легенкина В. И., Махрина М. Ю. Формально-ориентированные способы англо-русской передачи безэквивалентной лексики 40

РАЗДЕЛ III
ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

- Балицкая И. В.* Культурная адаптация студентов – участников программ международных обменов в новой образовательной среде 45
Майорова И. И. Иностраный язык в формировании межкультурной коммуникативно-профессиональной компетенции в подготовке бакалавров туризма 48
Денисова Е. С. Организация международной академической мобильности в Сахалинском государственном университете 51
Руденко Н. Н. Коммуникативно-деятельностный подход к организации занятий по русскому языку как условие формирования профессиональных умений у будущих учителей 55
Цзиньчжун Чжан. Об обучении русскому языку как специальности в Китае 61
Че И. Е. Проблема противоречий традиционной и гражданской этики в реализации морального воспитания в школах Республики Корея 64

Журнал зарегистрирован
Дальневосточным окружным
межрегиональным территориальным
управлением Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № 150357
от 05.06.2002 г.

Адрес редакции:
693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290.
Тел./факс (4242) 45-23-00.

Подписано в печать 13.11.2019.
Формат 60x84¹/₈.
Тираж 100 экз.

Издательско-полиграфический отдел
Сахалинского государственного университета.
693008, Южно-Сахалинск,
ул. Ленина, 290, каб. 32.
Тел. (4242) 45-23-16. Тел./факс (4242) 45-23-17.
E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru

Отпечатано:
Издательско-полиграфический отдел СахГУ.
693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.
Тел. (4242) 45-23-16. Тел./факс (4242) 45-23-17.
E-mail: polygraph@sakhgu.ru

С электронной версией журнала можно
ознакомиться на сайте
Сахалинского государственного университета
www.sakhgu.ru
в разделе «Издательско-полиграфический отдел» –
«Изданное».

Цена свободная

Федоренко Т. Г., Шелохаева Л. В.
Организация самостоятельной
работы студентов-востоковедов
в Сахалинском государственном университете.....66

РАЗДЕЛ IV ИСТОРИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Потапова Н. В. Епархиальная пресса на
Дальнем Востоке Российской империи:
«Владивостокские епархиальные ведомости» 74
Семельман М. В. Культурно-историческое
наследие первого десятилетия существования
губернаторства Карафута 86
Семиволос К. С. Репрессивная политика
И. В. Сталина в исторической литературе
советского и постсоветского периода 90
Лебедева И. А., Тишкова Д. О.
Особенности нарратива в медиаконтенте:
использование сторителлинга в сетевых
медиа 95

РАЗДЕЛ V РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Потапова Н. В. Нужные филологам
и историкам книги: об издании серии
«Монографии ученых Сахалинского
государственного университета»..... 101
Степаненко А. А. А. П. Чехов
и село Кировское..... 103
Овчаренко М. В. Концепция выставки
«Максим Горький. Страницы жизни»..... 105
Иконникова Е. А. Сияющие книжным
светом: о книге Виктора Щеглова «Агнево» 107

In memoriam
Памяти Руслана Витальевича Якименко 108
Памяти Светланы Александровны Веднёвой..... 109

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 110

РАЗДЕЛ I

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

«БОЖЕСТВЕННЫЙ ГЛАГОЛ»: ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМЫ В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА

*...Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел...
А. С. Пушкин «Поэт»¹ (1827)*

Известна история создания нашим великим поэтом шедевра «Пророк» (1826). Находясь в ссылке в Михайловском, Пушкин посетил монастырь и, не найдя знакомого священника на месте, присел к столу, на котором лежала раскрытая Библия. Она была раскрыта на шестой главе книги пророка Исайи:

2. Вокруг Его стояли серафимы; у каждого из них по шести крыл; двумя закрывал каждый лицо своё, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал.

3. И взывали они друг к другу, и говорили: свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!..

<...> 6. Тогда прилетел ко мне один из серафимов, и в руке его горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника.

7. И коснулся уст моих, и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен.

8. И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? И кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня.

9. И сказал Он: пойдя, и скажи этому народу: слухом услышите, и не уразумеваете, и очами смотрите будете, и не увидите.

10. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб Я исцелил их...».

Поэт погрузился в чтение – и вот результат:

*Духовной жаждою² томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился;
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещи зеницы,*

*Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет.
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

Мы видим обилие церковнославянизмов. Именно с их помощью поэту удастся создать убедительную картину полного преобразования героя стихотворения.

Иногда дают школьникам упражнение, на наш взгляд, не очень разумное: представить стихотворение «Пророк» в современной лексике. Значимость церковнославянизмов обнаруживается, конечно, наглядно, но сама процедура выглядит унизительной – и средства не оправдывают цели. Не надо даже ради упражнения снижать высокое – ведь страдает при этом не только языковая, но и духовная природа произведения, и душа ученика при этом чувствует себя оскорбленной.

Все это актуально в условиях вот уже почти столетия поступающих требований упразднить церковнославянский язык как язык православного богослужения. В роли «обновленцев» неожиданно выступают даже такие почитаемые всеми филологи, как Сергей Аверинцев. Последний перевел Библию на современный русский язык,

¹ Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Т. III. – 3-е изд. – М.: изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 22 (далее стихи А. С. Пушкина цитируются по этому изданию).

² Здесь и далее выделено мной. – Л. Д.

и понятна его слабость – услышать свой перевод в храме. И все же будем благоразумны: русский язык прекрасен, но он прекрасен не в последнюю очередь за счет обогащения церковнославянизмами – не надо лишать родной язык его *духовного* потолка!

Можно спросить: а разве не было у *собственно* русского (древнерусского) языка своего *духовного* потолка – вне языка церковнославянского?

Да откуда бы ему взяться? Ведь славяне были *язычниками*, и все поэтические красоты, даже когда они говорили о солнце и звездах, были земными, заземленными. Не без причины Константину (*Кириллу*) и *Мефодию* пришлось конструировать язык христианского богослужения. Ибо понятия и онтологические, и этические в христианстве иные, чем в язычестве, – на порядок *выше*.

Интересно в связи с этим понаблюдать, какое место занимали церковнославянизмы не только в стихотворении «Пророк», но и во всем творчестве А. С. Пушкина, и, прежде всего, в поэзии.

Понятно, что на разных этапах его творчества они играли разную роль.

Церковнославянизмы, употребляемые в стихах Пушкина-лицеиста, вызывают его интерес не сами по себе, а наряду с древнерусскими формами как стилистическая примета классицизма, наследие которого он в это время активно осваивает.

Вот раннее стихотворение «К Наталье» (1813):

*...Так, Наталья, признаюся,
Я тобою **полонен**.
В первый раз еще, стыжуся,
В **женски прелести** влюблен.*

В этой строфе «женски» – краткая форма прилагательного, очень заметная, если не сказать *модная*, в лирике Тредьяковского, Ломоносова, Державина и других отечественных поэтов XVIII века – и буквально на глазах пушкинского поколения уступившая место полной форме; «*прелести*» – церковнославянизм, уже успевший утратить свое духовное православное наполнение (в смысле – бесовский *соблазн, искушение*); «*полонен*» – древнерусская полногласная форма, воспринимаемая как древняя, потому что уже вытеснена церковнославянизмом, пожелавшим войти в состав русского языка:

*...Но Кольна там не обитает,
И ныне по **стеze** глухой
Пустыню с милым **протекает**,
Пленившим сердце красотой.*

(«Кольна», 1814)

В формате стихотворения «Кольна (*Подражание Оссиану*)» автор может использовать

одно и то же слово как в древнерусской, так и в церковнославянской форме:

*...Надвинут на **чело шелом**...
...С **главы** снимает **шлем** блестящий...*

Этим языком, вчерашним и позавчерашним, юный поэт владеет прекрасно, ибо эти слова, древнерусские и церковнославянские, кипят и перекипают в тигле становящегося русского литературного языка, и он пришел быть участником этого процесса – и в том числе с его подачи какие-то слова останутся церковнославянизмами, а какие-то будут восприниматься как русские, будучи церковнославянскими по происхождению.

Самым ярким и последним всплеском влияния предшественников, когда начинающий поэт «*классицизму отдал честь*», было стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» (1814), прочитанное на экзамене в Лицее в присутствии Державина:

*...Утешься, мать **градов** Россия,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела **днесь** на их надменны **выи**
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бегут, **озреться** не **держают**,
Их кровь не **престает** в снегах реками течь;
Бегут – и в тьме ночной их **глад** и смерть **сретают**,
А с тыла гонит русский меч.*

Здесь, разумеется, много церковнославянизмов, и употреблены они в строгом соответствии с особенностями жанра: поддерживают торжественный, приподнятый стиль оды. Пушкин настолько свой в стихии трех *родных* языков – современного ему русского, древнерусского и церковнославянского, что «*озреться*» (от «*озираться*») воспринимается как *окказионализм*: едва ли такое слово могло ему попасться в читанных им текстах; оно употреблено непривычно – через «ерь». А глагол «*сретают*» («*встречают*») словно выпорхнул со страниц Евангелия и заставляет ощутить присутствие Бога – грозное для врагов, вторгшихся в отчизну несправедно.

А в затылок уходящему классицизму уже дышит сентиментализм Карамзина и романтизм Жуковского, очередных учителей. И как следствие – резкое сокращение церковнославянизмов в стихах (ведь романтизм принципиально противостоял классицизму, что сразу сказалось и на лексике):

*Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Все было тихо – лес и горы,*

*Все спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила в ужасе кругом.*

На все восемь строф «Романса», написанного едва ли не сразу после «Воспоминания в Царском Селе», всего четыре церковнославянских слова: «сумрак», «предел», «предатель», «младенец», да и те уже стали русскими.

Во всем этом есть некая тайна языкового и литературного процесса. В центре как сентиментализма, так и романтизма мы находим, как известно, *чувство*, а оно прерогатива *души*. Согласно христианскому мировоззрению, в природе человека три составляющих: *дух, душа и плоть*. Православное святоотеческое учение вслед за апостолом Павлом усматривает разницу между человеком *духовным* и *душевным*. Чувства *души* зыбки, непостоянны, ненадежны и даже в силе своей часто бесконтрольны. Таким образом, именно церковнославянизмам подобает быть средством выражения и самовыражения *духа* (что в свое время и сформулировали Тредьяковский и Ломоносов в *теории трех штилей*).

Ближайший, а именно романтический, период творчества поэта – время упоения всеми видами *свободы*, как чувственной, так и интеллектуальной. Не приходится удивляться, что в поэме «Гавриилиада», написанной на специфически религиозную, евангельскую тему в дерзкой манере изящного бурлеска церковнославянизмы (их не очень и много) выполняют роль *орнамента*, своеобразной лепнины на потолке зала в стиле ампира:

...Пернатый шлем, роскошные уборы,
Сиянье крил и локонов златых...

После 1825 года в условиях общерусского политического и духовного кризиса, заполнившего все годы жизни его младшего собрата – Лермонтова, Пушкин переживает переоценку ценностей: он понимает, что насилие не может быть гарантом *свободы* – ни социальной, ни духовной. В его поэзию возвращаются церковнославянизмы, но отныне он вводит их в тексты осмотрительно, всякий раз со строго осознанной целью. Примером может быть замечательное стихотворение «Анчар».

Оно было написано в 1828 году и по форме тяготеет к *хронике, притче и легенде*, будучи наделено признаками всех этих трех жанров. Отне-

сенное по содержанию в прошлое, оно требует церковнославянизмов – и мы их видим: «*древо*», «*чело*», «*хладные*», «*тлетворный*», «*властный*», «*чуждые*». Особенно впечатляющий пример находим в следующей строфе:

*Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом:
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.*

Рифма требует отказа от звука «ё» – и слово «*потек*» превращает путешествие раба не только в физическую, но духовную авантюру.

Это перфектная форма, о которой А. А. Плетнёва и А. Г. Кравецкий, авторы учебника «Церковнославянский язык», пишут так: «Перфект состоит из глагольной формы на -ль (в грамматиках она называется причастием прошедшего времени на -ль) и формы настоящего времени глагола *быти*. Формы на -ль образуются от основы инфинитива: писа-ти – писалъ, нес-ти – несль»³.

Т. Л. Миронова, автор учебника «Церковнославянский язык», добавляет к этому: «Церковнославянское причастие на -л- в форме мужского рода единственного числа сохранило суффикс -л-. Русская форма прошедшего времени этот суффикс утратила там, где на конце слова образовывались скопления согласных звуков, чтобы упростить произношение таких слов. Сравните: церковнославянское *несль* – русское *нес*»⁴.

Глагол *тещи* (русское *течь*) в форме причастия прошедшего времени мужского рода единственного числа употребляется в современных изданиях церковнославянских текстов как с суффиксом -л-: «Аще видел еси татя, *теклъ* еси с ним...» (Пс, 49, 18), так и без этого суффикса: «*Ирмос*: Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему *притек*...» (*Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу, песнь б*).

Таким образом, мы видим, что в избранном слове Пушкин объединил русский и собственно церковнославянский обертона его звучания и духовного смысла. Глагол *тещи* означает движение как таковое, и не только движение *воды*, но и *времени*. Так что герой стихотворения не просто *идет* по приказу – он уходит в *историю*, перерастая у нас на глазах в *эпического* героя (он *выполнил невыполнимое!*). И он не просто жалкая жертва тирана (как трактовалось в советских

³ Плетнёва, А. А. Церковнославянский язык : учеб. пособие для общеоб. учеб. зав., духов. училищ, гимназий, воскресных школ и самообразования / А. А. Плетнёва, А. Г. Кравецкий. – 4-е изд. – М. : издательский совет Русской Православной церкви, 2006. – С. 74.

⁴ Миронова, Т. Л. Церковнославянский язык / Т. Л. Миронова. – 3-е изд. – М. : изд-во Московской патриархии, 2010. – С. 161.

комментариях!): если он и жертва, то жертва возвышенная, принесенная на алтарь безопасности своего племени.

Мы можем также заметить, что, будучи гениальным художником слова, а потому и гурманом стилистических изысков, Пушкин питал страсти к некоторым не словам даже, а формам церковнославянского языка. Например, к падежным окончаниям прилагательных женского рода:

...С рассветом алыя денницы,
Лучами солнца пробужден,
Он узрит мрачные гробницы.
(«Кольна», 1814)

...И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
(«Пророк», 1824)

Совершенно очевидно, что не ради сохранения размера автор выбирал эти слова, а наслаждаясь особым очарованием их *распевности*.

По той же, очевидно, причине Пушкин в романе «Евгений Онегин» не ради рифмы только употребил дважды церковнославянскую форму личного местоимения третьего лица женского рода – один раз **правильно**:

...К несчастью, Ларины тащились,
Боясь прогонов дорогих,
Не на почтовых, на своих,
И наша дева насладилась
Дорожной скукою вполне:
Семь суток ехали оне...
(гл. 7, XXXV).

А в другой раз **неправильно**, видимо, следуя заявленному им принципу: «Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки я русской речи не люблю» (гл. 3, XXVIII):

...Бывало, в поздние досуги
Сюда ходили две подруги,
И на могиле при луне,
Обнявшись, плакали оне...
(гл. 7, VII).

Поскольку речь идет о двух девушках, здесь нужно *двойственное число* – с ударением на *первый* слог, а не на третий. Но это такие мелочи – вот она и улыбка!

В целом же в «Евгении Онегине» церковнославянизмы почти отсутствуют – там приволье иностранным словам и варваризмам: «...панталоны, фрак, жилет, всех этих слов на русском нет» (гл. 1, XXVI), «...vulgar (Не могу... Люблю я очень это слово, Но не могу перевести, Оно у нас покамест ново, И вряд ли быть ему в чести...» (гл. 8, XV–XVI); «...Она казалась верный

снимок *Du comme il faut*... (Шишков, прости: Не знаю, как перевести)» (гл. 8, XIV). В первой главе всего 30 церковнославянских слов, из которых 12 – собственно церковнославянизмы (*младой, златой, брег, глас* и др.), а 18 (*надежда, жажда, нравы, охладел, предубежденья, преследовать, бремя* и др.) стали русскими. Кстати, если новые слова входят в русский язык, почему церковнославянизмы, вошедшие в него раньше и составившие в нем целый пласт, должны уходить?

В 1836 году, незадолго до смерти, Пушкину захотелось переложить на стихи, перевести на русский с церковнославянского свою любимую молитву. И он сделал это. Стихотворение делится на две части. В первой он говорит о том, почему он любит эту молитву. А во второй дает прекрасный перевод молитвы св. Ефрема Сирина. Вот эта молитва:

«Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми». (Поклоны)

«Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми рабу Твоему». (Поклоны)

А вот это стихотворение:

* * *

*Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв.
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья;
Да брат мой от меня не примет осужденье,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Мы видим, что пушкинский перевод сохранил церковнославянские слова, ставшие русскими: *владыка, праздность, празднословие, прегрешенья, целомудрие*.

От церковнославянизмов, как и в пушкинские времена, нам никуда не деться: они пронизали, пропитали русский язык насквозь. Приведем современный казус. Протестанты, выступая против церковнославянского языка как языка богослужения, используют церковнославянизмы в своей гимнографии:

*«Божья армия идет
На адские врата...»* (рус. ворота).

«...Мимо Агнца на кресте» (рус. ягненок).

*«...Слово – меч в устах у нас,
Побеждающий врага» (рус. губы, ворог).
(Из гимнов пятидесятников-харизматов)*

Они этого даже не замечают! Да и как же им иначе воспеть возвышенное и трансцендентальное! Если в угоду «обновленцам» упразд-

нить собственно церковнославянизмы, то за ними вскоре уйдут из языка и церковнославянские слова, ставшие русскими, ибо с падением духовности перестанут быть востребованными сами явления, ими обозначаемые, о которых продолжает громко говорить слепошкинская поэзия.

«В ЧЕЛОВЕКЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ВСЕ ПРЕКРАСНО...»: КОНЦЕПЦИЯ КРАСОТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА

Красота – важнейшая категория философии и эстетики. «Красота – одна из универсальных форм бытия материального мира в человеческом сознании, раскрывающая эстетический смысл явлений, их внешние и (или) внутренние качества, которые вызывают удовольствие, наслаждение, моральное удовлетворение. Очеловеченная природа, материальные и духовные произведения, прежде всего искусство, – все оценивается им (человеком) исходя из законов целесообразности и красоты. Высшей степенью красоты, ее сущности и выражения является прекрасное»¹.

В то же время красота – самое относительное и неуловимое из всех понятий человеческого мира. Несмотря на то, что на протяжении долгих веков человечество выработало определенные каноны красоты, единого понимания прекрасного быть не может, потому что красота не только категория эстетическая, но и метафизическая. Трудность осмысления феномена красоты связана с тем, что она подразумевает субъективные ощущения, впечатления, подчас неизъяснимые и неопишуемые.

А. П. Чехов наиболее полно выразил представление о человеческой красоте в известных словах доктора Астрова из пьесы «Дядя Ваня» (1897): «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» (с. 12, 83)². Эта цитата обрела крылатость, стала известным афоризмом. Однако следует учитывать тот контекст, из которого изъято высказывание чеховского героя.

В своем монологе Михаил Львович Астров, увлеченный красавицей Еленой Андреевной, с некоторым сожалением говорит о ее внешних достоинствах (лицо и одежда) при полном отсутствии внутреннего содержания (душа и мысли). Он продолжает свои размышления о женщине, красота которой захватила его, вызвала в нем страсть, так: «Она прекрасна, спора нет, но... ведь она только ест, спит, гуляет, *чарует всех нас своею красотой* – и больше ничего» (с. 12, 83). Далее он цинично называет ее «красивым, пушистым хорьком» (с. 12, 96).

Вообще в пьесе «Дядя Ваня» красота – ос-

новной предмет обсуждения. О красоте говорят почти все действующие лица. Красивый, интересный, умный эстет Астров признается, что он испошился, все чувства в нем притупились, но к красоте он по-прежнему равнодушен. Соня, безнадежно влюбленная в него, страдает от своей некрасивости: «О, как это ужасно, что я некрасива! Как ужасно! А я знаю, что я некрасива, знаю, знаю...» (с. 12, 85). Добрая, великодушная, прекрасная душой и мыслями, но не привлекательная внешне, она уверена, что шансов на ответные чувства Астрова у нее нет.

Художественное осмысление проблемы красоты А. П. Чехов представил задолго до создания пьесы «Дядя Ваня» – в рассказе «Красавицы» (1888). Рассказ делится на две части. В первой описана случайная встреча героя-гимназиста с красавицей, шестнадцатилетней девушкой-армянкой Машей. Он любит пленительной красотой девушки: «*Я увидел обворожительные черты прекраснейшего из лиц*, какие когда-либо встречались мне наяву и чудились во сне. Передо мною стояла *красавица*, и я понял это с первого взгляда, как понимаю молнию» (с. 7, 160). Внешнее совершенство девушки несомненно, ею хочется любоваться бесконечно, она притягивает к себе все взгляды. Даже восьмидесятилетний дедушка гимназиста, «человек крутой и равнодушный к женщинам и красотам природы», любит девушкой.

Красоту армяночки автор называет «классической и строгой». «Это была именно та красота, созерцание которой, бог весть откуда, вселяет в вас уверенность, что вы видите черты правильные, что волосы, глаза, нос, рот, шея грудь и все движения молодого тела слились вместе в один цельный, гармонический аккорд, в котором природа не ошиблась ни на одну малейшую черту» (с. 7, 161). Не случайно ее поразительная, явная красота сравнивается со «страшной», не вызывающей сомнений красотой заката.

Однако уже в описание этой совершенной красоты вторгается слово «грусть», которое несколько раз повторяется в рассказе. Рассказчик с удивлением замечает, что красота Маши не

¹ Эстетика. Словарь / под общ. ред. А. А. Беляева. – М., 1989. – С. 234.

² Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А. П. Чехов. – М.: Наука, 1974–1983. (Далее все цитаты из произведений и писем А. П. Чехова даны по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках. Курсив, кроме оговариваемых случаев, везде наш).

вызывает у него ни чувства, ни восторга, ни желания, только тяжелую, хотя и приятную грусть. «И чем чаще она со своей красотой мелькала у меня перед глазами, тем сильнее становилась моя грусть» (с. 7, 163).

Грусть вызвана непрочностью, временностью такой совершенной красоты. «Была ли это у меня зависть к ее красоте, или я жалел, что эта девочка не моя и никогда не будет моею и что я для нее чужой, или смутно чувствовал я, что ее редкая красота случайна, не нужна и, как все на земле, не долговечна, или, быть может, моя грусть была тем особенным чувством, которое возбуждается в человеке созерцанием настоящей красоты, бог знает!» (с. 7, 163). Эту мысль автор реализует через прием контраста. Когда герой наблюдает за Машей, которая пробегает по двору, выполняя поручения по хозяйству, и исчезает в двери пристройки, то вместо девушки, появления которой он ожидает с нетерпением, появляется «старая, сгорбленная армянка с красным лицом». И только потом на пороге показалась Маша с большим черным хлебом на плече, «красиво изгибаясь под тяжестью хлеба, она побежала через двор» (с. 7, 163).

Безусловно, красота в рассказе Чехова «Красавицы» предстает как отблеск идеала, отсылая к романтическим представлениям об абсолюте. Романтическая концепция утверждала красоту как торжество вечности и доказательство бессмертия души, а в художественном мире Чехова над вечностью торжествует неумолимое время. Между человеком и вечностью, знаком которой выступает красота, в рассказе Чехова возникает непреодолимая преграда.

Во второй части рассказа герой (уже студент) вспоминает встречу с другой красавицей, русской девушкой лет 17–18. Он испытывает то же чувство восторга и восхищения, которое испытал когда-то в армянской деревне, хотя внешняя красота этой девушки была другая, неявная, лишённая строгой правильности черт. Прекрасными «у нее были одни только белокурые, волнистые, густые волосы <...> все же остальное было или неправильно, или же очень обыкновенно <...> нос был нерешительно вздернут, рот мал, профиль слабо и вяло очерчен, плечи узки не по летам, но тем не менее девушка *производила впечатление настоящей красавицы*» (с. 7, 165). Всю прелесть этой девушки автор показывает через ее взгляд, мимику и движения тела.

Образы двух красавиц в рассказе даны по принципу параллелизма – они сравниваются, сопоставляются и противопоставляются. И та, и другая красивы, но по-разному. Красота пра-

вильная, классическая – и красота неправильная, но волшебная, грациозная и все же гармоничная. Офицер, попутчик студента, называет девушку дважды «хорошенькой», а не красивой. Рассказчик отмечает, что секрет красоты второй девушки заключается в сочетании «тонкой грации движений с молодостью, свежестью, с чистотою души, звучавшею в смехе и в голосе, и с той слабостью, которую мы так любим в детях, в птицах, в молодых оленях, в молодых деревьях» (с. 7, 165). Ключевыми в этом описании являются слова «молодость», «молодые».

Как и в первой части рассказа, в размышлениях о красоте возникает лирико-философский мотив грусти, так как недолговечная красота молодости временна и преходяща: «...и кажется, стоит только пробежать по платформе хорошему ветру или пойти дождю, чтобы хрупкое тело вдруг поблекло и *капризная красота осыпалась, как цветочная пыль*» (с. 7, 165). Красота молодости, молодость красоты заставляет героев Чехова еще острее ощутить серую, тягостную повседневность жизни. В. Альбов относил рассказ «Красавицы» к тем произведениям, где «слышится глубокая, затаенная тоска по идеалу, которому нет места на земле, тоска по скрытой в жизни красоте, мимо которой равнодушно проходят люди и которая гибнет, никому не нужная и никем не воспетая» (с. 7, 652).

Ощущение красоты жизни в ее живой осязаемой трепетности, и особенно молодой жизни, было в высшей степени присуще Чехову. Его художественное миропонимание в этом плане было, пожалуй, родственно тургеневскому. Однако Тургенев вслед за Шиллером пытается остановить мгновение, творящее красоту, а Чехов нет. В своеобразной исповеди, интимной «автобиографии» Тургенева – повести «Довольно» (1862) – он размышляет о том, что «красоте не нужно бесконечно жить, чтобы быть вечной, – ей довольно одного мгновения»³. И тут же опровергает это утверждение, сравнивая красоту человека («калифа на час») с недолговечной красотой лепестков цветов и крыльев бабочек. В чеховском рассказе «Красавицы» также мимолетность красоты подчеркивается эпитетом «мотыльковая» и противопоставляется вечности.

В жизни мы часто сталкиваемся с тем, что человек, наделенный безупречной внешностью, может иметь безобразный внутренний мир. И наоборот, некрасивая форма может заключать в себе красивую душу. Во многих произведениях Чехова показано это противоречие между прекрасной формой и безобразным содержанием человека или, напротив, между некрасивой фор-

³ Тургенев, И. С. Собрание сочинений: в 12 т. / И. С. Тургенев. – Т. 7. – М. : Художественная литература, 1978. – С. 45.

мой и прекрасным внутренним содержанием.

Главная героиня рассказа «Попрыгунья» (1891) Ольга Ивановна – двадцатидвухлетняя женщина. Она умеет рисовать, петь, лепить, играть на фортепиано. Чехов наделяет героиню внешней привлекательностью, изящной красотой: «со своими льняными волосами и в венчалном наряде она очень похожа на стройное вишневое деревце, когда весной оно сплошь покрыто нежными, белыми цветами» (с. 8, 8). Это фактически все, что мы узнаем о внешности героини. Основное внимание писатель сосредоточил не на полном и подробном описании портрета героини, а на деталях, вещах, которые ее окружают. «Все дело в том, что в данном случае художника интересует вовсе не полнота быта, обстановки. Описание рассчитано кропотливо. Цепь подробностей умышленно длинна. Цель здесь: показать главное в характере героини. Все сделано напоказ. За внешней изысканностью вкуса – ординарное самолюбование. Утонченность, артистизм хозяйки квартиры – мнимые. Они лишь маскируют черствость “попрыгуньи”, отсутствие у нее душевной чуткости»⁴.

Что касается одежды героини, то она также обрисована в деталях. Так как семейный достаток у молодых был невелик, то Ольге Ивановне приходилось хитрить: «из ничего не стоящих кусочков тюля, кружев, плюша выходили просто чудеса, нечто обворожительное, не платье, а мечта» (с. 8, 9). Героиня поглощена внешней красотой или, вернее, красотой жизни, которая лишь прикрывает ее ограниченность и пустоту. В погоне за внешней броскостью, мишурой жизни Ольга Ивановна не замечает по-настоящему красивого внутренне, благородного и искренне любящего ее человека, своего мужа Осипа Дымова.

Героиня чеховского рассказа «жаждет смутных исканий, идеала; мечтает о чем-то светлом и радостном», однако идет по ложному пути. Она принимает за гениев людей пошлых и ничтожных, находя их интересными, потому что сама была таковой. Не случайно название рассказа – «Попрыгунья». Ольга Ивановна не способна любить по-настоящему, испытывать глубокую душевную привязанность, она «прыгает» от одного увлечения к другому. Во многом ее интересует лишь внешняя сторона жизни.

Поиски Ольги Ивановны направлены на то, чтобы заполнить свой внешний мир как можно большим количеством ярких «талантливых» людей. «Попрыгунья» сначала украшает жизнь «безделушками», затем занимается поисками новых занятий, знакомств. В конечном счете, она начинает изменять мужу – это тоже своего

рода «приукрашивание» жизни. Не случайно ее любовником становится привлекательный внешне «жанрист, анималист и пейзажист Рябовский, *очень красивый* белокурый молодой человек, лет 25, имевший успех на выставках и продавший свою последнюю картину за пятьсот рублей» (с. 8, 12). За внешней красотой художника она не разглядела мелочность и низость его души. Прозрение наступит позже, когда он цинично начнет изменять ей с другими женщинами. Таким образом, внешняя красота как Ольги Ивановны, так и Рябовского – это всего лишь оболочка, прикрывающая их внутреннюю пустоту и пошлость.

В рассказе показана трагедия не Ольги Ивановны, а Осипа Дымова. Именно он – наиболее глубокий, душевно красивый чеховский персонаж, которого не смогла оценить по достоинству и «прозевала» жена-попрыгунья.

Героиня чеховского рассказа «Ариадна» (1895) поразительно красива. Внешняя красота Ариадны, так сильно покорившая главного героя Ивана Ильича Шамохина, словно компенсирует ее духовную и душевную ущербность. Шамохин с болью вспоминает прошлое, когда он только познакомился с Ариадной и она покорила его своей необыкновенной красотой: «...меня прежде всего поразило ее редкое и красивое имя – Ариадна. Оно так шло к ней! Это была брюнетка, очень худая, очень тонкая, гибкая, стройная, чрезвычайно грациозная, с изящными, в высшей степени благородными чертами лица <...> в ее взгляде светилась **молодость, красивая, гордая**» (с. 9, 112).

Иван Ильич признается, что красивая внешность Ариадны настолько властно захватила его, что он иллюзорно представлял себе таким же прекрасным ее внутренний мир: «По прекрасному лицу и прекрасным формам я судил о душевной организации, и каждое слово Ариадны, каждая улыбка восхищали меня, подкупали и заставляли предполагать в ней возвышенную душу» (с. 9, 112).

Шамохин безумно влюбился в Ариадну, с восторгом выполнял все ее прихоти, непрестанно любовался и восторгался ее красотой. «Помню, как однажды вечером они собрались кататься и я помогал ей сесть на велосипед, и в это время **она была так хороша**, что мне казалось, будто я, прикасаясь к ней, обжигал себе руки, я дрожал от восторга, и когда они оба, старик и она, **красивые, стройные**, покатали рядом по шоссе, встречная воронья лошадь, на которой ехал приказчик, бросилась в сторону, и мне показалось, что она бросилась оттого, что была **тоже поражена красотой**» (с. 9, 113).

⁴ Добин, Е. Искусство детали / Е. Добин. – Л. : Советский писатель, 1975. – С. 187.

Рассказывая об Ариадне, Иван Ильич описывает ее элегантно, красивой, несколько эксцентричной, избалованной и жаждущей поклонения. Поглощенный несомненными внешними достоинствами Ариадны, Шамохин не сразу осознал, что внутренне она «была холодна и уже достаточно испорчена». Ариадна не способна любить другого, так как любит только себя и красивую жизнь, жаждет успехов и власти. *«В ней уже сидел бес, который день и ночь шептал ей, что она очаровательна, божественна, и она, определенно не зная, для чего, собственно, она создана и для чего ей дана жизнь, воображала себя в будущем не иначе, как очень богатую и знатную, ей грезились балы, скачки, ливреи, роскошная гостиная, свой salon и целый рой графов, князей, посланников, знаменитых художников и артистов, и все это поклоняется ей и восхищается ее красотой и туалетами...»* (с. 9, 113).

«Ариадна была холодна: и ко мне, и к природе, и к музыке» – так прозревший Шамохин определяет внутреннюю сущность своей возлюбленной. Бездушность, внутренняя пустота при наличии яркой внешности и активности во внешнем проявлении (участие в разговорах, мимика, жесты, смех и т. д.) превращают ее в какую-то вещь, неживой предмет, похожий на заводную куклу. Игра, которую она ведет с Шамохиным, состоит в том, что она, отталкивая или проявляя холодность по отношению к герою, постоянно создает условия для надежды Шамохина, дает ему шанс, пользуясь тем, что он испытывает к ней сильное чувство. Ариадна как будто дергает за ниточку и заводит героя в лабиринт все дальше и дальше. Иван Ильич не способен порвать эту нить, он, словно раб красивой Ариадны, мчится к ней по первому зову, несмотря на ее многочисленные измены и романы с другими мужчинами, несмотря на то, что уже не заблуждается насчет ее внутреннего содержания. *«Часто, глядя, как она спит или ест, или старается придать своему взгляду наивное выражение, я думал: для чего же даны ей богом эта необыкновенная красота, грация, ум? Неужели для того только, чтобы валяться в постели, есть и лгать, лгать без конца?»* (с. 9, 115).

В жизни этой внешне красивой женщины (что неоднократно подчеркивается в ее описании) все основано на личной выгоде, она стремится во что бы то ни стало утолить свое большое самолюбие любым способом, пренебрегая человеческим достоинством другого человека, более того, используя его в качестве средства к достижению своих низких целей. Внешняя красота и отвра-

тительная внутренняя природа героини рассказа «Ариадна» разительно контрастируют.

Чехов не раз говорил, что «в природе из мерзкой гусеницы выходит прелестная бабочка, а вот у людей наоборот: из прелестной бабочки выходит мерзкая гусеница»⁵. Эта метаморфоза определяет суть красоты Ариадны и подобных ей чеховских героинь (например, героини рассказа «Анна на шее»). Тема красоты представлена в этих случаях, как у Л. Н. Толстого, предельно контрастно: чем красивее внешность героини, тем безобразнее ее внутренний мир (самый хрестоматийный пример – Элен Курагина в романе «Война и мир»). При этом внутреннее отталкивающее содержание выражается в физической низменности, хищнических инстинктах, ненасытности, бездуховности и бездушии.

По канонам красоты героиня рассказа «Дама с собачкой» (1898) Анна Сергеевна Дидериц не является красивой женщиной, она явно не принадлежит к тем красавицам, которые невольно притягивают восхищенные взгляды, как героиня рассказа «Ариадна». Описание ее внешности дается в восприятии Гурова после их знакомства. Он вспомнил, сколько еще несмелости, угловатости было в ее смехе. *«Вспомнил он ее тонкую, слабую шею, красивые, серые глаза»* (с. 10, 130). «Красивыми» обозначены только глаза молодой женщины. А вообще она показалась Гурову «жалкой».

Но с самого начала знакомства Анна Сергеевна притягивает Гурова «несмелостью и угловатостью неопытной молодости» (с. 10, 132), трогательностью, «чистотой порядочной, наивной, мало жившей женщины» (с. 10, 132). Истинная ее красота открывается позже, под воздействием любви, которая преображает и Анну Сергеевну, и Гурова. *«Сидя рядом с молодой женщиной, которая на рассвете казалась такой красивой, успокоенной и очарованной в виду этой сказочной обстановки – моря, гор, облаков, широкого неба, Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве»* (с. 10, 134).

В рассказе вновь возникает оппозиция «красота внутренняя – красота внешняя». Внутренняя красота Анны Сергеевны, заключающаяся в искренности, душевности, способности любить по-настоящему, контрастирует с внешней красотой других женщин, которые когда-то были в жизни Гурова и которых он считал «низшей расой». Он вспоминает о таких «двух-трех очень красивых, холодных, у которых вдруг промелька-

⁵ Бунин, И. А. О Чехове: собрание сочинений: в 6 т. / И. А. Бунин. – Т. 6. – М.: ТЕПРА, 1996. – С. 193.

ло на лице *хищное выражение, упрямое желание взять*, выхватить у жизни больше, чем она может дать» (с. 10, 132). Далее эти женщины характеризуются как «капризные», «властные» и «не умные». Сначала они привлекали Гурова своей физической красотой, прекрасной внешней оболочкой, но «когда Гуров охладевал к ним, то *красота их возбуждала в нем ненависть* и кружева на их белье казались ему тогда похожими на чешую» (с. 10, 132). Красота женщин из прошлой жизни Гурова рисуется такой же холодной, хищной, зловещей и отталкивающей, как красота Ариадны.

Греховная и нечистая с точки зрения традиционной морали любовь Анны Сергеевны и Гурова преобразует серый мир, окрыляет их, делает красивыми как внешне, так и внутренне. Под воздействием нового, прежде незнакомого ему чувства Гуров видит красоту природы, слышит музыку. В Москве, тоскуя по Анне Сергеевне, в воспоминаниях Гуров видит ее уже не «жалкою» и угловатой, какой она показалась ему когда-то, а совсем другой. «Закрывши глаза, он видел ее, как живую, и она *казалась красивее, моложе, нежнее, чем была*; и сам он казался себе лучше, чем был тогда, в Ялте» (с. 10, 136).

Влюбленный Гуров видит теперь в Анне Сергеевне то, чего не могут видеть другие. «Она села в третьем ряду, и когда Гуров взглянул на нее, то сердце у него сжалось, и он понял ясно, что для него теперь на всем свете нет ближе, дороже и важнее человека; она, затерявшаяся в провинциальной толпе, эта маленькая женщина, *ничем не замечательная*, с вульгарною лорнеткой в руках, наполняла теперь всю его жизнь, была его горем, радостью, единственным счастьем, какого он теперь желал для себя; и под звуки плохого орке-

стра, дрянных обывательских скрипок он думал о том, *как она хороша*» (с. 10, 139). Эта внешне «ничем не замечательная» женщина бесподобно хороша, то есть красива для Гурова, потому что он смотрит на нее бесконечно влюбленными глазами, видит любящим сердцем. Такая красота видна только посвященным. Внутренне прекрасным человека делает любовь, она преобразует все, по-особому отражаясь и на внешности. Ключом для понимания подобной метаморфозы являются слова Чехова из записных книжек: «То, что мы испытываем, когда бываем влюблены, быть может, есть нормальное состояние. Влюбленность указывает человеку, каким он должен быть» (с. 17, 205).

Внутренняя жизнь человека, богатая духовными интересами, наполненная любовью, неизбежно отражается на внешности человека, делая его красивым, как в рассказе «Дама с собачкой». Эгоизм, холодность, расчет, неспособность любить делают отталкивающим даже внешне красивого от природы человека, как в рассказах «Попрыгунья» и «Ариадна».

Одухотворенность, способность любить, видеть красоту природы, слышать красоту музыки, быть в гармонии с миром и людьми – это основа подлинной человеческой красоты для Чехова. Он искренне полагал, что духовно пробудившийся человек, возродив в себе чувство прекрасного, будет стремиться к совершенству во всем. Поэтому в известном выражении о том, что «в человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» содержится не категорическое утверждение – должно, а надежда на прекрасное в человеке, мечта об этом – должно (нужно, хотелось бы, чтобы в человеке было все прекрасно).

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Уже традиционным стало разделение русской эмиграции на три больших потока – волны: первую, вызванную политическими событиями в России начала XX века (рубеж 1910–1920-х годов), вторую, связанную со Второй мировой войной (1940-е годы), и третью – «послеоттепельную» (конец 1960-х–начало 1980-х годов). В связи с этим делится на волны и литература русской эмиграции.

Значимым фактором для первой волны русской эмиграции становится также разделение на литературные поколения: старшее и младшее (так называемые младоэмигранты). Если первые успели состояться как писатели еще в России и продолжали развивать свои эстетические установки, во многом связанные с модернизмом Серебряного века, то вторые начали свою активную творческую деятельность уже в эмиграции.

Однако такое разделение к некоторым литераторам оказывается неприменимо, в связи с чем выделяется еще и третье – так называемое «промежуточное», или среднее, литературное поколение¹. Это авторы, которые начали писать еще в России, но полного расцвета своего таланта достигли уже за рубежом. Сюда можно отнести Г. Адамовича, Г. Иванова, Н. Оцуца, В. Ходасевича, К. Мочульского и др.

В. Варшавский писал о представителях этого поколения:

«Положение этих людей было совсем другое, чем положение “молодых”. Дело тут было не в возрасте, кое-кто из них был даже моложе некоторых “молодых”. Решающее значение имело их посвящение в литературу еще в России. Это делало их “настоящими” поэтами и писателями, представителями настоящей русской литературы, эмигрировавшей за границу, а не сомнительной литературы, возникшей в эмиграции»².

В идейно-духовном плане особенным стало положение молодых литераторов, очутившихся

на перекрестке культур. Плохо помня «утраченную Россию», младоэмигранты, вместе с тем, не могли – и не хотели – полностью влиться в западноевропейскую культурную жизнь. Они оказались «всем чужими», и отсюда берут начало их философские, религиозные и литературные поиски. Несмотря на то, что в научной среде сегодня присутствует интерес к литературе русского зарубежья как к явлению в целом, проза и поэзия младоэмигрантов первой волны до сих пор остается малоизученной, а влияние русской классической литературы на культурные традиции русского зарубежья, переосмысление ее значимости в публицистических и критических работах писателей-эмигрантов, насколько нам известно, практически никто не рассматривал. Единственное исключение – в отечественном и зарубежном литературоведении много говорилось и писалось об отношении младоэмигрантов к М. Ю. Лермонтову. Уже устоявшейся стала точка зрения, согласно которой большинство «молодых» литераторов ориентировались, если говорить о классической традиции, на творчество Лермонтова, которому они безоговорочно отдавали приоритет перед Пушкиным³. Первым об этом заговорил уже современник Г. Федотов. Он писал: «Пушкин слишком ясный и земной, слишком утверждает жизнь и слишком закончен в своей форме. Парижане ощущают землю скорее, как ад и хотят разбивать всякие найденные формы, становящиеся оковами. Лермонтов им ближе, злой и нежный, неустоявшийся, в страстях земли тоскующий о небе»⁴. Можно встретить упоминания о том, что на пушкинские традиции ориентировались члены парижской литературной группы «Перекресток» во главе с В. Ходасевичем, а на лермонтовские – молодые литераторы, группировавшиеся вокруг журнала «Числа» (так называемые «числовцы»), поддерживаемые Г. Адамовичем, Г. Ивановым и редак-

¹ См. о третьем поколении, например: Чагин, А. И. *Литература в изгнании: спор поколений // Литературное зарубежье: национальная литература – две или одна? – Вып. II. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – С. 220–221.*

² *Варшавский Владимир. Незамеченное поколение / В. Варшавский. – Нью-Йорк : изд-во им. Чехова, 1956. – С. 178.*

³ См. об этом: Агеносов, В. В. *Литература русского зарубежья (1918–1990) / В. В. Агеносов. – М. : Терра, Спорт, 1998. – С. 15 ; Барковская, Н. В. Литература русского зарубежья (Первая волна) : учебное пособие / Н. В. Барковская. – Екатеринбург : изд-во АМБ, 2001. – С. 14 ; Летаева Наталья Викторовна. *Молодая эмигрантская литература 1930-х годов: проза на страницах журнала «Числа»: дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / Н. Летаева. – М., 2003. – С. 37 ; Фаталист. *Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции / сост., вст. ст. и комм. М. Д. Филина. – М. : Русский мир, 1999. – 288 с. ; ил. ; и др.***

⁴ Федотов, Г. П. *О парижской поэзии / Г. П. Федотов // Ковчег. – Нью-Йорк, 1942. – С. 197.*

тором журнала Н. Оцупом. С именем Г. Адамовича традиционно связывается и так называемая «парижская нота» – организационно не оформленное литературно-эстетическое течение, объединявшее молодых парижских поэтов. На самом деле, если между В. Ходасевичем и Г. Адамовичем действительно были значительные разногласия, то разделение по этому принципу младоэмигрантов достаточно условно. Были молодые литераторы (например, Д. Кнут, В. Смоленский и др.), которые одновременно состояли в «Перекрестке» и печатались в «Числах». «Парижская нота» также не имела четкой эстетической программы и объединяла очень разных поэтов⁵, в том числе по-разному относившихся к русскому литературному наследию.

При этом серьезных исследований того, какую роль пушкинское наследие действительно играло в литературе русского зарубежья, как воспринимались образ Пушкина и его творчество различными литературными поколениями русской эмиграции первой волны, не существует.

Начнем с того, что само имя Пушкина для эмигрантской культуры всегда было символично. Одной из первейших забот издателей-эмигрантов было переиздание произведений Пушкина. Несколько издательств в разных странах выпустили новые издания произведений Пушкина – наиболее ярким среди них может считаться собрание сочинений, изданное в Париже на мелованной бумаге и в кожаном переплете. В «Петрополисе» вышло под редакцией В. Ходасевича роскошное издание «Евгения Онегина» с иллюстрациями Мстислава Добужинского⁶.

По словам М. Раева, «в Русском Зарубежье развился настоящий культ Пушкина... В эмиграции образованные русские заново открыли для себя Пушкина как действительно своего поэта, самого близкого к ним...⁷». И действительно, Пушкин стал истинным символом великой культуры утраченной России. День рождения поэта отмечался повсеместно в центрах эмигрантского рассеяния как День русской культуры.

Образ Пушкина был тем более притягателен для эмиграции, что советское литературоведение 1920–30-х гг. о Пушкине упоминало мало,

уделяя гораздо больше внимания социальной критике Некрасова или Салтыкова-Щедрина. Таким образом, сам образ Пушкина действительно превращался в некое отвлеченное божество, критиковать которое – все равно, что критиковать всю русскую культуру. Не зря сперва речь на Пушкинском вечере в Доме литераторов, а потом и книга критических статей В. Ходасевича называлась «Колеблемый треножник», а известная статья эмигрантского критика и литературоведа А. Бема – «Культ Пушкина и колеблющие треножник»⁸.

О несомненном уважении к пушкинским традициям неоднократно говорили на заседаниях литературного общества парижских эмигрантов «Зеленая лампа», возглавляемого З. Гиппиус и Д. Мережковским. Уже само название его несомненно отсылает к одноименному обществу начала XIX в., собиравшемуся у кн. Всеволожского, в котором участвовал молодой Пушкин. Открывая первое собрание «Зеленой лампы», В. Ходасевич выступил со вступительным словом о роли Пушкина в искусстве⁹. Впрочем, представители молодого литературного поколения вечера «Зеленой лампы» хотя и посещали, но относились к ним довольно скептически. Так, Александр Бахрах в своей книге воспоминаний пишет:

«На худой конец была придумана “Зеленая лампа”, но ее пушкинское название никак не вязалось с ее сущностью. В переполненном преимущественно дамами зале на заседаниях “Лампы” говорили о “смысле жизни” или лучше сказать, о вещах, о которых лучше думать, чем наспех ораторствовать¹⁰».

Итак, с одной стороны, имя Пушкина как знамя великой русской литературы, ее золотого века. Такой позиции придерживались в основном представители старшего литературного поколения. Вместе с тем были и те, для кого Пушкин, оставаясь, скорее, символом, а не реальным человеком, творцом, поэтом, вместе с тем оказался символом не величия русской культуры, а ее падения. Бродит по страницам «Распада атома» Г. Иванова одинокий «потерянный человек» и бормочет: «Пушкинская Россия, зачем ты нас

⁵ См. об этом, напр.: Чагин, А. *Расколота лира (Россия и зарубежье: судьбы русской поэзии в 1920–1930-е годы)* / А. Чагин. – М.: Наследие, 1998. – С. 74, 122; Барковская, Н. В. *Литература русского зарубежья (Первая волна): учебное пособие* / Н. В. Барковская. – Екатеринбург: изд-во АМБ, 2001. – С. 14.

⁶ Раев, М. Н. *Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939* / М. Н. Раев. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – С. 104.

⁷ Там же. – С. 125.

⁸ Бем, А. Л. *Письма о литературе* / А. Л. Бем. – Прага: Slovanski ustav Euroslavica, 1996.

⁹ Демидова, О. Р. *Владимир Набоков и журнал «Числа»: несостоявшийся диалог* / О. Р. Демидова // *Диалог в образовании. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”*. – Вып. 22. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 5.

¹⁰ Бахрах Александр. *По памяти, по записям. Литературные портреты* / Бахрах Александр. – Париж: La presse libre, 1980. – С. 30.

обманула? Пушкинская Россия, зачем ты нас предала?»¹¹.

Конечно, тут, несомненно, разочарование в классических литературных идеалах, которые, может быть, и не собственно пушкинские. И опять гораздо более важен не сам Пушкин, а Россия, которая стоит за ним, только трактовка этой России уже иная. Здесь, конечно, на первый план выходит Г. Иванов, у которого – единственного из многих – образ Пушкина становится одним из ключевых в поэзии, в художественном творчестве:

Все в этом мире по-прежнему.
Месяц встает как вставал,
Пушкин именье закладывал
Или жену ревновал –

И ничего не исправила,
Не помогла ничему
Смутная, чудная музыка
Слышная только ему¹².

Ю. Терапиано, вспоминая эти строки, скажет: это пишет «Георгий Иванов... в сущности – о всякой поэзии, о каждом настоящем поэте. Сущность поэзии, как всякого подлинного искусства, трагична, предел ее – вечно недостижим, берега ее усеяны обломками кораблей, потерпевших крушение¹³».

Итак, уже среди представителей старшего и среднего литературного поколений были разногласия в трактовке даже не творчества Пушкина, а самого его образа. Конечно, можно наложить эти разногласия на пресловутую борьбу между литературными течениями русской эмиграции, на известное противостояние литературной группы «Перекресток» и журнала «Числа» с его «парижской нотой», В. Ходасевича и Г. Адамовича... И они, несомненно, порой так и воспринимались современниками. Пушкин был актуален для «молодых», потому что образ Пушкина-классика, застывшего в бронзе золотого века, противостоящего менее успешному и более молодому Лермонтову, очень хорошо проецировался на современную им атмосферу русской литературной эмиграции. В таком контексте Пушкин стал объектом не столько критики, сколько публицистики младоэмигрантов. «Вполне законна

их неудовлетворенность классицизмом (в этой связи “развенчание” Пушкина)¹⁴», – подтвердит Г. Федотов.

Пушкин однозначно воспринимался «молодыми» как поэт удачливый, состоявшийся, имевший своего читателя. «Какие бы отношения с цензурой ни были у пушкинских современников, ни один из них не висел в безвоздушном пространстве русского Монпарнаса¹⁵», – пишет З. Шаховская. «Пушкин стоит еще на пороге полной удачи, будучи в этом смысле отчетливее связан с восемнадцатым веком, чем с тревожным, раздираемым противоречиями и предчувствиями веком девятнадцатым¹⁶», – вторит ей Г. Адамович. И тут уже главным оказывается не собственно пушкинская традиция в литературе, а тот факт, что Пушкин состоялся как поэт, был признан огромной аудиторией и оценен еще при жизни, чего у эмигрантских поэтов, особенно молодых, не было и быть не могло.

Если уж не Пушкин, то однозначно кто-то должен был выступить в роли «светила русской литературы». В этом отношении Пушкин для младоэмигрантов, конечно, четко противопоставлен Лермонтову, но не только. Лермонтов оказался кумиром, прежде всего, для одного из всей плеяды молодых эмигрантских поэтов – Б. Поплавского. Вместе с тем Поплавский стал и главным из «колеблющихся треножников» культа Пушкина, о которых с такой иронией писал А. Бем.

«Мысль о зрителе порождает литературное кокетство, – утверждает Поплавский. – Хочется быть красивым и замечательным. Конец. Эстетика. Пошлость. Литературщина. Но нельзя и в жизни жульничать и писать хорошие стихи... А все удачники жуликоваты, даже Пушкин. А вот Лермонтов, это другое дело. Пушкин дитя Екатерининской эпохи, максимального совершенства он достиг в ироническом жанре. (Евгений Онегин). Для русской же души все серьезно, комического нет, нет неважного, все смеющиеся будут в аду. Пушкин так же, как и Стендаль, в сущности, смеялся над романтиками. В “Le Rouge et le Noir” Стендаль говорит, смеясь, относительно романтической сложности любви его времени. О, если бы люди регентства воскресли бы, как они смеялись бы, в старину это было гораздо проще. Пушкин гораздо проще России.

“Белеет парус одинокий

¹¹ Иванов Георгий. *Распад атома / Иванов Георгий*. – Париж, 1938. – С. 82.

¹² Иванов Георгий. «Медленно и неуверенно...» / Иванов Георгий // *Числа*. – Париж, 1930. – № 1. – С. 14–15.

¹³ Терапиано, Ю. *Вступительная статья / Ю. Терапиано // Муза Диаспоры. Избранные стихи зарубежных поэтов 1920–1960 / под ред. Ю. К. Терапиано*. – Франкфурт-на-Майне : ПОСЕВ, 1960. – С. 16.

¹⁴ Федотов Георгий. *О смерти, культуре и «Числах» / Федотов Георгий // Числа*. – 1930. – № 4. – С. 147.

¹⁵ Шаховская, З. *Литературные поколения / З. Шаховская // Одна или две русских литературы? Международный симпозиум, созванный факультетом словесности Женевского университета и Швейцарской Академией славистики: 13–15 апреля 1978*. – Лозанна : L'age d'homme, 1978. – С. 55–56.

¹⁶ Адамович Георгий. *Одиночество и свобода / Адамович Георгий*. – Нью-Йорк : изд-во имени Чехова, 1955. – С. 281.

В тумане моря голубом”...

А рядом Граф Нулин и любовь к Парни!

Лермонтов, Лермонтов, помяни нас в доме отца твоего!

Как вообще можно говорить о Пушкинской эпохе. Существует только Лермонтовское время, ибо даже добросовестная серьезность Баратынского предпочтительнее Пушкину, ибо трагичнее¹⁷».

Это декларативное презрение к Пушкину как к символу литературной удачи, поддержанное такими старшими идейными вдохновителями «парижской ноты», как Г. Адамович и Н. Оцуп, оказалось, впрочем, не единственным поводом для критики поэта. Если для В. Ходасевича Пушкин не только и не столько символ, сколько реальный автор реальных текстов, подлежащих не оценке, а вдумчивому литературоведческому, критическому анализу (оценка-то их несомненна), то «числовцы» в соответствии со своими идейно-эстетическими концепциями начали оценивать и переоценивать как сам образ Пушкина, так и его роль в русской культуре.

Так, Н. Оцуп в своем помещенном в «Числах» эссе о поэзии Ф. Тютчева пишет:

«Пушкин – в мире, стихи его сопутствуют жизни, не отставая от нее, но и не ища над ней возвыситься».

Поэзия Тютчева хочет совпасть с абсолютным, она ищет “недостижимого, неизменного”, того, что пребывает над миром или на самой последней его глубине¹⁸».

Тут уже не Пушкин и Лермонтов, а Пушкин и Тютчев, но сравнение опять не в пользу первого. И это, несмотря на то, что в своей теории литературного персонализма Оцуп во многом опирался на опыт Пушкина, а, по словам современного исследователя, «творчество Пушкина было для него... недостижимым художественным образцом»¹⁹. Собственно, чтобы исчерпать эту тему, скажем только, что альтернативой Пушкину как образу величайшего литератора-творца разные представители литературной эмиграции предлагали не только Лермонтова и Тютчева, но и Л. Толстого (Г. Адамович²⁰), А. Чехова (П. Бицилли²¹), а то и М. Пруста (Г. Иванов²²),

Дж. Джойса (Б. Поплавский²³). Называли таким «новым Пушкиным» и самого Поплавского, уже после его гибели. Ведь не зря же самих младоземигрантов, в особенности представителей «парижской ноты», порой называли «пушкинской плеядой без Пушкина»²⁴. «И мне думается, что именно Поплавский был тем творцом, взмывающим во всемирные высоты, которому остальные поэты его плеяды все-таки составили лишь достойную свиту. Поплавский ни на кого не похож и ни с кем не сравним»²⁵, – пишет Э. Райс в своей статье, посвященной памяти поэта.

Но здесь, как нам кажется, примечательно другое. Если для большинства «старших» Пушкин безоговорочно велик, а для «младших» – столь же безоговорочно, с легкой руки Поплавского, презираем, то для многих из «среднего» литературного поколения «числовцев» – Н. Оцупа, Г. Иванова, Г. Адамовича, Пушкин, несомненно, двойственен. Этот образ как бы расслаивается, легко разделяется на два: Пушкин-символ и Пушкин-творец.

Г. Адамович, постоянно полемизируя с В. Ходасевичем и «Перекрестком», не соглашаясь с предлагаемой ими ориентацией художественного творчества на классические образцы, вместе с тем ставит очень высоко Пушкина-творца, Пушкина-реалиста. На одном из вечеров Союза молодых поэтов Г. Адамович, споря уже с Д. Мережковским, который заявил, что «в России литература прекратилась. Там, где нет свободы, нет искусства», заявляет: «А Пушкин?»²⁶».

«Поплавский был не только сыном этих [революционных. – Н. З.] десятилетий, но и детищем Запада, в силу своей оторванности от России, по навязанному ему судьбой эмигрантски-парижскому положению. Для него Артур Рэмбо был не менее дорог и близок, чем Пушкин, потому что он во Франции вырос, во Франции сложился, и ее веяниями был проникнут», – пишет Г. Адамович в своих воспоминаниях²⁷.

В то же время и Г. Иванов, по словам И. Одоевцевой, «выше всех поэтов... ставил Пушкина и, даже умирая, все время повторял его строки... Поплавский, по его мнению, не понимал просто-

¹⁷ Поплавский Борис. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции / Поплавский Борис // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 309–310.

¹⁸ Оцуп Николай. Ф. И. Тютчев / Оцуп Николай // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 150.

¹⁹ Ланин, Б. Уроки Николая Оцупа / Б. Ланин // Литература. – № 45 (477). – 2001–12-07. – Режим доступа : <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200104504>

²⁰ Адамович. Комментарии / Адамович // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 142.

²¹ Бицилли, П. Чехов / П. Бицилли // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 168.

²² Анкета о Прусте // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 273.

²³ Поплавский Борис. По поводу... / Поплавский Борис // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 161–175.

²⁴ Райс Эммануил. О Борисе Поплавском [Журнал «Грани», 1979, № 114. С. 156–167] / Райс Эммануил // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1994. – С. 298.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Вечера, посвященные «Числам» // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 257–259.

²⁷ Адамович Георгий. Одиночество и свобода / Адамович Георгий. – Нью-Йорк : изд-во имени Чехова, 1955. – С. 281.

ты, которая всегда в поэзии Пушкина была рядом с его гениальностью²⁸».

Для Н. Оцуа Пушкин велик: «Универсальность его гения, раскрытая в знаменитой речи Достоевского, сделала из него своего рода символ русского национального идеала. ...Пушкин – истинный поэт свободы. ...он огненно, без единой фальшивой ноты, учит любить человека, призывает к милосердию, пробуждает в сердцах “чувства добрые”. Простой неграмотный русский человек, помнящий наизусть не одно стихотворение Пушкина, любит его с не меньшей силой, чем искушенные интеллигенты. О Петре Великом Пушкин сказал, что он “прорубил окно в Европу”. То, что сделал царь для русского государства, поэт сделал для русской литературы».

Но не менее велики и другие: «вторую особенность “золотого века”»: трагическое, пророческое напряжение поэзии и прозы – еще сильнее, чем сам Пушкин, выражают его прямые наследники: Лермонтов, Тютчев, Толстой, Достоевский²⁹».

Пушкин – актуален, но все же не так, как современники: «Меняется, как мы отмечали, и сам писатель. Требования, предъявляемые им к себе, не менее значительны, чем у его великих предшественников: но то, что у Пушкина или Толстого как бы создавалось впервые, теперь подверга-

ется сознательному анализу. Мастер побеждает пророка³⁰».

Таким образом, как мы можем видеть, трактовка как образа самого Пушкина, так и его творческого наследия в среде русской литературной эмиграции первой волны оказалась различной, что вызвало серьезную полемику. Одну крайность ярко выразил А. Бем, утверждавший, что одна из важнейших миссий русской эмиграции – «приобщение Запада к постижению гениальности Пушкина. Только тогда, когда этот круг будет завершен, мы сможем сказать, что Пушкин не только наш национальный гений, но и русский гений всечеловечества»³¹. На другом полюсе, конечно же, Поплавский сотоварищи, отрицавший любое значение Пушкина для русской литературы.

Своеобразный синтез этих точек зрения был завершен в творчестве Н. Оцуа. Подробно анализируя роль пушкинского творчества как явления в русской культуре, именно Оцуп в конце концов создает свою теорию, в чем-то примиряющую крайности. Неоднократно подвергая сомнению символическое значение Пушкина для русской культуры, вместе с тем Н. Оцуп утверждал: «Мы, русские эмигранты, сами по себе вряд ли имеем право на особое место в истории, но за нами Россия и ее Пушкин»³².

²⁸ Цит. по: Иваницкая, С. Л. О русских парижанах. «Сколько их, этих собственных лиц моих»? / С. Л. Иваницкая. – М. : Эллис Лак, 2006. – С. 68.

²⁹ Оцуп Николай. Современники / Оцуп Николай. – Париж : Imprimerie Coopérative Étoile, 1961. – С. 128.

³⁰ Там же. – С. 135.

³¹ Бем, А. Л. Письма о литературе / А. Л. Бем. – Прага : Slovanski ustay Euroslavica, 1996. – С. 53.

³² Оцуп, Н. А. Литературные очерки / Н. А. Оцуп. – Париж, 1961. – С. 149.

АВАНТЮРНАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНА ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА «РВАЧ»

Без преувеличений мы можем сказать сегодня, что социально-авантюрный роман «Рвач» – одно из лучших произведений Ильи Эренбурга. Написанный в Париже в 1924 году, в 1925 году он там же и был опубликован. Только в 1927 году роман выходит в России, в Одессе, в издательстве «Светоч» небольшим тиражом, большая часть которого погибает еще на складе¹. Появление романа в печати не приносит писателю славы. «Один из наиболее видных напостовцев, – вспоминает Илья Эренбург, – называя меня “откровенным врагом революции”, писал: “Пафос “Рвача” – любование нэпаческой хищнической средой, утверждение о захвате буржуазными хищниками всего нашего хозяйственного аппарата”»². Лишь в 1960-е годы роман попадает в собрание сочинений писателя и обретает свою широкую читательскую аудиторию. Хотя уже сразу после первой публикации в Париже роман вызывает у читателей пристальный интерес. Острый конфликт, динамичное развитие событий, лабиринт походов главного героя, энергичного, готового к любым испытаниям, бесстрашного, ловкого и эгоистичного – все это нравится читателю. К моменту появления «Рвача» писатель уже имеет опыт создания произведения авантюрного характера. В 1922 году выходит его знаменитое произведение «Хулио Хуренито», написанное в жанре средневекового авантюрного романа, о чем свидетельствует уже его полное название – «Необычайные приключения Хулио Хуренито и его учеников: monsieur Дэле, Карла Шмидта, мистера Куля, Алексея Тишина, Эрколе Бамбучи, Ильи Эренбурга и негра Айши. В дни мира, войны и революции в Париже, Мексике, в Риме, в Сенегале, в Кинешме, в Москве и в других местах, а также различные суждения Учителя о трубках, о смерти, о любви, о свободе, об игре в шахматы, об иудейском племени, о конструкции и многом ином». Довольно непростой, остросатирический роман, который, по мнению М. Шагинян, «начинается легко и забавно, а кончается грозно и патетически»³, своей

формой представляет «главный жанр двадцатых годов – это именно странствия хитреца, это жизнеописание плута, плутовской роман»⁴. В одной из своих лекций о 100 шедеврах литературы XX века Дмитрий Быков говорит следующее: «Мы знаем, что в атомной войне не выживет даже таракан. У Маяковского бессмертен оказался клоп. А вот бессмертный клоп, бессмертно выживший после катаклизмов, это Хулио Хуренито, жулик. Поэтому, собственно, вот это очень странно, трудно объяснить такой, если хотите, шок двадцатых. Главным героем литературы двадцатых годов оказывается жулик. Мы все ждали, что этим главным героем окажется победивший пролетарий, но его настолько нет в литературе, что кажется иногда, будто его не было и в реальности, будто эту революцию сделали не пролетарии. Это правда, ее сделали совсем не пролетарии»⁵. Эти слова по поводу героя романа «Хулио Хуренито» можно смело отнести и к роману «Рвач», главный герой которого Михаил Лыков, «вышедший из революции», плут.

Совершенно очевидно, что «любовь к революции» Илья Эренбург начинает испытывать лишь во второй половине 20-х годов, так как ранее, судя по романам «Хулио Хуренито» и «Рвач», он достаточно скептически относится к тем событиям, которые происходят в России с октября 1917 года до середины 1920-х годов. И в литературе тех лет писатель со своей точкой зрения не одинок. Следует вспомнить романы Л. Леонова «Вор», К. Федина «Братья», цикл новелл И. Бабеля «Конармия». Героями литературы 1920-х годов становятся люди, попавшие в водоворот исторических событий не благодаря «святой вере» в идеи революции, а только лишь потому, что революционные и околореволюционные события становятся для них прекрасной почвой для проявления «плутовских» склонностей, стремления выделиться, обозначить свою исключительность. Тяга к риску, авантюре, азарт, жажда ощутить превосходство над другими – вот что порой влечет таких людей в вихрь

¹ <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/blium/ilp/?id=523>, 23.03.16 в 22.00.

² Эренбург Илья. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в трех томах / Илья Эренбург. – Т. I. – М., 1990. – С. 436–437.

³ Рубашкин, А. Илья Эренбург / А. Рубашкин. – Л., 1990. – С. 85.

⁴ Быков, Д. Сто лекций / Д. Быков. – Режим доступа : https://tvrain.ru/lite/teleshov/sto_leksij_s_dmitriem_bykovym/bykov_erenburg_1922-404941/

⁵ Там же.

революции и гражданской войны. В период бурных социальных подвижек, к которым относятся и НЭП, возникают реальные условия для легкой наживы, для азартного обогащения, для безрассудного утверждения своей силы и своих возможностей. Илья Эренбург по этому поводу пишет: «Я часто беседовал с молодыми людьми: умные и глупые, честные и карьеристы. Нэп помог восстановлению экономики, но вряд ли он был хорошей школой для юношей и девушек. У всех еще были в памяти годы гражданской войны: подвиги, слава, зверства, героика, грабежи. Молодежь, пришедшая в университеты с фронта, из деревень, была горячей, напористой. Студенты хорошо учились, да и вели себя хорошо, колеблясь между наивным утилитаризмом и свойственной их возрасту романтикой. Но было немало и таких, что теряли голову, – честолюбцев, фантазеров без азов морали, слабовольных, которые, очутившись в дурной компании, шли на все. Рядом со скромной студенческой жизнью шел разгул»⁶.

К созданию романа писателя подталкивает подлинная история одного молодого человека. Из честного, правильного юноши молодой человек превращается в спекулянта, мошенника, не найдя в себе силы побороть соблазн легкой наживы и желая блеснуть перед любимой девушкой. Но писатель, которого трогает эта история, изображает не просто банальный путь морального падения молодого человека, он раскрывает сложный процесс духовного несовпадения заложенных природой задатков характера с теми условиями, в которых этот характер развивается. «Мне захотелось написать о нем, – пишет Илья Эренбург, – о таких, как он. Я начал ходить по судебным заседаниям; получил разрешение беседовать с заключенными в изоляторах. Привлекали меня, конечно, не живописность среды, не уголовщина, а *история взлета и падения* (курсив мой. – Т. Ш.) тех крутых, скользких лет»⁷. Таким образом, в основу романа ложится судьба незаурядного человека в условиях НЭПа, времени отчаянного героизма и преступного малодушия, высоких утопических идей и авантюрного пафоса, романтики и циничного стремления к легкому обогащению. «Тогда входило в обиход новое словечко “рвач”, и я назвал моего героя рвачом. Я описал его детство, стремление к славе, себялюбие, подь-

ем в первые годы революции, участие в гражданской войне, учебу, падение... В нем жили различные, порой противоречивые чувства... Он верил в свою исключительность, в свое превосходство над товарищами. Если угодно, он чем-то напоминал Жюльена Сореля, родившегося сто лет спустя, в стране социалистической революции. Осужденный, он в тюрьме кончил жизнь самоубийством»⁸.

Но в слово «рвач», на наш взгляд, Илья Эренбург вкладывает много больше, чем только желание извлечь, то есть урвать для себя как можно больше личной выгоды вопреки законам и моральной этики. Писатель создает героя, который в силу характера в большей мере жаждет реализовать то, что тревожит, беспокоит его душу. Он РВЕТСЯ из своей среды, из своего я, из своего тела, наконец. Писатель наделяет Михаила Лыкова характером, который «сыграл в его судьбе роль не меньшую, нежели исторический антураж»⁹.

Автор находит сходство своего героя с героем романа Стендаля, хотя характер Михаила Лыкова, на наш взгляд, имеет истоки и в русской литературе. В определенной мере Михаил Лыков – это Чичиков своего времени, а «Рвач» продолжает развивать гоголевскую модель романа: детство героя, в период которого уже виден его характер – герой во внешнем враждебном ему мире и борьба «за место под солнцем», благодаря плутовству, уловкам, хитрости, разоблачение героя. Совершенно уместно здесь, на наш взгляд, вспомнить гоголевские слова из первого тома «Мертвых душ»: «В книге, которая перед тобой, которую, вероятно, ты уже прочел в ее первом издании, изображен человек, взятый из нашего же государства. Ездит он по нашей Русской земле, встречается с людьми всяких сословий, от благородных до простых. Взят он больше затем, чтобы показать недостатки и пороки русского человека, а не его достоинства и добродетели, и все люди, которые окружают его, взяты также затем, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшие люди и характеры будут в других частях»¹⁰. Илья Эренбург, следуя за Николаем Гоголем, ставит перед собой ту же цель: «показать слабости и пороки» человека, но уже XX века.

С детства Лыкова тревожат неясные, незнакомые ему ощущения. В нем уживаются гордыня,

⁶ Эренбург Илья. Люди, годы, жизнь. Воспоминания: в 3 т. / Илья Эренбург. – Т. 1. – М., 1990. – С. 435.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С. 435–436.

⁹ Эренбург, И. Собрание соч.: в 5 т. / И. Эренбург. – Т. 1. – М., 1964. – С. 174. (Далее текст романа цитируется по данному изданию с указанием страниц в скобках.)

¹⁰ Гоголь, Н. Мертвые души / Н. Гоголь. – Режим доступа : <http://ilibrary.ru/text/78/p.1/index.html> (дата обращения: 27.03.17).

апломб, азарт, наивная сентиментальность, жажда острых ощущений. Однажды после посещения театра, в котором давали «Кармен», Мишка приходит к пониманию, что жизнь для него – это «чтобы с розой в зубах и на смерть» (23). Романтического героя влечет к неизведанному. Ему характерна тяга к смене мест, потребность к движению. Герой всегда в поиске, «в скитаниях». И Михаил Лыков рвется к какой-то другой для него жизни, стремится удовлетворить неясное для него томление души. Живет он больше «инстинктом», чем разумом. И именно поэтому в его сознании происходит подмена нравственных ориентиров. «Черное» он принимает за «белое», мошенничество и подлог – за проявление решимости и смекалки. Жажущая действия натура Михаила ищет выход своим страстям, и Михаил, погружаясь в авантурные похождения, не замечает, как его все глубже затягивает преступная жизнь.

Любовь – вот что является двигательной силой авантурного характера. Илья Эренбург, с одной стороны, создает узнаваемый авантурный характер, но с другой – он как бы развенчивает авантюризм своего героя, все время возвращает его «с небес на землю». Любовь, которая должна облагораживать все порывы романтического героя, для Михаила Лыкова становится разрушительной силой, гибелью, притом гибелью бесславной. Илья Эренбург в характере Михаила Лыкова делает упор на врожденных, глубинных, данных природой качествах его личности. С детства многие поступки Михаила выходят за рамки понимания. И в тюрьме его поведение остается «темным и загадочным» даже для самого Лыкова. «Разбивая стекла, Михаил осколками резал себя, резал не в серьез, на половину, даже на четверть, марая лицо кровью и визжа от неподдельного ужаса. Зачем?» (348) Ответить на этот вопрос не берется даже автор.

Смерть героя как венец его странной, темной, авантурной жизни пронизана той же степенью загадочности, что и его поступки в жизни, начиная с детства. В детском сознании Мишки отпечатается случай с портным Примятиным, который по неизвестной Мишке причине заканчивает жизнь самоубийством, выпрыгнув из окна. «Портной машет Мишке одним пальцем, острым и длинным, как игла: – Эй, мальчик! Бабки считаешь? Смеешься? Думаешь, я – Примятин, портной военный и штатский, на вывеске покрой, а по совести, чтобы трухлявые задницы уютить? Врешь! Я не портной. Я – жаворонок. Я в небесах играю. Я безо всяких шаров обхожусь... Мишка потом отчетливо помнил все эти несвязные слова и отчаянный голос... Засим наступило самое необычайное: Примятин вскочил на подоконник, помахал фалдами своего перелицованного сюртука и взлетел вверх, как был, то есть в очках и в широком картузе. Взлетел, ко-

нечно, не взлетел, чуть подпрыгнул и свалился вниз, в шагах десяти от Мишки. Красная краска брызнула, как будто маляр уронил ведро с суриком» (14).

А вечером выпоротый отцом помочами за то, что Мишка не пожелал с ним разговаривать, «не дотягиваясь до своей спины, больно чесавшейся от помочей, он вдруг прокричал: – Вы, папаша, сволочь! Все вы сволочи! А я вот... а я вот... жаворонком... И к чертям!..» (14).

Странная тяга к экстремальному, к смертельно опасному и звериная тяга к жизни – все это находит квинтэссенцию в его смерти. «Михаила вели в баню. ...О бессмысленности поступка не приходится говорить. В лучшем случае Михаил достиг бы крыши внутреннего корпуса, отделенной рвами двора от других крыш. Не птицей же он был, чтобы удовольствоваться обозрением окрестностей, чувством высоты или пением. Но мало думавший Михаил на этот раз и вовсе не успел подумать. Он увидел свет и ступеньки, тонкие перекладки, ведущие к диску, дороге, отличную от обычных коридоров изолятора. Он рванулся, и только. Глоток воздуха, вскрик, – иначе нельзя рассматривать этот нелепейший жест. Если в нашем герое еще оставались дробные величины жизни, то это они подкинули его вверх. (Кидая мячик, дети порой втихомолку, как бы стыдясь своей наивности, задумывают: а вдруг полетит...) ...у Михаила закружилась голова. Ни одной мысли в ней не было. Только где-то (на десятой или пятнадцатой ступеньке) образ необычайного портного, этого оперенного тоской и безумием жаворонка, встал перед ним. Примятин летел зигзагами, усиливая головокружение. Перекладки же, скользкие и обжигавшие пальцы, давались все труднее и труднее. Еще одна, еще немного воздуха, и последний взлет был закончен» (351) Характер Михаила Лыкова, имея основные черты авантурного характера, все же более драматичен, более глубок и неоднозначен. Что бы могло получиться из Михаила Лыкова, не попади он в историческую мясорубку гражданской войны и Нэпа? Для каких целей природа наделяет людей необычными, отличными от среднестатистического характера чертами? Что таится в глубинах таких характеров, которым обладал Михаил Лыков? Писатель в финале обнажает творческую природу характеров Лыкова. «Ложь, выдумка, подлог, вечные вдохновители преступности, а также искусства!», – резюмирует писатель. Лыков мог бы реализовать себя в искусстве, мог бы, наверное, но судьба не дала ему такого шанса. Его душа рвется к необычному, яркому, но в итоге он выбирает путь темный и преступный.

Художественная природа романа «Рвач» в целом сложна и, по сути, еще не выявлена в полной мере. Авантурная специфика же сюжета сегодня

не вызывает сомнения. Но авантюренность романа, написанного в середине 1920-х годов, имеет уже свои особенности. «Условности авантюрного романа» позволяют автору говорить «всеми косвенными способами о современном, о выно-

шенном и рожденном своей эпохой, об очередном»¹¹. И эта особенность уже нового авантюрного романа «воспринимается современниками только как оболочка, сквозь которую обжигает и ранит жгучая тема дня»¹².

¹¹ Шагинян, М. Собр. соч.: в 9 т. / М. Шагинян. – Т. 1. – М., 1886. – С. 720.

¹² Там же.

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ В РИФМЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Метафизическое проявляется не только в поэтическом слове, но и в том, что относится, например, к *рифме*, через которую достигается союз поэта-творца и слова. Но такой союз всегда не случаен и по-своему метафизичен: рифма таинственна, загадочна и почти необъяснима. Рифма, как и сама работа со словом, – это часть метафизического акта, некая форма языкового ритуала, обладающего магической силой воздействия и на автора, и на читателя. Отечественный литературовед А. В. Чичерин (1900–1989), размышляя над природой поэтического слова, приходил к выводу, что «рифма распаивает неожиданные двери, обновляет, обогащает жизнь образа. Как в шахматах сопротивление противника нарушает прямолинейные планы игрока, порождает, в конечном счете, всю оригинальность и всю силу игры, так “искание рифмы”, осложняя поэтический труд, в то же время сталкивает с пути слишком прямолинейного и ведет к непредвиденным открытиям»¹.

Эта же мысль была свойственна и Пушкину, в обращении «К моей чернильнице» (1821) писавшему о взаимном притяжении рифм, о нахождении пером нужных созвучий:

...И под вечер, когда
Перо по книжке бродит,
Без вялого труда
Оно в тебе находит
Концы моих стихов
И верность выраженья;
То звуков или слов
Нежданное стеченье,
То едкой шутки соль,
То правды слог суровый,
То странность рифмы новой,
Неслыханной дотоль.

Каждое новое открытие, осуществляемое в рифме, содержит в себе внутреннее движение к определенной автором идее, а в метафизическом понимании – приводит поэта к тем или иным неожиданным заключениям при поиске рифмующегося слова и чаще всего к новому повороту стихотворного повествования. Поэтическое сло-

во в поиске своего звукового эквивалента становится неким *магнитом*, притягивающим к себе словесные образы одного уровня и порядка, но подчас *внешне* далекие. Поэтому в рифме можно усмотреть и средства *концепта* – стилистического приема, развернутой метафоры, основу которой составляют неожиданные ассоциативные связи между предметами или явлениями, изначально далекими, принципиально несхожими.

С. С. Аверинцев (1937–2004) в своей книге «Поэтика ранневизантийской литературы» (1997) в главе «Рождение рифмы из духа греческой “диалектики”» писал следующее: «Мы привыкли к тому, что явное, лежащее на поверхности смысловое сопряжение (соединение или противоположение) рифмующихся слов не только не обязательно, но почти предосудительно. <...> Эти слова, так сказать, обучены друг другу коллективной психологией языка уже заранее и поэтому не могут повстречаться в рифме внезапно и неожиданно, как незнакомцы»². Известно, что в концепте заявлено не менее двух образов, один из которых в обязательном порядке не является поэтичным, то есть может быть взят из любой области человеческой деятельности, чаще всего из научной терминологии. И собственно второй и последующие образы в концепте могут быть связаны с неожиданно пришедшим рифмическим созвучием, вследствие которого поэт начинает устанавливать свою оригинальную связь, открывает завуалированное единство тех или иных противоположных или крайне удаленных друг от друга понятий.

Иосиф Бродский в беседе со своим коллегой, лауреатом Нобелевской премии Дерримом Уолкоттом (1913–2017), доказывая, что рифмование стихов – процесс личностного познания мира, открытие новых законов мироздания, приводил, по его словам, «очень простой пример»: «Когда вы рифмуете две вещи, которые до того не составляли пары, между ними развивается некоторое родство. Предположим, строка заканчивается словом “moon” (“луна”). Ты начинаешь присматриваться к языку в поисках рифмы или соответствия и рано или поздно приходишь к слову “spoon” (“ложка”). Изначально ты пред-

¹ Чичерин, А. В. *Идеи и стиль. О природе поэтического слова* / А. В. Чичерин. – 2-е изд., доп. – М., 1968. – С. 63.

² Аверинцев, С. С. *Поэтика ранневизантийской литературы* / С. С. Аверинцев. – М., 1997. – С. 237–238.

полагаешь, что это неудачно, поскольку между луной и ложкой нет никакой связи. Потом ты начинаешь думать. И думаешь: так ли это? Может быть, и есть. Прежде всего обе неодушевлены; у обоих металлическое сиянье. Etc., etc. Ты устанавливаешь между ними связь. И эта связь создает потрясающее ускорение. Она помогает тебе понять что-то в природе вещей, в природе луны и природе ложки. Возможно, даже в природе связи этих вещей. Потом ты осознаешь, что здесь был задействован совершенно иной механизм, чем в любом другом направлении работы, в любой другой профессии, в другом роде занятий. <...> В процессе сочинения интересно то, что при этом ты используешь одновременно все три известных человеку метода познания: 1. аналитический процесс; 2. процесс интуитивного синтеза и 3. откровение...»³.

Тем самым поиск рифмы во многом бессознателен, но верен. Именно *через рифму* – инструмент поэзии и именно *через поэта-философа*, но не ученого в прямом смысле этого слова *устанавливаются* новые законы природных механизмов, раскрывается концептуальная близость и концептуальное родство равноудаленных друг от друга предметов. Нахождение элементов их сходства, родственности, приобщения и приравнивания – все это составляющие метафизического, гармонизирующего и соединяющего раздробленный, порушенный временем и пространством мир воедино в изначально цельную монументальную картину, разорванные части которой «притягиваются» и «сшиваются» рифмической иглой.

Для поэта рифма – это еще и часть его души, его профессиональная состоятельность, потому что рифма неотделима от языка, от культуры, от Родины, взрастившей поэта. Все тот же Иосиф Бродский так вспоминал один из случаев своей жизни: «...когда, найдившись в Вене, только что, приземлившись там, на четвертый, на пятый день я пытался найти рифму к какому-то слову. Я ее не нашел. И оказался в состоянии шока, потому что всегда был в состоянии найти рифму к какому угодно слову. Так мне, во всяком случае, казалось. И я подумал, что происходит нечто ужасное. Я забываю русский язык. На следующий день я нашел эту рифму. Да, происходит некая языковая консервация человека, живущего вне стен отечества»⁴. «Потеря» родного языка, уход от него в мир звуков пока еще чужой поэту речи фиксируется потерей рифмы, а потеря рифмы в «природе» с Иосифом Бродским –

это потеря части себя, части своего менталитета, части своей русскости: «...когда ищешь нужную рифму, не находишь и тогда задумываешься: “Что это, или я забываю язык, или для этого слова просто нет рифмы? Затем начинаешь думать, что для беспокойства нет никакого повода, что надо оставаться нормальным и здравомыслящим. Но потом спрашиваешь себя: “А зачем?” Если ты действительно начинаешь забывать язык, то зачем... просто быть здравомыслящим?»⁵.

Само по себе стихотворство *феноменально*, оно *некий дар*. То, что традиционно называется вдохновением, приходом музыки, изначально метафизично, так как вовлечено не в сферу разумного, но в область бессознательного, неконтролируемого, неведомого. Расул Гамзатов (1923–2003) приравнивал стихотворство к внезапно возникшему чувству, каковым, как правило, является любовь, время и место появления которой никем не могут быть предугаданы заранее. В очерке «Мой Дагестан» (1968) он писал, что «можно запланировать написание романа или трилогии, но стихи... Стихи приходят неожиданно, как подарок. Хозяйство поэта не подчиняется жестким правилам. Нельзя запланировать для себя: сегодня в десять часов утра я полюблю девушку, встретившуюся мне на улице. Или: завтра к пяти часам вечера я возненавижу какого-нибудь подлеца...»⁶.

А для английского поэта-романтика Джона Китса (1795–1821) стихи – это еще и внутреннее мерило физического и духовного равновесия. В одном из стихотворений он восклицал, обращаясь к своей юной возлюбленной:

Пусть хлынут из груди стихи. Мне душно...

От стихотворства сердце разреши!

(Из стих-я «Ода к Фанни», пер. В. Потаповой)

У болеющего туберкулезом Джона Китса, знающего о своей скорой смерти, поэтическое мастерство одновременно и созвучно жизни, и доставляет физические страдания. В его стихотворении «Рука живая, теплая, что пылко», датированном ноябрем-декабром 1819 года, рифма отсутствует – и это, пожалуй, его единственное произведение, написанное английским поэтом в форме белого стиха. У Иосифа Бродского потеря рифмы ассоциировалась с потерей Родины (с малой смертью), у Джона Китса – с потерей жизни, слишком ранним и скоротечным уходом в мир иной. И если упорядоченный ритм (а с ним и обязательность рифмы, которую он нередко

³ Бродский, И. Большая книга интервью / И. Бродский. – М., 2000. – С. 634.

⁴ Там же. – С. 34.

⁵ Там же. – С. 21.

⁶ Гамзатов, Р. Собр. соч.: в 5 т. / Р. Гамзатов. – Т. 4. – М., 1981. – С. 71.

диктует) есть жизнь, движение вперед, то разрушение ритма, его нестройность в стихе есть провозвестник грядущих изменений, которые могут быть сопряжены не только со смертью, но и с чем-то другим.

Было бы нелогичным предполагать, что нерифмованный стих противоестествен, обладает какой-то неполнотой, ведь, допустим, народная литература всегда тяготеет к тонической модели стихосложения, что можно объяснить бессознательной тягой народа если не к внешней свободе, то хотя бы к внутренней, реализующейся посредством отступлений от «правильных» звуковых схем других поэтических систем. Эта мысль подтверждается и словами М. М. Бахтина, утверждавшего следующее: «Свобода воли и активность несовместимы с ритмом. Жизнь (переживание, стремление, поступок, мысль), переживаемая в категориях нравственной свободы и активности, не может быть ритмирована. Свобода и активность творят ритм для несвободного (этически) и пассивного бытия. Творец свободен и активен, творимое несвободно и пассивно. <...> Ритмом я могу быть только одержим, в ритме я, как в наркозе, не сознаю себя. (Стыд ритма и формы – корень юродства, гордое одиночество и противление другому, самосознание, перешедшее границы и желающее очертить вокруг себя неразрывный круг)»⁷.

Иначе, стих, в котором ритм не совсем строен, а рифма не всегда обязательна, демонстрирует внутреннюю свободу поэта в условиях ограничения свободы. Более того, даже в названии «свободный стих» можно вложить не только свободу от регламентируемых законов стихосложения, но и нечто большее.

Для подтверждения этой мысли приведем еще один объемный фрагмент из интервью Иосифа Бродского на предмет «недомогания формы» в американской поэзии. Поэт так определял сущность и установку свободного стиха на внутреннюю и внешнюю свободу его автора: «Свободный стих – дело довольно непростое. Я бы добавил по собственному опыту: куда более трудоемкое, нежели стих традиционный. Как всякое понятие, которое предварено эпитетом “свободный”, оно требует уточнения: свободный от чего? Свобода не есть самостоятельное, автономное понятие, это понятие детерминированное. В физике оно детерминировано статикой, в политике – рабством; что касается мира трансцендентального – о какой вообще свободе можно

говорить, если предполагается Страшный Суд? То есть свобода – это всегда реакция на что-то. Это скорее преодоление ограничений, освобожденность. Иными словами, свободный стих есть, по существу, преодоление формы, преодоление стиха метрического. Большинство же молодых людей обоюбого пола, принимаясь сейчас за сочинение стихотворений, начинают прямо с чужих результатов этого преодоления, с этой органической, свободной, освобожденной формы. То есть они пользуются свободой, не обретенной ими лично или даже взятой взаймы, но полученной по инерции. На мой взгляд, чтобы пользоваться свободным стихом, нужно к нему прийти тем же самым путем, каким пришла к нему английская изящная словесность. То есть в миниатюре, в пределах своей собственной жизни, поэту следует повторить путь, пройденный до него литературой, то есть пройти формальную школу. В противном случае вес слова в строке может оказаться нулевым»⁸.

Иосиф Бродский допускал приход к свободному стиху вначале от основ дисциплинирующей традиционной поэтики, заставляющей начинающих поэтов работать прежде в общеизвестных границах стиха. Уже только потом поэт может давать выход накопившейся энергии, не сдерживаемой строгим классическим ритмом и обязательной рифмой. Таким образом, установка на свободу автора и создаваемого им произведения – это одна из ценностей поэтического мастерства, которая должна не предлагаться как данность, а формироваться, приобретаться поэтом в течение определенного периода его творческой жизни, потому и Валерий Брюсов, имея достаточные основания, утверждал, что только «истинный поэт приносит свою форму стиха, свои приемы, стихотворства, свои размеры»⁹.

Но если правильные размеры в своей естественной мелодии стремятся к единообразию с природой, это вовсе не значит, что размеры тонические (нередко лишённые рифмы) удаляются в противоположную сторону от ритмов природы. Ведь даже свободный стих имеет пусть не всегда заметную и почти нестройную, но свою систему ритмов, такую же непредсказуемую, как раскаты грома в небе или как падающие на землю капли дождя. Хотя, действительно, «цивилизации приходится много потрудиться, чтобы этот ритм сбить. Весь мир говорит стихами; только мы в надсадной нашей простоте ухитряемся говорить прозой»¹⁰. И поэтому есть смысл предположить,

⁷ Бахтин, М. М. *Эстетика словесного творчества* / М. М. Бахтин. – М., 1986. – С. 111–112.

⁸ Бродский, И. *Большая книга интервью* / И. Бродский. – М., 2002. – С. 283–284.

⁹ *Весье*. – 1904. – № 1. – С. 71.

¹⁰ Честертон, Г. К. *Вечный человек. Эссе: собр. соч.: в 5 т.* / Г. К. Честертон; пер. с англ., сост. и общ. ред. Н. Л. Трауберг. – Т. 5. – М., 2000. – С. 52.

что рифма, ритм отражают *божественный* уклад природы, а стих, «освобожденный» от рифмы, лишенный ее, – это не что иное, как проявление *свободы воли человека*, создание *своей* звуковой картины окружающего мира, созвучной *своим* душевным нотам. Впрочем, понимание категории свободы рифмы может быть еще и антиномическим, примиряющим рифму или ее отсутствие в различных ситуациях.

В религиозной догматике стихотворство – это еще и дар Бога, дар, которого человек по тем или иным причинам может лишиться. Метафизик Джордж Герберт (1593–1633) черпал свое вдохновение в мире небесном (см. его стих-е «Темперамент»), но при этом был твердо уверен, что этот мир может не только помогать рождению стиха, но и сокращать его:

Ты слух замкнул от слов моих,
Ты отворотился,
Мне сердце сокрушил, и с ним мой стих,
И ужас в грудь вселился,
Гул хаоса.
И, как смычок, переломились
Все помыслы во мне:
Одни – к желаньям грубым устремились,
Другие – к шуму и войне,

На путь тревог.
(Из стих-я «Отказ», пер. Д. Щедровицкого)

Стихи для Джорджа Герберта – это некая материя, в которую в мире реальном превращались невидимые внешним зрением чувства и переживания души. Но и суть поэзии у него многозначительна: его стихи *исповедальны* и *религиозны*, но религиозны не в догматическом смысле, а в «свободном» *метафизическом*. Слогом простым и доступным, лишенным схоластических излишеств, писал Джордж Герберт о явлениях, сложных для человеческого разума, о явлениях, знание которых может быть только интуитивным, чувственным. Потому и земной мир у него предельно метафизичен: реальность земная – символ реальности небесной, душа – воплощение музыки, а стихи – ее откровение:

Когда впервые я воспел восторг
Небесный, стих искрился и блеснул,
Ум необычные слова исторг,
Расцвел, и засверкал, и ввысь взлетел,

Метафорами я страстей поток
Так украшал, как будто сбыть хотел.
(Из стих-я «Иордан (II)», пер. Д. Щедровицкого)

Гилберт Кит Честертон (1874–1936) в одном из своих эссе не только оправдывал, но и защищал «романтику рифмованных стихов» (одноименное название статьи), указывая на то, что «средневековые стихи на кухонной латыни нередко были из рук вон плохи, но они прогоняли злых духов – бледных бесов пессимизма и черных бесов гордыни»¹¹. Следует специально сказать, что *нехристианский, политеистический* мир долгое время не знал рифмы как таковой: практически без рифмы обходилась античная поэтика, на ранних этапах рифма была чужда метрике дальневосточного стихосложения¹².

Рифмованное слово вбирает в себя не только языковые созвучия, но и музыку всего сущего в мире – раскаты грома, перебор шепота, гармонию дождевых капель и шуршание снегов. Слово материально, оно живет по своим законам и растворяется в мире природы – источнике правильных и соразмерных звуков, зеркале вдохновения поэта. Как материально слово, так материальна и рифма – всеобщая и всемогущая для поэта сила. Борис Пастернак возможность запечатлеть высоту своих земных чувств видел исключительно в рифме, в зарифмованных словах, подобных крепкой и неразрывной цепи. В 1931 году, обращаясь к Зинаиде Нейгауз (1897–1966), он писал:

Любимая, молвы слащавой,
Как угля. Вездесуща гарь.
А ты – подспудной тайной славы
Засасывающий словарь.

.....
И я б хотел, чтоб после смерти,
Как мы замкнемся и уйдем,
Тесней, чем сердце и предсердье,
Зарифмовали нас вдвоем.

Чтоб мы согласья сочетаньем
Застлали слух кому-нибудь
Всем тем, что сами пьем и тянем
И будем ртами трав тянуть.

И здесь рифма у Бориса Пастернака не просто акт метафизического (и эстетического – желание поэта «застлать», поразить красотой рифмы

¹¹ Честертон, Г. К. Вечный человек. Эссе: собр. соч.: в 5 т. / Г. К. Честертон; пер. с англ., сост. и общ. ред. Н. Л. Трауберг. – Т. 5. – М., 2000. – С. 399.

¹² Хотя данный вопрос намного шире проводимого исследования, все же полагаем, что рифма может быть достоянием монотеистической религиозной культуры. Не исключено, что рифма пришла в Европу именно с мусульманского Востока: Коран (VII век н. э.) – рифмованный текст, «Дитя Востока», ставшее образцом лирики трубадууров в XII веке, также содержит в себе рифмованные стихи.

«слух кому-нибудь»), но и любви, жизни человеческой в ее земной и небесной перспективах.

Правильный ритмически и рифмически слог – это также одна из задач метафизического воссоединения, стремления к гармонии от корявого лишнего музыкальной поэтичности ежедневного прозаического «словопроизводства» к возвышенному и неподвластному земной тяжести воспаряемому ввысь стиху.

Но и «бесталанное» звучание строк может быть наполнено высоким, «благородным» смыслом, в то время как эстетически оформленная мысль может уводить читателя и к минус-ценностям миропорядка (как это нередко наблюдалось у сторонников «чистого искусства» с их исключительно «высоким» содержанием). «Смирение» в рифме и перед рифмой, вопреки проявлению независимости в нерифмованном стихе, наполнено не меньшей философией, чем свобода вообще. И именно в этом случае метафизика поэзии, тайна ее ритма и рифмы – это не что иное, как *проявление внутренней свободы*, свободы своего голоса, своей души в условиях надзора чиновников, в условиях физического и нравственного отбывания наказания за совершенное прежде преступление (у Иосифа Бродского, оказавшегося за границей, потеря поэтического языка – это еще и форма своеобразного пресыщения свободой). Поэзия есть средство излечения души, лекарство, столь необходимое не только самим каторжанам, но и другим свободным людям острова, по воле судьбы оказавшимся вдали от более совершенного мира.

Вновь возвращаясь к Гилберту Киту Честертону, отметим, что, по его мнению, рифма старых стихов, вопреки новой поэзии, является «неотшлифованной драгоценностью»¹³ далеких эпох, и потому «нелегко определить, в чем искусственность и в чем простота рифмы. Рифмованный стих прост потому, что искусственен. Именно такая искусственность радует детей и прочий поэтический люд; рифма – это игра. Как и плавание, и пляска, и рисование, она доступна каждому – но не сразу; она требует труда; и лишь немногие могут владеть ею в совершенстве. Рифма – игрушка, игра, даже хитрость из тех, которым так радуются дети. А тому, кто велик для детской, не войти в Царствие Небесное и даже в царство Аполлона»¹⁴. Писатель предлагал

поэту, работающему со стихотворной тканью, как бы уподобиться ребенку, просто, наивно, не мудрствуя, взирать на мир, рифмические аналогии которого лежат на поверхности.

Увлеченность процессом написания стихов присуща и ребенку, и взрослому человеку, но если для первого – это попытка *расширения* мира вокруг себя (ведь и воображение, и запас слов у ребенка многим меньше, чем у взрослого человека), то для второго – это его *постижение*. Л. С. Выготским без лишних оснований было точно замечено, что «ребенок редко работает над своим произведением долго, большей частью он творит его в один прием. Творчество ребенка напоминает в данном случае игру, которая возникает из острой потребности ребенка и дает большей частью быстрый и окончательный разряд занимающим его чувствам»¹⁵. Кроме того, если у ребенка при написании стихов более преобладает *познавательный* фактор, то у поэта, скорее, доминирует *эстетический*. Ребенок, по большому счету, эстетикой стихотворений не озабочен, потому налицо и весьма неточные рифмы, и авторские новообразования, и нестройный ритм и многое другое, которые между тем и составляют особенную притягательность всего, написанного детской рукой. Гилберт Кит Честертон разрушил привычное представление о поиске рифмы поэтом, говоря о том, что именно *детскость*¹⁶, одна из возможных сторон метафизического, может помочь в достижении заветных тайников рифмы¹⁷.

Но не только детскость является атрибутом быстро и правильно найденной рифмы и проявления природной простоты. Соотечественник Гилберта Кита Честертон сентименталист Роберт Бернс (1756–1796) в XVIII веке писал о том, что не кто иной, но влюбленный человек (своеобразная аналогия детскости – чистоты и счастья сиюминутного), пребывая в новом ощущении жизни, своего места в ней, способен стихотворное слово сделать составной частью своей души. Детскость и влюбленность как метафизические состояния человека открывают поэту двери в мир иной жизни, иных ценностей. Свидетельство этому еще раз находим у Бориса Пастернака, подтверждающего изложенную выше мысль Гилберта Кита Честертон и в поэтической форме говорящего, что рифма – это ключ от «детской» комнаты Небесного Царствия:

¹³ Честертон, Г. К. Вечный человек. Эссе: собр. соч.: в 5 т. / Г. К. Честертон ; пер. с англ., сост. и общ. ред. Н. Л. Трауберг. – Т. 5. – М., 2000. – С. 398.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Выготский, Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. – М., 1967. – С. 61–62.

¹⁶ Заметим, что многие поэты, в чьем творчестве можно найти черты метафизического, нередко идеализировали детскость, находя в ней истоки первозданного мира (см., предположим, стих-я Д. Томаса или В. Набокова).

¹⁷ Честертон, Г. К. Вечный человек. Эссе: собр. соч.: в 5 т. / Г. К. Честертон ; пер. с англ., сост. и общ. ред. Н. Л. Трауберг. – Т. 5. – М., 2000. – С. 399.

Красавица моя, вся статья,
 Вся суть твоя мне по сердцу,
 Вся рвется музыкою статья,
 И вся на рифмы просится.
 А в рифмах умирает рок,
 И правдой входит в наш мирок
 Миров разноголосица.
 И рифма не вторенье строк,
 А гардеробный номерок,
 Талон на место у колонн
 В загробный гул корней и лон.
 И в рифмах дышит та любовь,
 Что тут с трудом выносятся,
 Перед которой хмурят бровь
 И морщат переносицу.
 И рифма не вторенье строк,
 Но вход и пропуск за порог,
 Чтоб сдать, как плащ за бляшкою,
 Болезни тягость тяжкую,
 Боязнь огласки и греха
 За громкой бляшкою стиха...

Йохан Хёйзинга (1872–1945), как и Гилберт Кит Честертон, относил рифму и другие проявления стихотворного языка к феномену игры, одновременно находя последнее и в философии. В размышлении над функциями поэтического воображения он писал: «Элементы и средства поэзии, вообще говоря, лучше всего постижимы как игровые функции. Зачем располагать слова в соответствии с ритмом, метром и рифмой? Тот, кто говорит, что ради красоты или же в увлеченности, делает не что иное, как переводит вопрос в сферу еще более недоступную. Тот же, кто скажет, что стихи слагают, чтобы участвовать в совместной игре, попадет в самую суть. <...> Рифма, фразовый параллелизм, двустипшие имеют смысл только в извечных игровых фигурах удара и контрудара, подъема и спада, вопроса и ответа, загадки и ее разрешения»¹⁸. Добавим, что стихотворство, будучи своего рода завуалированной игрой, доставляет участнику этого процесса еще и эстетическое наслаждение (сопряженное обычно с любой игровой формой), удовлетворение результатом, которым является верно найденная рифма, точный определенный для нее и подходящий ей ритм. Еще С. Т. Кольридж (1772–1843) писал, что «удовольствие, вызываемое поэзией, – это удовольствие от стихотворного размера, удовольствие, обусловленное мыслями и выражениями, оформленными в размер»¹⁹.

Далее в своей книге «Homo Ludens» Йохан Хёйзинга отмечал, что сколь бы ни были разнообразны средства поэтического языка – «рифма и ассонанс,

чередование строф и рефрен», всегда в природе найдется им «подобный», «исключительный», самый древний прием – *игра*. По мысли философа, игра сопровождает человека с самых ранних периодов истории цивилизации, она его преобразует и развивает. Следуя логике рассуждений Йохана Хёйзинги, можно утверждать, что рифма и другие формы организации стихотворного звучания есть плод человеческого ума, его бессознательная «привычка», «рудимент» (Йосиф Бродский говорил, что он «не в состоянии написать стихотворение без рифмы»²⁰), связанный с напоминанием древнейших игровых культов и поры детства, тесно сопряженной с игрой как таковой. Одним из доказательств теории Йохана Хёйзинги выступает и тот факт, что в литературной практике до сих пор существует такая игровая форма поэзии, как буриме.

Книга Йохана Хёйзинги «Homo Ludens» была опубликована в 1938 году и явилась плодом тридцатилетних раздумий автора, статья Гилберта Кита Честертона «Романтика рифмованных стихов» вышла в свет в Нью-Йорке в 1923 году. Нельзя с точностью полагать, что тот и другой открыли в человеке пристрастие к игре (до них об этом писали не только Фридрих Шиллер и позитивисты), но новым в концепции Йохана Хёйзинги и представлении Гилберта Кита Честертона было обоснование рифмы как философско-эстетического феномена, явившегося составной частью «человека разумного», «человека играющего» и, конечно же, «человека метафизического».

Таким образом, метафизическое в рифме проявляется в реализации понятия внутренней и внешней *свободы* автора (но с тем или иным ущемлением сторон своей души – забыванием языка, обостренным ощущением своей ментальной принадлежности, потерей внешней свободы и др.), в установке на *сообразии с ритмами природы* (наличие более или менее строгих ритма и рифмы – ассоциация с первозданными жизнью и природой), в *аксиологической целостности* стиха, в *открытии* принципиально новых и гармоничных *связей* в мире удаленных друг от друга образов (при которых поэт, будучи философом, берет на себя еще и некоторые функции ученого), в *исцеляющей роли* стихотворного слова, в уподоблении *детскости* и осознании *влюбленности* как источников продолжения жизни. Рифму (как достояние монотеистических верований) и ее *эстетическую ценность* следует понимать не только исключительно в контексте фонетики, но и за ее пределами – в контексте метафизического, демонстрирующего связь человеческого воображения с таинственными законами поэтического слова.

¹⁸ Хёйзинга, Й. *Homo Ludens. Статьи по истории культуры / Й. Хёйзинга*. – М., 1997. – С. 140.

¹⁹ Coleridge S. T. *Biographia Literaria*. – Vol. 2. – L., 1912. – P. 173.

²⁰ Бродский, И. *Большая книга интервью / И. Бродский*. – М., 2000. – С. 612.

РАЗДЕЛ II

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

КОНЦЕПТ «ДОМ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ «СКАЗКИ О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И СЕМИ БОГАТЫРЯХ» А. С. ПУШКИНА

Связь языка и культуры является весьма тесной, и как писал в свое время Д. С. Лихачёв, «национальный язык – это не только средство общения, знаковая система для передачи сообщений. Национальный язык в потенции – как бы “заместитель” русской культуры»¹. В связи с этим термин «концепт» позволяет «подружить» две ипостаси человеческого существования: язык и культуру. Ю. С. Степанов говорил по этому поводу: «Не следует воображать себе культуру в виде воздуха, который пронизывает все поры нашего тела, – нет, это “пронизывание” более определенное структурированное: оно осуществляется в виде ментальных образований концептов. Концепты – как бы сгустки культурной среды в сознании человека»². Через изучение концептов происходит понимание того, каковы менталитет народа, ценности, традиции, векторы его развития в истории человечества. Благодаря базовым концептам мы можем сформулировать и национальную идею на высоком государственном уровне, которая могла бы повести Россию вперед, и сформировать определенные модели поведения, ценностно-ориентированные, у молодого поколения. Не обходят концепты в своем творчестве и писатели.

В художественном тексте воплощается, как известно, индивидуально-авторский способ восприятия и организации мира, то есть частный вариант концептуализации мира. Однако многие писатели отражают общенародное представление народа о мироустройстве. Исключением в этом смысле не стал и А. С. Пушкин. Отражая в своем творчестве ключевые темы, волнующие нацию и его самого, он был максимально приближен к народу.

Одним из базовых концептов русского сознания является концепт «дом», так как с домом у русского человека связаны давние традиции и обряды, это то главное место, куда человек возвращается после всех жизненных невзгод и перипетий, это члены его семьи и место укрытия. Во многих произведениях А. С. Пушкина концепт «дом» занимает одно из ведущих мест.

Несмотря на то, что любой концепт, будь то общенародный, будь то индивидуальный, существует «в головах», в мышлении людей, то есть это структура ментальная прежде всего, но доступен он для изучения только через речь, через то, как человек формулирует представления о том или ином концепте.

Одним из методов, связанных с доступностью к пониманию исследователями концептов, является вербально-ассоциативный эксперимент. Условия его проведения весьма просты. Набирается группа людей, на усмотрение экспериментатора респонденты могут быть случайными участниками эксперимента, а могут отбираться по каким-либо критериям: полу, возрасту, социальному положению и т. п. Число респондентов также устанавливается экспериментатором в зависимости от того, какие задачи он ставит перед проведением данного эксперимента. Каждому участнику дается слово или текст, которые являются стимулами. У каждого из участников должна появиться словесная реакция на данный стимул, которая связана с его личными ассоциациями, возникающими по поводу данного стимула. Ответы фиксируются в письменном виде, после чего экспериментатор их анализирует.

В рамках нашего исследования мы также воспользовались методикой проведения вербально-ассоциативного эксперимента в рамках изучения вербального воплощения концепта «дом» в художественном пространстве «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина. Задача, которая стояла перед нами, это выявить особенности восприятия представлений о русской культуре, о русском доме у иностранных студентов на занятиях по лингвострановедению.

Нами был проведен эксперимент среди иностранных студентов, приехавших учиться в СахГУ по программам обмена из институтов-партнеров, а также среди студенток, обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование: русский язык и литература» (бакалавриат). Студентов-иностранцев мы отнесли к

¹ Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Известия АН СССР, 1993. – Т. 53. – № 1. – С. 6.

² Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проспект, 2001. – С. 42.

экспериментальной группе, а русских студенток к контрольной группе.

Экспериментальная группа состояла из восьми человек (семь девушек и двое юношей) в возрасте от 20 до 23 лет. Было три студента из Пусанского университета иностранных языков, одна студентка из Хоккайдского университета, четыре студента из Харбинского педагогического университета. Данные студенты профессионально изучают русский язык у себя на родине.

Контрольная группа состояла из девяти русских студенток, также в возрасте от 20 до 23 лет.

Обеим группам было дано одинаковое задание: были предложены отрывок текста и к нему вопросы.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем все шла да шла
И на терем набрела.
Ей на встречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно!
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Все порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Задания:

1. Укажите, из какого произведения этот отрывок. Кто его автор?
2. Выпишите все слова из этого отрывка, которые входят в понятийное поле концепта «дом» (ассоциации).
3. Напишите своими словами, что означают слова *терем*, *горница*, *полати*.

Первыми мы проанализировали ответы, которые были даны студентками контрольной группы, в которую входили носители русского языка, и затем сравнили с ответами экспериментальной

группы. Условия для выполнения задания были даны следующие: не пользоваться никакими источниками, полагаться только на свои знания и фиксировать те ассоциации, которые сразу же возникают в голове.

Так, участники контрольной группы все с точностью назвали название произведения и его автора. При ответе на второй вопрос были выписаны слова: *крыльцо*, *кольцо* (= *ручка двери*), *дверь*, *горница*, *лавка*, *ковры*, *святые*, *стол дубовый*, *печь с лежанкой изразцовой*, *дом*, *свечка*, *порядок*. При ответе на третий вопрос в целом правильно отразили значение перечисленных слов, например: *терем* – «жилое помещение», *горница* – «комната на чердаке», *полати* – «лежанка возле печки» или *терем* – «деревянный жилой древнерусский дом», *горница* – «комната в доме», *полати* – «место для сна на печи».

В целом русские студентки давали правильные ответы, что свидетельствует об их представлении о русском доме, его атрибутах, они верно растолковали значения устаревших слов и показали, что знакомы с творчеством А. С. Пушкина, так как воспитаны на его сказках с детства. Однако следует сказать, что никто из студенток не обратил внимания на глаголы действия, которые также связаны с атрибутами дома, теми действиями, которые производят жильцы дома, чаще всего женщины, чтобы содержать дом в порядке, тем более что слово *порядок* было употреблено. Это слова и выражения относятся к действиям царевны, которая попала в чужой, но богато убранный терем: *дом обошла* (знакомство с домом, окинула хозяйским глазом), *все порядком убрала*, *засветила богу свечку*, *затопила жарко печку*. В данном случае последние два выражения имеют особые значения, первое – прежде всего сакральное: помолиться святым и зажечь свечку, а второе – житейское: вдохнуть жизнь в дом, сделать его уютнее, теплее.

Студентам-иностранцам из экспериментальной группы на занятии по «Лингвострановедению» перед выполнением задания был предложен для просмотра мультипликационный фильм 1957 года эпохи СССР, поставленный по сказке А. С. Пушкина, так как, на наш взгляд, данный фильм хорошо воссоздает особенности русской народной культуры, колорит русского быта. Сцена, когда царевна попадает в терем, где живут семь богатырей, не сопровождается стихами, но устройство русского дома в мультфильме прорисовано с предельной точностью, показывает традиционное русское убранство зажиточного жилья, ведь *терем*, согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, это «в Древней Руси: высокий богатый дом с покатою крышей, с надворными постройками», а также «жилое помещение в

верхней части такого дома»³. Предварительная визуализация, на наш взгляд, должна способствовать усвоению сюжета сказки в целом и более глубокому пониманию предложенного для просмотра текста. Однако наши наблюдения показали, что особого эмоционального отклика этот фильм у студентов не вызвал. Студенты весь фильм ждали от персонажей каких-либо действий комического содержания. Они не уловили лирическую составляющую данного произведения. Завороженно мультфильм смотрела только японка. После просмотра фильма группа не задавала никаких вопросов. По окончании фильма нами был задан вопрос: «Чему учит сказка?» Однако ответы были очень примитивные, буквальные. На вопрос: «О чем сказка?» студенты сказали: «О любви».

После этой работы студентам-иностранцам была предложена такая же работа, как и русским студенткам. Результатами ее стало то, что один студент из Китая задание не понял вообще, студентка из Японии выписывала целые строки, относящиеся к теме дома. Остальные студенты из Китая и Южной Кореи дали правильные ответы – слова-ассоциации подобно русским студенткам, подбирая по семь-восемь ответов. Анализ результатов показал: несмотря на то, что предварительно просмотренный по мотивам сказки мультипликационный фильм не вызвал эмоционального отклика, все же студенты справились с работой наравне с русскими студентками. То, что один студент не выполнил задание, свидетельствует только о его низком уровне владения языком. В целом отрывок из произведения А. С. Пушкина был понятен иностранным студентам, вполне возможно, что этому пониманию поспособствовала предварительная визуализация. К тому же при выполнении данной работы разрешалось пользоваться переводными

словарями. Иностранцы называли следующие слова и выражения, входящие в концептуальное поле «дом»: *подворье, крыльцо, светлая горница, стол, свечка, полати, терем, печь, дверь, ковер, изразцовый, ворота*. Некоторые слова в этот ряд были включены ошибочно как, например, *зала, подбираясь*. Пользуясь переводными словарями, иностранцы дали правильное толкование словам: *терем, горница, полати*. Вполне возможно, что они впервые столкнулись с этими словами, так как в русском языке они являются уже устаревшими. Но тем самым они пополнили свой словарный запас. По результатам этого эксперимента мы можем сказать, что основной круг лексических репрезентантов концепта «дом», отражающих русскую языковую картину мира, в языковом сознании студентов, для которых русский язык не является родным, представлен и общие знания об этом концепте они имеют и могут оперировать словами-понятиями, входящими в тематическое поле «дом».

Таким образом, подобная работа позволяет оценить уровень усвоения русского языка иностранными учащимися, а также то, насколько глубоко или поверхностно понимают они особенности русского менталитета и русской культуры. Однако систематические занятия, направленные на знакомство с русскими писателями и их творчеством, чтение их текстов, перевод и обсуждение, просмотр художественных или мультипликационных фильмов, знакомство с русским изобразительным искусством, музыкой могут углублять представление о России, русском человеке и русском языке. Творчество А. С. Пушкина способствует этому весьма разносторонне, позволяет проникнуть в суть национальных концептов и соответственно национальных представлений об окружающем мироустройстве русского народа.

³ Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 800000 слов и фраз. выраж. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 795.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА

В последнее время наблюдается повышенный интерес к эмоциональной сфере человека, языковая реализация которой еще недостаточно исследована как в теории коммуникации, так и в теории текста. В рамках новой гуманистической парадигмы даже появилось особое эмотологическое направление, в котором активно разрабатывается проблема эмоций в языке, а приоритет отводится изучению художественных текстов, выражающих «мир эмоций»¹.

В произведениях А. П. Чехова широко представлен богатый состав эмоционального сопровождения художественного текста. Писатель создал свой особый, неповторимый художественный мир красок, характеризующийся специфическим видением действительности, своеобразным эмоциональным ее освещением и оригинальным интеллектуальным осмыслением. Эмоциональная тональность произведений писателя, отражающих его эстетические взгляды, находится в полной гармонии с его душевной искренностью и чистотой языка. Вот почему и спустя полтора века творчество этого великого мастера художественного слова доставляет нам истинное наслаждение.

Язык и стиль А. П. Чехова характеризуется широким привлечением языковых средств для выражения эмоций, и средства эти чрезвычайно разнообразны. Эмоциональный фон в произведениях писателя проявляется в разнообразии акцентуации и интонационной полифонии, богатстве и активности форм эмоционально и экспрессивно окрашенной лексики (в лексическом множестве обнаруживаются слова различной частеречной принадлежности) и фразеологии, восклицаний, лексико-синтаксических структур, междометий и междометных фраз, форм превосходной степени, сегментированных и парцелированных конструкций, фраз-повторов, эмоционально и экспрессивно окрашенных синтаксических конструкций с частицами, проявлением поляризации значений, инверсией и т. д.

А. П. Чехов выбирает и использует все средства актуализации эмоционально-оценочных

идей – слова, которые являются ядром выражения эмоционального состояния (грамматически они могут быть выражены различными частями речи – существительными, прилагательными, глаголами, частицами, междометиями и др.) и несущие: **а) эмоционально-оценочные идеи:** *восторг, наслаждение, ужас, отчаяние, счастье, вздор, любовь, радость, удовольствие, горе, страдание, ярость, боязнь, страх, печаль, негодование, раздражение* и др. Например: «– *Что с тобой? На тебе лица нет! – Это я от радости, мамаша!.. Как я счастлив!*» («Радость»)²; «*Он поднялся с земли, отряхнул шляпу и со злым, негодующим лицом погрозил вверх кулаком и крикнул: – Подлецы! Живодееры! Кровопийцы!*» («Припадок»); «– *Пошел вон!!! – гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал. – Что-с? – спросил шепотом Червяков, млея от ужаса. – Пошел вон!!! – повторил генерал, затопав ногами*» («Смерть чиновника»); **б) эмоционально-оценочные дифференциальные идеи** (*милый, чудесный, жестокий, благоухать, аромат, хороший, холодок, молоденький, очи, уста, чело, ланиты, чудный человек, славенький* – среди лексем данного типа выделяются слова с суффиксами объективной оценки: *-ок-, -к-, -ек-, -ушк-, -юшк-, -оньк-, -еньк-* и др., которые могут выражать иронию, сочувствие, злорадство и др.). Например: «– *... Мои почтеннейшие... Давненько не был у вас... прекраснейшая... Ты здесь... громаднейшего ума человек*» («Вишневы сад»); «– *Сколько, однако у вас цветов! И квартира чудесная... А я всю жизнь мою болтался по квартиркам...*» («Три сестры»); «– *Дружок, я рад бы для тебя всею душой, но пойми...*» («Дядя Ваня»); «*Дорогой соседюшка*» («Письмо к ученому соседу»); «– *... Бедная моя головушка! За что же губите вы меня, сиротинушку? Ха-ха!*» («Маска»); «– *Нет, приемышек, сиротка... Как поглядела я давеча на этого мальчонка, вспомнила про своего Гришутку... – Куда же ты, свинок, ее девал?... – Где она?*» («Бабы»); **в) эмоционально-оценочные потенциальные идеи** (*солнечный, горе, красота, холодный, пре-*

¹ Муминов, В. И. Эмоциональные междометия с семантически диффузными функциями и их использование в художественном тексте (на материале произведений А. П. Чехова) / В. И. Муминов, М. И. Сухарева // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовии. – Саранск, 2017. – № 2. – С. 195.

² Чехов, А. П. Полное собрание сочинений: в 30 т. / А. П. Чехов. – М.: Наука, 1974–1983. (Здесь и далее в скобках указаны произведения писателя. Здесь и далее выделения наши. – В. М., Ю. Т.)

лестный, дорогой, прекрасный, лютый, жестокий, свирепый, издеваться, строгий, чудесный, бедный и др.). Например: «– Слушайте. Родилась я в **бедной** чиновничьей семье. Отец **добрый малый, умный...** Уродливое институтское воспитание... – **Чудная...**» («Загадочная натура»); «– Какие **чудные** у вас места!.. Боже, как хороша моя родина!» («Панихида»).

В языке А. П. Чехова выделяются по разнобразию звуковой формы и богатству художественных функций междометия, звукоподражательные слова, восклицания, служащие средством выражения напряженности чувств, переживаний, волнений: «– **Увы!** – вздохнул Кирилин!.. – ... **О, боже мой, боже мой, спаси нас!** – проговорила она в ужасе» («Черный монах»); «**Трах! тах! тах!**» – ответило ему небо» («Степь»).

Язык героя рассказа «Забыл!!» является прекрасным примером виртуозного владения «эмотивным снаряжением», демонстрирует ярко выраженный характер разговорно-фамильярного стиля, который обнаруживает себя в лексике, фразеологии, синтаксисе, в обилии частиц и междометий разного рода. «Эмоциональность заложена в особых эмоциональных междометиях и звукоподражаниях, следующих в одном контексте»³: «– **Позвольте мне-с... Жарко! Климат такой, что ничего не поделаешь! Позвольте мне-с... Ммммм... мне-е... Мм... Позвольте... Забыл!! – Забыл!! Экая, прости господи, память демонская! – Да вот... вот... Позвольте-с... Мм... Забыл!! Мм... Мм... дайте припомнить...**».

Насмешка, сарказм, подобоострастие, уничижение и подобные чувства выражаются междометиями **хо-хо-хо, ха-ха-ха, хи-хи-хи, хе-хе-хе**; они представляют рефлекс смеха, употребляемый в речи: «– **Помнишь, как тебя дразнили... Хо-хо.. Детьми были!... Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с**» («Толстый и тонкий»).

В большинстве случаев А. П. Чехов использует для обозначения смеха различные по семантике глаголы: **смеяться, засмеяться, рассмеяться, усмехнуться, хохотать, захохотать, захихикать**, служащие для передачи, выражения/снятия: **а)** радостного настроения, радости и удовольствия по какому-либо поводу, например: «**Никитин и Манюся молча бегали по аллеям, смеялись, задавали изредка друг другу отрывистые вопросы, на которые не отвечали...**» («Учитель словесности»); **б)** внутреннего напряжения: «**Держа Юлию за талию, он крепко**

поцеловал ее в щеку, потом в губы... Юлия оправилась от страха и смущения и стала **смеяться**» («Три года»); **в)** самоиронии, насмешки над самим собой или окружающими: «**За обедом, за ужином, на прогулках он говорил нам про свою жену, про мать, про кредиторов, судебных приставов и смеялся над ними; смеялся над собой... Смеялся он не переставая, и мы тоже смеялись**» («Ариадна»); **г)** собственной силы и значимости: «**Аксинья, едва вышла за глухого, как обнаружила необыкновенную деловитость и уже знала, кому можно отпустить в долг, кому нельзя, держала при себе ключи, не доверяя их даже мужу, щелкала на счетах, заглядывала лошадям в зубы, как мужик, и все смеялась или покрикивала...**» («В овраге»).

Эмотивность является компонентом структуры языковой единицы и не способна нейтрализоваться в контексте, но при этом существуют такие единицы, которые существуют лишь в контексте и не выражают эмоции за его пределами⁴: «– **Вы люди темные, слепые, забитые, ничего вы не видите, а что видите, того не понимаете... Вам говорят, что ветер с цепи срывается, что вы скоты, печенеги, вы и верите**» («Гусев»). Из ряда существующих в русском языке синонимов, обозначающих состояние человека, его качественную характеристику, писатель выбирает и использует слова, характеризующие максимальное проявление признака, состояния. Он строит синонимический ряд на основе лексем **темные, слепые, забитые** и завершает его не менее эмоциональными существительными **скоты, печенеги** (дикие, грубые, невежественные люди). Эпитеты в контексте завершают негативную характеристику, которой награждаются окружающие.

Лексемы **ненормально, возмутительно, ужасное** являются ярким примером выражения контекстуальной эмотивности, а повторение последней нагнетает ощущение чего-то необратимого и ярко-негативного.

Эмоции в их типичном проявлении и прямом обозначении выступают в качестве значимого компонента речевой ситуации, описание которого важно для презентации целостного образа литературного персонажа⁵. Обратимся к рассказу «Хамелеон», в котором основное место занимают «голоса» персонажей. Особенно примечателен «голос» Очумелова, в котором чередуются прямо противоположные эмоции, оценки и названия одних и тех же явлений и предметов. Речь Очумелова демонстрирует

³ Шаховский, В. И. Категория эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : изд-во Воронежского ун-та, 1987. – С. 27.

⁴ Новиков, Л. А. Художественный текст и его анализ / Л. А. Новиков. – М. : Едиториал УРСС, 2013. – С. 56.

⁵ Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – С. 41.

его поразительное умение мгновенно менять свое мнение, чтобы угодить «высокому» начальству. Его отношение к «виновнику» скандала – собаке и ее предполагаемому владельцу меняется несколько раз: *«собака и прочий бродячий скот; а собаку истребить надо. Немедля!»* (парцелляция). *«Она наверно бешеная; Я ему покажу Кузькину мать! – Одного только я не понимаю, как она могла тебя укусить?.. Она маленькая, а ты ведь вот какой здоровила! – Это – черт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?! Нужно проучить!»* (о хозяине) – *Она, может быть, дорогая... Собака – нежная тварь – Она бродячая! Истребить, вот и все. – Да разве братец ихний приехали? Владимир Иванович? – ... все лицо его залива-ется улыбкой умиления... – Так это ихняя собачка? Очень рад. Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Ну, чего дрожшишь? ... Сердится, шельма... цуцык этакий...». В речи Очумелова выявляются и другие не менее примечательные его черты, служащие средством выражения эмоциогенности: отсутствие культуры, грубость, категоричность, безапелляционность. В его речи причудливо сочетаются элементы канцелярской и «полицейской» фразеологии с вульгаризмами и нелитературными формами: *«По какому это случаю тут? Я покажу вам, как собак распускать»* (то есть проучу). Любопытны канцелярские обороты с безличными или инфинитивными предложениями в значении эмоционального напряжения, волеизъявления, приказа: *«Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям!»**

Рядом с канцелярским по стилю предложением можно увидеть: а) разговорное неопределенно-личное с усилительным эмотивом **как** в роли частицы (*«Как оштрафуют его мерзавца...»*); б) много форм со значением приказа (*«Не рассуждать! Истребить!?!»*); в) эмоциональные эллиптические разговорные структуры (*«Где же у вас ум? Попадись такая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально – не дыши!»*); г) согласование «по смыслу» вместе с вульгарной лексикой (*«...а ежели каждый сви-нья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить»*); д) обобщающие конструкции со сказуемым – именем существительным в именительном падеже без связки (*«Собака – нежная тварь»*); е) подобострастное употребление формы множественного числа (*«...братец ихний приехали?.. Погостить приехали?»*). Употребление в тесно связанном контексте эмоционально (и социально) окрашенных речевых средств придает неповторимому облику Очумелова типические черты, роднящие его с держимордами и унтерами пришибевыми.

Слово «хамелеон», образующее название рассказа, исходит от автора, и именно оно эмоционально характеризует главное качество Очумелова – социальное хамелеонство. Речь персонажа во всей полноте ее значений (эмоциональных, оценочных, экспрессивных) может быть воспринята лишь в соотношении с речью автора и других персонажей, поскольку слово в художественном тексте обращено не только к воспроизводимому в нем художественному миру, а через него к «миру эмоций», но и к другим словам в речевой структуре произведения.

В рассказе «Ионыч» между автором и читателем как бы находится «незримый» рассказчик, условный повествователь (аргумент в пользу этого утверждения содержится в общей разговорности интонации, синтаксиса и лексики, что, как известно, характерно именно для рассказчиков – неполные вопросительные предложения: *«А Котик? А Туркины?»*; оценочный безлично-инфинитивный оборот: *«У него в городе громадная практика, некогда вздохнуть»* и др.), в целом весьма близкий автору, но наделенный и некоторыми отличительными чертами: ему в большей степени свойственна эмоциональность и непосредственность восприятия, его оценки более открыты и менее последовательны. Художественно-речевая конкретизация слов *талант, талантливый*, являющихся в рассказе ключевыми, так как они содержат оценку семьи Туркиных, эмоциональное отношение к ним косвенно характеризуют «местных жителей», приводит к появлению у этих слов нового художественно-эмоционального содержания, резко отличающегося от системно-языкового значения. В столкновении значений и оценок проявляется «внутренний», авторский эмоционально-оценочный речевой план. Судя по авторским ремаркам, персонажи Чехова не говорят, а кричат, воют, гаркают, восклицают, смеются, плачут, хихикают, хрипят, шипят и т. д.: *«– Чувствуете? – спросил Стручков и захихикал от удовольствия»* («На гвозде»); *«Ой, батюшки? – вопил он...»* («Лошадиная фамилия»); *«– А, сатана длиннополая! – прошипела дьячиха...»* («Ведьма»).

В пьесе «Три сестры» есть три однородные реплики: Ирина говорит Маше: *«Ты, Машка, злая!»*. Ольга говорит ей же: *«Ты, Маша, глупая. Самая глупая в нашей семье. Извини, пожалуйста»*. Наконец Маша говорит Ольге: *«О, глупая ты, Оля!»*. Все три реплики эмоциональны, но отнюдь не враждебны. Это породственному, по-дружески. Но сказать: *ты злая, ты глупая* – уже есть оскорбление, и тем тоном, каким говорятся вышеприведенные реплики у Чехова, это сказать нельзя... *«Ты злая, ты глупая»* – «голое констатирование факта, к которому не идет и небрежно-разговорный

стиль. А это связано с исключительно книжностью данной формы»⁶.

Для эмоционально взволнованной, экспрессивно окрашенной речи характерен субъективный порядок слов (рема предшествует теме): «– Я вам не дам денег (нейтр.) Не дам я вам денег!» (эмоц.-экспр.) («Медведь»); «– Во мне проснулись чувства (нейтр.) – И когда вот не нужно, чувства проснулись во мне» (эмоц.-экспр.) («Дядя Ваня»).

В произведениях А. П. Чехова больше сложносочиненных и бессоюзных сложных предложений, так как явления отображаемой жизни как бы соплагаются друг с другом, и читателю предоставляется возможность самому обнаружить их эмоциональную тональность, внутренние связи. Вот типичная Чеховская фраза: «Но вот она встала и быстро пошла к выходу, он – за ней; и оба шли бестолково, по коридорам, то поднимаясь, то спускаясь, и мелькали у них перед глазами какие-то люди в судейских, учительских и удельных мундирах, и все со значками; мелькали дамы, шубы на вешалках, дул сквозной ветер, обдавая запахом табачных окурков...» («Дама с собачкой»).

Не только отдельное предложение, но и строфа в целом обуславливает возможность глубокого эмоционального подтекста, например: «Был седьмой час вечера – время, когда белая акация и сирень пахнут так сильно, что, кажется, воздух и сами деревья стыннут от своего запаха. В городском саду тоже играла музыка. Лошади звонко стучали по мостовой; со всех сторон слышались смех, говор, хлопанье калиток. Встречные солдаты козыряли офицерам, гимназисты кланялись Никитину; и, видимо, всем гуляющим. Спешившим в сад на музыку было очень приятно глядеть на кавалькаду. А как тепло, как мягки на вид облака, разбросанные по небу...» («Учитель словесности»).

На фоне нейтрального авторского повествования наиболее отчетливо выделяются элементы эмоционального синтаксиса, обычно характерные для живой разговорной речи персонажей. Именно так от лица автора передается эмоциональная речь героя рассказа Чехова «Архиерей»: «Пресвященный переделся и стал читать молитвы на сон грядущий. Он внимательно читал эти старые, давно знакомые молитвы и в то же время думал о своей матери. У нее было девять душ детей и около сорока внуков. Когда-то со своим мужем, дьяконом, жила она в бедном селе, жила там очень долго, с семнадцати до шестидесяти лет. Преосвященный помнил ее с раннего детства, чуть ли не с тех лет и – как любил! Милое, дорогое, незабвенное детство! Отчего оно, это навеки ушедшее, невозвратное время,

отчего оно кажется светлее, праздничнее и богаче, чем было на самом деле? Когда в детстве или юности он был нездоров, то как нежна и чутка была мать!»

Большую роль в реализации эмоционального фона играют прямая и несобственно-прямая речь (более эмоциональны, выразительны и убедительны), эмоционально-экспрессивные конструкции, в которых в качестве интенсификатора, актуализирующего компонента выступают частицы, определительные местоимения, местоименные наречия, символы, заголовки, эпитафии («Радость», «Горе», «Тоска», «В человеке все должно быть прекрасно...»; «Краткость – сестра таланта»; «роза – символ любви»; «Как хорошо!» и др.). Способы проявления эмоциональности языковых единиц в произведениях А. П. Чехова разнообразны. Интересным в этом плане представляется употребление Чеховым слова «неприлично»: «– Нехороший человек этот Филипп Филиппыч, – вздыхает Соня. – Вчера входит к нам в детскую, а я в одной сорочке... Мне стало так неприлично!» («Детвора»). Скрытая противоположность значения состоит в том, что Соня, по всей видимости, хотела сказать, что ей стало стыдно, а стыд – это уже некий признак приличия. Неприлично поступил тот самый Филипп Филиппыч, который вошел в детскую комнату без разрешения и не извинился.

Разговорная речь, просторечие, жаргоны, говоры, отличающиеся свободой относительно норм, представляют благоприятную почву для развития противоположных эмотивных значений. Например, *хороша*: 1) вполне положительная по своим качествам, красива, миловидна: «Как она хороша!» («Бабы царство»); 2) выражение иронического отношения (разг.): «Это возмутительно!.. Разве можно давать детям деньги? И разве можно позволять им играть в азартные игры? Хороша педагогиня, нечего сказать. Возмутительно!» («Детвора»).

Существуют определенные категории негативно-оценочных слов, которые не могут подвергаться мелиорации по ряду причин социолингвистического или психолингвистического характера. Например, не следует пытаться употреблять с положительной оценкой слова, резко осуждающие такие человеческие качества, как трусость, лицемерие, подлость и другие: *дрянь, негодяй, собака, подонок, предатель, подлец* и т. д. Не наблюдается смена оценочного знака и у так называемых гробизмов (слов, употребляемых для обозначения серьезных физических недостатков: *дибил, псих, олигофрен, шизофреник* и др.). Однако в разговорной речи при не-

⁶ Пешиковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешиковский. – М. : Просвещение, 1956. – С. 222.

официальном общении возможно употребление отрицательных номинаций в качестве похвалы, выражения восхищения. Например, **собака**: 1) домашнее животное семейства псовых, родственное волку, используемое человеком для охраны, на охоте и т. д.; 2) прост., употребляется как бранное слово.; 3) прост., употребляется как выражение одобрения, восхищения кем-либо: «– ... Чья **собака**?.. Я покажу вам, как **собак** распускать!.. узнай, чья это **собака**, и составляй протокол! А **собаку** истребить надо». («Хамелеон»); «“Куда везешь, **собака**, такой-сякой?” – и меня по уху» («Мужики»); «– Вот вам и соловей... Дерг-дерг! Дерг-дерг! Словно за крючок дергает, а ведь небось тоже думает, что поет... Ишь ты, **собака**... – пробормотал Савка, поглядев уважительно в сторону кричавшего коростеля» («Агафья»); «... Ах, да поди ты прочь, поганая **собака**!...» («Учитель словесности»). Причинами мелиоративного употребления А. П. Чеховым такого рода слов является, с одной стороны, желание усилить одобрение, похвалу за счет контраста между оценочным зарядом бранного слова и речевым намерением говорящего, с другой стороны, нежелание причинить зло собеседнику излишней похвалой (по древнему преданию бранные слова – скрытые пожелания удачи). Изменение эмоциональной окраски слова – еще один способ образования у него противоположных значений. Оттенки такой окраски очень разнообразны. Одни придают слову положительную (*дорогой, любимый, прелесть, доченька, милый, хороший*), другие – отрицательную (*балбес, бестолочь, скотина, зубошлеп*) окраску. При этом эмоциональная окрашенность слова может легко возникать в контексте и свободно изменяться, переходить из положительного «эмоционального мира» в отрицательный и наоборот. Например: «**Хороши, нечего сказать! Трудно им было самим прийти и поздравить**» («Лист»); «**Нечего сказать, хороши порядки**» («Двое в одном»).

Широкое употребление с отрицательной эмоциональной окраской глаголов *запеть, залечить, заиграть, запустить, закапать, забылась, задуть; ославить, одолжить, осчастливить, отблагодарить, отходить, прослушать, просмотреть* и других связано с многозначностью словообразующих аффиксов, значения которых могут выступать как противоположные. Например: «**Ладно, просмотрю**» («бегло ознакомиться; просматривая, редактировать») и, что нужно, *подпишу...*» («Вишневый сад»); «**Но он просмотрел**» («пропустить по каким-либо при-

чинам»), *ничего этого не сделал* («Скрипка Ротшильда»). Можно отметить и некоторые фразеологизмы, которые демонстрируют противоположные значения по отношению к свободным выражениям: «Любовь Андреевна. *Нет у меня денег, голубчик*. Пищик. *Отдам, милая... Сумма пустяшная...* Любовь Андреевна. *Ну, хорошо, Леонид даст... Ты дай, Леонид*. Гаев. *Дам я ему, держи карман*» (ничего не получит) («Вишневый сад»); «Шабельский. – *Эх, милейшая Сарра, выиграй я сто или двести тысяч, показал бы я вам, где раки зимуют!... Только бы вы меня и видели*» (никогда бы не увидели)» («Иванов»).

Скрытая противоположность значения, «эмоциональная полифония» наблюдается и в синтаксических конструкциях. Например: «**Аня**. *Ну что, как? Заплатили проценты?* Варя. **Где там**». («Вишневый сад»). Структурно-семантическая асимметрия наблюдается в синтаксической конструкции, форма и содержание которой не совпадают – они противоположны: «**Нина**. *Он в купальне рыбу удит*. Аркадина. **Ну и ну! Как ему не надоест!**» («Чайка»). Сущность данной синтаксической конструкции заключается в мгновенной, непосредственной и поэтому эмоциональной реакции на различного рода факты объективной действительности.

В произведениях А. П. Чехова единицы синтаксиса также способны выражать несколько значений, которые в ряде случаев оказываются противоположными. Например: «Варя. *Твоя мать пришла из деревни, со вчерашнего дня сидит в людской, хочет повидаться...* Яша. **Бог с ней совсем!** (устар. «осуждение, недовольство, отрицательное напутствие, безразличие, негативная оценка»). «Боркин. *Ну, ну... виноват, виноват!.. Бог с вами, сидите себе...*» («Иванов») (устар. «пожелание хорошего, положительное напутствие, утверждение, примирение, согласие») (коммуникаема, «коммуникативная единица синтаксиса, более экономная, более краткая и более эмоциональная форма выражения отношения говорящего к объективной действительности, представляющая собой сочетание слов предложенческого характера, грамматически нечленимая, нерасчлененно выражающая определенное непонятное смысловое содержание меньшими средствами, являющаяся реакцией на те или иные факты объективной действительности и выполняющая в языке эмоционально-экспрессивную функцию. Эти малые средства не позволяют четко разграничить и выделить все компоненты смысла того отрезка речи, который коммуникаема замещает»⁷).

⁷ Меликян, В. Ю. Об одном из типов нечленимых предложений и его эстетических функций / В. Ю. Меликян // Русский язык в школе. – 1999. – № 2. – С. 94.

Явление противоположности значений наблюдается и в таких конструкциях, где форма и содержание не совпадают: они противоположны. Такие построения являются утвердительными или отрицательными, конструктивными (позитивными, положительными) или негативными и т. п. по форме, но не по содержанию. Например: «Попова. *Мало того, что он умер... Я навеки погребла себя в четырех стенах и до самой могилы не сниму этого траура.* Смирнов. *Точно я не знаю, что он умер* («сам знаю»), *для чего вы носите это черное домино и погребли себя в четырех стенах!* («Медведь»). Поляризация значений проявляется и в том случае, когда грамматические признаки формы и содержания синтаксической единицы совпадают (время, наклонение); выражаемое значение позитивно и по этому признаку противоположно негативной структуре предложения, выражающей его: «– Странно... Вероятно я выразился как-нибудь неловко или... – Да, **дождитесь**, поверю!» («Палата № 6») («не поверю, не дождетесь»); «– Ну, расскажите мне что-нибудь. – **Вот еще! Ждите** («не дождетесь»), *расскажу!*» Противоположность формы и содержания свойственна и нечленимым предложениям типа «**Где там! Куда там! Сейчас! Где уж!**» и др. Например: «Соня. *Как это неприятно, право... С фабрики приезжайте обедать.* Астров. *Где уж... Куда уж...*» («Дядя Ваня») («досада, отрицание: не приеду»); «Аня. *Ну что, как? Заплатили проценты?* Варя. *Где там*» («Вишневый сад») («нет, не заплатили») – основное содержание таких экспрессивных единиц сводится к утверждению или отрицанию, согласию или несогласию, позитивной или негативной оценке и др. Способность синтаксической единицы выражать противоположные значения может задаваться или поддерживаться благодаря характеру содержания одного из обязательных структурообразующих компонентов, в роли которых чаще всего выступают различные частицы. Основным назначением частиц, входящих в такие «комплексы», является «максимальная ответственность за удачу общения». Разнообразные виды противоположности значений можно обнаружить среди нечленимых предложений. Например: «*Чего же ты его ругаешь?.. Нешто он виноват? Ты виноватая! Ты! Ну, с какой стати ты его в эту гимназию отдала? Что ты за дворянка такая? В дворяне лезете? А-а-а... Как же, беспрерменно, так вот вас и сделают дворянами!*» («Случай с классиком») («не сделают»; ирония) (при реализации высказывания с эмоционально-ироническим значением происходит ретардация (замедление), направленная на то, чтобы подчеркнуть существенную разницу между первичным значением высказывания и его вторичным речевым смыслом, чтобы собеседник осуществил ряд логико-мыслительных операций в

обратном направлении; отрицание факта в будущем формально выражается в качестве иронического признания его осуществленности в прошлом).

В синтаксической конструкции «*И горе тебе, баба! Не токмо на Страшном судилище, но и в земной жизни наказана будешь!*.. Ну, **гляди же ты мне! Я тебе поворожу**» («Ведьма»), осложненной дополнительными грамматическими факторами, усиливающими характер скрытой поляризации значений, явно присутствуют противопоставление позитивного по форме высказывания его негативному содержанию («не ворожи + угроза»), несовпадение по типу выражаемого грамматического значения: форма высказывания характеризуется наличием синтаксического значения изъявительного наклонения будущего времени, а речевой смысл – наличием повелительного наклонения.

В произведениях А. П. Чехова наблюдается заметное пристрастие автора к употреблению таких конструкций, широкие функциональные возможности которых обеспечивают: **а)** способность к «эмоциональному переовплощению»; **б)** возможность выражать самые разнообразные стилистические намерения; **г)** поляризацию значений; **д)** стремление к участию в создании разного рода стилистической информации, стилистического впечатления, связанных с актуализацией скрытых смыслов.

Интенсификация скрытой противоположности значения языковой единицы, сопровождающаяся особой интонационной насыщенностью (с помощью интонации одно и то же предложение может быть представлено как несущее самые разные, иногда прямо противоположные значения, зависит от определенной эмоциональной ситуации: конфликтной, спорной, игровой, иронической и т. д.): «–*Ты бы хоть овец выгнала!* – *крикнула ей старуха.* – *Барыня!* – **Вот еще!** *Стану я на вас, иродов, **работать**...*» («Бабы») – ситуация однозначной интерпретации смысла («не буду/стану выгонять») проясняется из описания ситуации: *стану я на вас работать* («не стану»).

В произведениях А. П. Чехова синтаксические образования, которые передают характер отношений между собеседниками, несут концептуальную значимость, поскольку регулярно транслируют разнообразные смыслы и могут выступать в качестве актуализатора того или иного значения. Например: «Шамраев. *Многоуважаемая! Вы не знаете, что значит хозяйство!* Аркадина (вспылив). **Вы знаете!**» («Чайка») – «не знаете»: негативный скрытый смысл высказывания проявляется в «натянutom, нелиприятном» характере отношений между оппонентами и базируется на противоположной, предполагаемой негативной пренебрежительно-неодобрительной позиции: **многоуважаемая** –

«не достойная большого внимания, уважения». В предложении *«Попробуй, поскачи только мне... я тебе такого скипидару пропишу...»* («Не в духе») в качестве показателя противоположного значения выступает форма глагола-сказуемого совершенного вида (будущего времени) 2-го лица (односоставное определенно-личное предложение), которая выступает в переносном (негативном) значении несовершенного вида («не скачи и даже не пытайся») и употребляется автором для иронически-отрицательного выражения.

Предложения типа *«Ах, господа, господа! Все вы не то, не то, не то!..»* («Иванов») – («укоризна, сожаление»). Ср.: *«Ах, господа, господа! Очень рад. Все так!»* («одобрение, радость»); *«– Ваня! – позвала она, – Иван Романович!»* («Три сестры») обычно относят к вокативным конструкциям (предложениям-обращениям, эмоциональным вокативам); это обращения, осложненные выражением нерасчлененной мысли, чувства, волеизъявления, отличающиеся изолированностью, синкретизмом семантико-грамматических свойств. Функция обращения в таких конструкциях является доминирующей, а эмоционально-оценочный компонент накладывает дополнительное содержание. Писатель использует поляризацию значений языковых единиц для реализации различных эмоциональных потенциалов, создания иронии, контраста, выражения эмоциональной окраски. Смысл противоположности значения языковой единицы заключается не столько в информации о каком-либо факте, сколько в его воздействии на адресата речи, то есть субъективный смысл такой единицы содержит некий элемент стилистического задания и чаще всего сопровождается эмоцией.

Естественно, что мы представили не все средства выражения эмоций, которые использовал А. П. Чехов в своих произведениях. Эмо-

циональная насыщенность, являющаяся одной из органических свойств писательской манеры А. П. Чехова, концентрированно вмещает в себя возможность организации прогрессивного развертывания мысли с одновременным интонационно-ритмическим (эмотивным) и смысловым подчеркиванием ее существенных сторон, допускает разнообразные «внутренние модификации» (полифункциональность, поляризацию, эмоциогенность), охватывает разные контексты, в пределах которого формируется и реализуется эмотивный фон.

Литература

1. Муллинова, Т. А. Эмотивная лексика в художественном тексте: функционально-семантический аспект (на материале романов А. Белого «Котик Летаев» и «Крещеный китаец») : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / Т. А. Муллинова. – Краснодар, 2004. – 19 с.
2. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений : в 30 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974–1983.
3. Шаховский, В. И. Категория эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 192 с.
4. Новиков, Л. А. Художественный текст и его анализ / Л. А. Новиков. – М. : Едиториал УРСС, 2013. – 300 с.
5. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 414 с.
6. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Просвещение, 1956. – 389 с.
7. Меликян, В. Ю. Об одном из типов нечленных предложений и его эстетических функциях / В. Ю. Меликян // Русский язык в школе. – 1999. – № 2. – С. 94–100.

ФОРМАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ СПОСОБЫ АНГЛО-РУССКОЙ ПЕРЕДАЧИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ

Проблема межъязыковой передачи безэквивалентной лексики является одной из основных проблем переводоведения. В настоящее время наблюдается тенденция активного использования формально-ориентированных способов перевода, в частности при передаче безэквивалентной лексики с английского языка на русский. Однако в лингвистической литературе отсутствует информация о том, насколько это удобно самим реципиентам перевода и какие из формально-ориентированных способов являются более предпочтительными с позиции носителей русского языка.

Анализ лингвистической литературы показал отсутствие единого определения термина «безэквивалентная лексика», поэтому необходимо отметить, что в рамках данной статьи под безэквивалентной лексикой понимаются лексические единицы исходного языка, не имеющие устойчивых словарных эквивалентов в языке перевода.

Термин «формально-ориентированный» по отношению к передаче лексики с одного языка на другой ввел в употребление Д. И. Ермолович [1]. Данный термин подразумевает направленность на сохранение внешней (звуковой и/или графической) формы оригинала. Следовательно, к формально-ориентированным способам межъязыковой передачи можно отнести транскрипцию, транслитерацию и трансплантацию.

Термины «транскрипция» и «транслитерация» широко используются в переводоведении. Под транскрипцией, как правило, понимается передача фонемного состава единицы исходного языка графическими средствами языка перевода, тогда как транслитерация предполагает передачу буквенного состава исходной единицы в графике языка перевода [2].

Транслитерация широко использовалась при переводе с английского языка на русский вплоть до конца XIX в. Популярность этого способа передачи безэквивалентной лексики объясняется отсутствием в данный период времени информации о произношении многих английских слов ввиду недостаточной распространенности английского языка в русскоязычной среде. Для использования транслитерации переводчику не обязательно было знать произношение английского слова, и он мог ограничиться его зрительным восприятием. Однако графическая форма исходной лексической единицы, на передачу которой ориентирована транслитерация, может не совпадать со звуковой, что часто происходит

в английском языке. Например, английская фамилия *Daughtry* транслитерируется средствами русской графики как *Даугхтри*, что сильно отличается от оригинального произношения. Подобные проблемы, связанные с искажением звучания исходной единицы ввиду имеющихся в исходном языке расхождений орфографии с произношением, являются причиной того, что в настоящее время транслитерация в чистом виде практически не используется при передаче безэквивалентной лексики с английского языка на русский (подробнее о преимуществах и недостатках использования транслитерации см. табл. 1).

Таблица 1

Преимущества и недостатки использования транслитерации при переводе безэквивалентной лексики

Транслитерация	
преимущества	недостатки
– краткость; – отсутствие необходимости знать произношение исходной лексической единицы; – однозначность, то есть обеспечение стабильности представления элементов исходной письменности средствами конвертирующей письменности; – простота, то есть возможность автоматического выполнения процедуры на основе простых алгоритмов, преимущественно сводящихся к применению таблиц замены знаков одной системы письма знаками другой системы письма; – обратимость, то есть возможность восстановить исходное написание	– трудности, вызванные расхождениями графических систем исходного и переводящего языков; – возможное искажение произношения ввиду имеющихся в исходном языке расхождений орфографии с произношением; – проблема передачи плана содержания исходной лексической единицы

Если перед переводчиком стоит задача выбора между передачей звучания исходной лексической единицы и передачей ее графической формы, то в соответствии с современными рекомендациями ему следует предпочесть первое, то есть воспользоваться транскрипцией. Соответственно, вышеупомянутая фамилия *Daughtry* будет передаваться как *Доптри*.

Однако ряд недостатков транскрипции, прежде всего проблемы, вызванные расхождениями фонологических систем исходного и переводящего языков (что не позволяет точно передать звуковую форму исходной единицы, а также сложности восстановления исходного написания по транскрибированной форме), объясняют тот факт, что в современной переводческой практике предпочтение отдаётся практической транскрипции, то есть транскрипции с сохранением некоторых элементов транслитерации (подробнее о преимуществах и недостатках использования транскрипции см. табл. 2).

Таблица 2

Преимущества и недостатки использования транскрипции при переводе безэквивалентной лексики

Транскрипция	
преимущества	недостатки
– краткость; – возможность передать звуковую форму исходной лексической единицы; – возможность сохранить экзотическую форму слова в переводе, тем самым указывая на иную национальную принадлежность референта	– трудности с определением фонемного состава исходной единицы, вызванные расхождениями орфографии с произношением; – трудности с передачей точного произношения исходной лексической единицы, вызванные расхождениями фонологических систем исходного и переводящего языков; – сложности восстановления исходного написания по транскрибированной форме; – проблема передачи плана содержания исходной лексической единицы

В англо-русских переводах безэквивалентной лексики наиболее часто встречающиеся при транскрибировании элементы транслитерации заключаются в основном в транслитерации не-

которых непроизносимых согласных и редуцированных гласных:

Dorset – *Дорсет* (элементы транслитерации: *or* [ɔ:] → *ор*, *e* [ɪ] → *е*);

Avery – *Эйвери* (элемент транслитерации: *e* [ə] → *е*);

Campbell – *Кэмпбелл* (элементы транслитерации: *mpb* [mb] → *мпб*, *bell* [bl] → *белл*);

Bonnors Ferry – *Боннерс Ферри* (элементы транслитерации: *nn* [n] → *нн*, *er* [ə] → *ер*, *s* [z] → *с*, *rr* [r] → *рр*).

«Трансплантация» – сравнительно молодой термин, означающий введение единицы исходного языка в текст языка перевода с полным сохранением ее графического облика [2]. Например: *The example below shows typical data exported from Microsoft Outlook.* – В примере ниже показан типичный набор данных при экспорте из *Microsoft Outlook*.

Данный способ перевода представляет особый интерес, поскольку применение слов, имеющих английскую графику, в русском языке становится все более распространенным. Использование трансплантации удобно и для переводчиков, так как позволяет решить многие проблемы, возникающие при передаче безэквивалентной лексики (см. табл. 3). Однако на сегодняшний день нет достоверной информации о том, насколько часто этот способ перевода используется для англо-русской передачи безэквивалентной лексики, а также насколько носителям русского языка удобно воспринимать подобные включения лексических единиц на латинице.

С целью выявления наиболее распространенного на сегодняшний день способа формально-ориентированной межъязыковой англо-русской передачи безэквивалентной лексики было проведено исследование англоязычных текстов и их переводов на русский язык. Материалом для исследования послужили тексты англоязычных СМИ и их переводы на русский язык. Статистический анализ выявленных способов перевода позволил установить частотность их использования современными переводчиками (см. табл. 4).

Таблица 3

Преимущества и недостатки использования трансплантации при переводе безэквивалентной лексики

Трансплантация	
преимущества	недостатки
– краткость; – простота использования (достаточно просто перенести исходную лексическую единицу	– возможные сложности с восприятием транспланта ввиду незнания реципиентами

Трансплантация	
преимущества	недостатки
в текст перевода без каких-либо изменений); – точность идентификации обозначаемого объекта или явления (объект или явление имеет одинаковое обозначение независимо от языка)	перевода графики исходного языка; – возможное искажение произношения транспланта ввиду незнания реципиентами перевода произносительных норм исходного языка; – проблема передачи плана содержания исходной лексической единицы

Таблица 4

Результаты статистического анализа частотности использования выявленных формально-ориентированных способов перевода безэквивалентной лексики

Формально-ориентированные способы перевода безэквивалентной лексики	%
Транскрипция (например, <i>know-how</i> – <i>ноу-хау</i>)	8,80
Транслитерация (например, <i>DOTA</i> – <i>ДОТА</i>)	8,10
Трансплантация (например, <i>Facebook</i> – <i>Фейсбук</i>)	44,40
Практическая транскрипция (транскрипция + транслитерация) (например, <i>dubstep remix</i> – <i>дабстеп-ремикс</i>)	15,50
Трансплантация + практическая транскрипция (например, <i>Starbucks</i> – <i>Старбакс/Смап-бакс</i>)	7,40
Трансплантация + транслитерация (например, <i>Pepsi</i> – <i>Пепси /Пенци</i>)	9,60
Трансплантация + транскрипция (например, <i>cashback</i> – <i>кашбэк/кэшбэк</i>)	2,20
Транскрипция + традиционная передача (например, <i>Hilda Gaunt</i> – <i>Хильда Гонт</i>)	0,70
Трансплантация + практическая транскрипция + традиционная передача (например, <i>Marlboro</i> – <i>Марлборо/Мальборо</i>)	0,70

Формально-ориентированные способы перевода безэквивалентной лексики	%
Транслитерация + освоение (например, <i>Columbia</i> – <i>Колумбия</i>)	0,70
Практическая транскрипция + традиционная передача (например, <i>Ronald McDonald</i> – <i>Рональд Макдональд</i>)	0,70
Транслитерация + традиционная передача (например, <i>hamburgers</i> – <i>гамбургеры</i>)	0,70

Согласно результатам статистического анализа, переводчики достаточно часто (44,4 %) пользуются трансплантацией для передачи безэквивалентных лексических единиц с английского языка на русский. Возможна также комбинация трансплантации с другими способами перевода. Эти данные свидетельствуют о том, что в современной переводческой практике наблюдается тенденция к использованию латинской графики в русскоязычном тексте.

Очевидно, что использование трансплантации удобно для переводчиков, поскольку данный способ не предполагает перекодирование. К тому же в наши дни большинство носителей русского языка в той или иной мере владеют английским языком, что позволяет им без особого труда воспринимать латинскую графику.

Таким образом, можно сделать вывод, что трансплантация постепенно вытесняет рекомендуемый в пособиях для переводчиков формально-ориентированный способ перевода безэквивалентной лексики – практическую транскрипцию. В отличие от практической транскрипции, трансплантация более проста в использовании, поскольку не предполагает перекодирования с одной графической системы в другую. Кроме того, трансплантация позволяет унифицировать передачу внешней формы исходной единицы, поскольку ее вид не зависит от конкретного языка перевода.

С целью выявления формально-ориентированного способа перевода, наиболее предпочтительного с позиции носителей русского языка, был проведен психолингвистический эксперимент. В ходе эксперимента носителям русского языка были предложены анкеты, содержащие предложения на английском языке, включающие безэквивалентную лексику. Каждое предложение сопровождалось двумя вариантами перевода, в одном из которых единица безэквивалентной лексики была переведена с помощью практической транскрипции, а в другом – с помощью трансплантации. Далее полученные реакции респондентов были обработаны с целью

выявления их процентного соотношения.

Согласно результатам проведенного психолингвистического эксперимента, наиболее предпочтительным формально-ориентированным способом перевода безэквивалентной лексики с позиции носителей русского языка является трансплантация или сохранение латинской графики в тексте перевода (60 %). Полученный результат можно объяснить тем, что современные люди привыкли видеть «трансплантированную» английскую лексику в русскоязычном тексте – в СМИ, рекламе, книгах – и больше не считают ее диковинной. Эксперимент показал, что лексика, переведенная при использовании такого сравнительно молодого приема, как трансплантация, хорошо воспринимается русскоязычным реципиентом, понимаема и узнаваема. Поэтому современные переводчики нередко прибегают к использованию данного способа, так как это значительно облегчает решение сложной проблемы межъязыковой передачи безэквивалентной лексики.

Основываясь на результатах проведенного исследования, можно сформулировать следующие основные рекомендации, касающиеся использования формально-ориентированных способов перевода безэквивалентной лексики с английского языка на русский:

1) необходимо учитывать, насколько важна передача внешней формы исходной единицы в рамках данного контекста. Например, не всегда удачно переводить «говорящие» фамилии в художественной литературе при помощи формально-ориентированных способов, потому что они несут в себе смысловую нагрузку, которая может быть легко утрачена при таком переводе:

Mr. Scrooge – Г-н Скрюдж (*scrooge* – «скряга»);

Mr. Glide – Г-н Глайд (*glide* – «скользящий»);

2) следует отдавать предпочтение комбини-

рованным способам перевода с целью сохранения максимального количества компонентов значения исходной единицы (статистический анализ также показал, что переводчики достаточно часто прибегают к использованию комбинированных способов перевода [в 47 % случаев]):

Grab lunch with a view on Campbell Parade or check out the vibrant off-beach dining scene on Hall Street. – Позавтракайте с видом на улицу *Campbell Parade* /Кэмпбелл-Парейд или понаблюдайте за бурлящей жизнью, ужиная на *Hall Street* /Холл-Стрит (комбинация трансплантации с практической транскрипцией);

3) при использовании трансплантации необходимо принимать во внимание степень знакомости реципиента с графикой исходного языка;

4) при переводе лексических единиц, выполняющих функцию юридической идентификации (названий компаний, географических наименований, имен и фамилий и т. д.), желательно всегда указывать точную исходную форму, то есть использовать трансплантацию либо комбинацию трансплантации с другими способами перевода, что позволит избежать неточностей при передаче внешней формы единицы исходного языка.

Литература

1. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 200 с.

2. Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д. : Феникс, 2008. – 811 с.

3. Невежина, С. Б. К вопросу о способах передачи иноязычных слов в русском языке / С. Б. Невежина // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков: межвуз. тем. сб. науч. тр. / Омск. гос. ун-т, фак. иностр. яз. – Омск, 2003. – Вып. 4. – С. 72–78.

РАЗДЕЛ III

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ – УЧАСТНИКОВ ПРОГРАММ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБМЕНОВ В НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Развитие трансграничного образования повлияло на увеличение потоков международной мобильности студентов и преподавателей. Примером тому может служить Сахалинский государственный университет, который имеет широкие связи с зарубежными университетами. Значительное количество студентов островного вуза выезжает на полугодовые стажировки в зарубежные страны (Японию, Китай, Республику Корея), многие из которых продолжают свое образование, поступая на магистерские программы либо на сокращенные программы бакалавриата. Обучение по программам академической мобильности направлено на решение важной задачи – формирование мультикультурной личности, признающей культурный плюрализм и поддерживающей его.

Несмотря на то, что студенты, приезжающие на обучение в другую страну, – это социализированные зрелые личности, имеющие определенную жизненную позицию, целевые установки, систему ценностей и ценностные ориентации, они способны легко адаптироваться в новом культурном окружении. В результате инкультурации личность претерпевает глубокие изменения, предусматривающие продвижение от мировоззрения этноцентризма к ценностям этнорелятивизма. В отечественной и зарубежной этнопсихологии кросс-культурная адаптация понимается как «процесс, благодаря которому человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой, а также результат этого процесса»¹.

Адаптация определяется рядом внутренних факторов, которые обусловлены личностными качествами студентов: сила мотивации, обуславливающая обучение в зарубежном вузе и освоение другой культуры, познавательные и волевые качества, личное отношение студента к новой среде, культуре, его желание интегрироваться, понять новую культуру. Успешность адаптационных процессов во многом определяется субъ-

ективным фактором – желанием и отношением самого студента к принятию другой культуры. Находясь длительное время за границей, студенты – участники международных образовательных программ сталкиваются с ценностными ориентациями, и поведением, которые существенно отличаются от принятых в их родной культуре. Как показывает практика, положительные установки на восприятие другой культуры способствуют быстрой адаптации, привыканию к правилам, по которым живет общество. Студенты отмечали, что, испытывая интерес познать правила поведения другой культуры, они очень быстро привыкали к правилам повседневной жизни: здороваться с продавцом, водителем автобуса, подавать предметы старшим двумя руками и пр.

Успешность адаптации зависит от культурной дистанции России и принимающей страны. Культурная дистанция относится к ряду не наблюдаемых непосредственно явлений культуры, однако субъективное восприятие этой дистанции оказывает большое влияние на процесс адаптации. В процессе инкультурации личность сталкивается с реалиями и установками, значительно отличающимися от реалий и установок родной культуры, в результате чего студенты испытывают проблемы адаптации или укоренения в другой культуре². Исследователи А. Фэрнхэм и С. Бочнер доказали, что уровень трудностей, испытываемых пребывающими в чужой стране в ежедневном преодолении барьеров, напрямую относится к культурной дистанции между культурой иностранца и культурой страны пребывания. Они утверждали, что стресс, испытываемый иностранными студентами, во многом порожден отсутствием набора социальных навыков, с помощью которых можно преодолевать специфические социальные ситуации³. Как отмечают студенты, некоторые правила казались для них непонятными и даже неприемлемыми, например, к ним отнесли некоторые особен-

¹ Стефаненко, Т. Г. *Этнопсихология* / Т. Г. Стефаненко. – М. : ИП РАН, Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. – С. 280.

² Ward C., Kennedy A. *The measurement of sociocultural adaptation. International Journal of Intercultural relations*. 1999. – № 23. – P. 659–677.

³ Furnham A., Bochner S. *Social difficulty in a foreign culture: An empirical analysis. In S. Bochner (Ed.), Culture in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction Oxford: Pergamon, 1982. – P. 161–198.*

ности национального этикета. Шок и неприятие русских студентов вызвали отношения между студентами старших и младших курсов, где младшие должны демонстрировать особые знаки почтения к их старшим товарищам. Тем не менее опрошенные студенты признают, что, когда они узнавали истоки сложившихся традиций, в дальнейшем это не вызывало у них непонимания и неприятия.

Адаптация иностранных студентов обусловлена не только новой культурной средой, но и объективными условиями в принимающем университете. Как правило, условия, создаваемые в зарубежных университетах, нацелены на успешную адаптацию российских студентов к новой социокультурной среде. Толерантная образовательная среда обеспечивает успешность их адаптации. Можно выделить ряд положительных факторов, влияющих на успешную аккультурацию: отношение принимающей стороны к приезжающим как к ценному ресурсу; высокий уровень правовой и экономической защищенности; наличие сетей взаимопомощи иностранным студентам; возможность контактов с родной и местной культурами и др. Комфортные условия проживания и внимательное, дружелюбное отношение являлись факторами, которые определяли положительное отношение и интерес к иноязычной культуре, желание постигать ее для того, чтобы продолжать обучение.

Несмотря на комфортные условия, студенты часто испытывают определенные трудности. Одной из серьезных проблем является недостаточное знание языка на коммуникативном уровне, что вызывает серьезные проблемы в адаптации и влияет на желание замкнуться в кругу соотечественников, избегать контактов с местными жителями. Тогда как открытость, желание общаться и узнавать культуру могут компенсировать недостаточное владение языком (например, студентам, обучающимся не на филологических специальностях) в ситуациях повседневного общения. Успешное обучение в инокультурной образовательной среде невозможно без освоения ценностей, традиций, норм этой культуры и следования им в повседневной практике. Освоение паттернов повседневного поведения (поклон, подавать двумя руками старшим и др.) значительно облегчает коммуникацию. Также студенты – участники международных программ говорили о важности понимания поступков и поведения носителей другой культуры, о желании раскрыть скрытый смысл поступков. Непонимание значения правил и паттернов поведения ведет к искаженному, стереотипному суждению о культуре и ее носителях.

Следуя общепринятым моделям поведения, студенты легко приобретали друзей, их поведение вызывало симпатию и желание помочь у местных жителей. При этом они замечали, что,

общаясь на русском языке между собой, они часто употребляли иностранные слова, так как на русском языке отсутствуют соответствующие явления или понятия. Осмысление культурных лакун также способствовало успешной адаптации. Основное большинство иностранных студентов к концу обучения в международном университете достигает владения языком на уровне, позволяющем осуществлять коммуникацию в сфере повседневного бытового общения (уровень В международной классификации).

На индивидуальном уровне процесс инкультурации проявляется в повседневном общении индивида с представителями другой культуры: знакомыми или незнакомыми, у которых сознательно или бессознательно он учится тому, как следует вести себя в разнообразных жизненных ситуациях, как оценивать события, реагировать на те или иные знаки внимания и сигналы в данном обществе. Студенты проявляют интерес к знакомству с правилами поведения, местными жителями, осмысливая причины поведения людей.

Многие участники международных программ отмечают, что начинали чувствовать себя комфортно, после того как приобретали навыки социального общения. Выход из состояния культурного шока, как правило, связан с успешной адаптацией и приобретением необходимых умений жизни в социуме и культуре. Однако, как подчеркивают студенты, дистанцирование между иностранными студентами и культурой страны пребывания может быть двухсторонним процессом, так как сами студенты не искали друзей среди представителей местной культуры, через которых они могли бы лучше усвоить соответствующие социальные навыки, необходимые для удовлетворительного пребывания в этой стране.

Главным индикатором эффективности и результатом процесса адаптации выступает сформированная новая культурная идентичность, которая предполагает освоение ценностного ядра другой культуры, а также таких качеств, как толерантность, наличие интереса к другой культуре, стремление к позитивным действиям в области межэтнических взаимодействий, принятие существования множества культур, эмоциональная устойчивость, профессиональный такт и стремление к самореализации в профессиональной деятельности в мультикультурном обществе. Успешная адаптация личности определяется не только объективными условиями обучения в университете и культурной дистанцией, а также и субъективным фактором – установкой самого студента на погружение в новую культуру.

Литература

1. Балицкая, И. В. Российские студенты в корейских вузах: формирование бикультурной личности / И. В. Балицкая // Россия и государства Корейского полуострова: становление отношений и

- перспективы взаимодействия: материалы международной научно-практической конференции (28–29 октября 2016) : сборник научных статей / сост.: Э. Х. Лим, И. В. Корнеева, И. И. Че. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2016. – 180 с.
2. Дмитриева, Н. К. Академическая мобильность как личностное качество субъектов образовательного процесса / Н. К. Дмитриева // Непрерывное образование: XXI век. – Вып. 4. – 2013.
3. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М. : ИП РАН, Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. – 320 с.
4. Уорд, К. Азбука аккультурации / К. Уорд // Психология и культура / ред. Д. Мацумото. – СПб. : Питер, 2003. – С. 656–696.
5. Furnham A., Bochner S. Social difficulty in a foreign culture: An empirical analyses. In S. Bochner (Ed.), Culture in Contact: Studies in Cross-Cultural interaction Oxford: Pergamon, 1982. – P. 161–198.
6. Lim E., Balitskaya I. Global Citizenship through foreign students exchange: the Case of Russia and Korea, International Conference “Creating Global Citizenship in a Multicultural Society” / The Korean Association for Multicultural Education, Seoul, Korea, 2017.
7. Ward C., Kennedy A. The measurement of sociocultural adaptation. International Journal of Intercultural relations. – 1999. – № 23. – P. 659–677.

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ ТУРИЗМА

Проблема межкультурной коммуникативно-профессиональной компетентности студентов в настоящее время представляет собой отражение объективных потребностей общества в подготовке специалистов индустрии туризма. Туристская индустрия тесно переплетает между собой интересы экономики, культуры, международных отношений, гостиничного бизнеса, транспорта, общественного питания. Профессиональная деятельность специалиста в сфере туризма предполагает прямой контакт и взаимодействие с другими людьми. Это и потребители туристского продукта, партнеры-посредники по бизнесу, коллеги. Профессиональными функциями специалиста по туризму соответственно будут являться деятельность по оказанию туристских, экскурсионных услуг населению, услуги в организации и реализации путешествий, формирование, продвижение и реализация туристского продукта, деятельность объектов туристской инфраструктуры и туристских сервисов, а также проектирование в туризме.

Работникам в сфере туризма ежедневно приходится сталкиваться с решением задач коммуникативного плана не только на родном, но и на иностранном языке. Работа с иностранными туристами требует от работника не только знания иностранного языка в большом объеме, но и комплекса знаний, связанных с культурой, историей страны. Знание обычаев, нравов, речевого этикета создает положительную атмосферу при общении, способствует более полному взаимопониманию, в конечном итоге положительно сказывается на результатах труда специалиста по туризму, повышает престиж его компании. Мастерство и профессионализм играют главную роль во всех этих случаях, в этой связи иностранный язык должен стать одним из средств в изучении межкультурных коммуникаций и формировании у студентов университета соответствующей компетенции.

Компетентностный подход сегодня является одним из важных и необходимых условий качественного образования, в том числе при обучении бакалавров туризма. Применение компетентностного подхода направлено на развитие личности, которая в динамически развивающихся условиях готова взять на себя ответственность в рациональном решении разного рода задач, актуальных в свободном обществе цивилизованных конкурентных отношений.

Отличие компетентностного специалиста от квалифицированного специалиста, по мнению ученых, в том, что компетентностный специалист имеет не только набор необходимых знаний, умений и навыков, но и способен применить их в своей работе. Компетентность подразумевает наличие у специалиста внутренней мотивации к ответственному исполнению своих профессиональных обязанностей, саморазвитию.

Проанализировав Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования последнего поколения (ФГОС 3++) по направлению подготовки «Туризм», можно увидеть, что результатом освоения дисциплин является освоение универсальных компетенций (системное и критическое мышление, разработка и реализация проектов, командная работа и лидерство, коммуникация, межкультурное взаимодействие, самоорганизация и саморазвитие, безопасность жизнедеятельности), а также общепрофессиональных компетенций (применение технологических новаций в туристской сфере, осуществление функций управления, предоставление качественных услуг, принятие обоснованных экономических решений и т. д.). Кроме вышеописанных компетенций образовательная организация самостоятельно разрабатывает профессиональные компетенции, а также индикаторы, соответствующие профессиональной деятельности из реестра профессиональных стандартов. Все компетенции направлены не только на подготовку высокопрофессионального выпускника, но и на всесторонне развитую личность, обладающую большим набором компетенций.

Коммуникативная компетентность позволяет работникам сферы туризма осуществлять общение с клиентами, потребителями туристского продукта: презентовать свой продукт, устанавливать деловые взаимоотношения, вести переписку на родном и иностранном языке, вести работу в иноязычной среде, реализовывать услуги компании. Здесь коммуникативная компетентность выступает регулятором отношений с людьми.

Еще одним важным элементом содержания подготовки бакалавра туризма является регионализация, то есть учет различных региональных особенностей (историко-культурных, социально-экономических, этнографических и т. д.). Такой региональный модуль направлен на усвоение знаний о своем регионе, развитие ценност-

ного отношения к наследию региона, а также приобретение навыков использования регионально-ведческих знаний на практике. В Сахалинском государственном университете таким региональным модулем в обучении студентов становится изучение культуры народов Сахалинской области и Дальнего Востока, краеведения, туристского потенциала региона, географии, стран АТР, изучение иностранных языков: английского, корейского и японского (на выбор), особенностей межкультурной коммуникации народов этих стран. Изучение данных дисциплин демонстрирует региональный компонент с учетом специфики географической локации.

Обучение корейскому и японскому языкам обусловлено географическим положением нашего региона. В процессе обучения корейскому и японскому языкам студенты овладевают профессиональными и культурными компетенциями, что готовит их к осуществлению профессиональной деятельности в Республике Корея и Японии. Студенты готовы к восприятию обычаев и традиций этих стран, толерантно относятся к национальным различиям, готовы осуществлять устную и письменную коммуникации на языках.

Изучение английского языка обусловлено статусом международного языка, владение которым делает процесс коммуникации свободным в любой стране мира. Кроме того, изучение языка в сфере профессиональной коммуникации позволяет студенту решать коммуникативные задачи, связанные с деятельностью специалиста в области международного туризма.

В формировании межкультурной коммуникативно-профессиональной компетенции также очень важно применение интегративных подходов. Необходимость интеграции разных полей профессиональной деятельности, междисциплинарных знаний, умений и навыков объясняет применение интегративного подхода в профессиональной деятельности бакалавров туризма. Применить такой подход естественно можно только при соблюдении определенных условий: если объекты изучения близки по содержанию, учебные дисциплины строятся на общих закономерностях и концепциях, используются одинаковые методы исследования, а также схожие или общие методы деятельности студентов. Например, при обучении бакалавров туризма можно наполнять содержание обучения материалом профессиональных дисциплин на иностранном языке: организация туристской деятельности, маркетинг, менеджмент, реклама и PR, международный этикет, организовывать занятия с практикой работы на сайтах иностранных компаний-партнеров, изучать способы заказа билетов и бронирования отелей, изучать туристские ярмарки и выставки, то есть создавать языковую среду, способствующую погружению студентов в сферу иноязычной профессиональной культуры.

Полноценная реализация специалиста в профессиональном общении с иноязычным представителем связана с вопросами межкультурной коммуникации, что обуславливает необходимость разработки средств для их интеграции в процесс обучения иностранному языку. Особую значимость приобретают вопросы, связанные с интеграцией культурного компонента в процесс обучения иностранному языку как возможность улучшить языковую подготовку студентов. Поскольку в языке отражена культура народа, то усвоение только внешней формы языка без учета внутренней формы (культурного компонента) может привести к серьезным ошибкам в речи студентов, которые впоследствии могут стать причиной непонимания и даже конфликта.

Применение такого подхода ориентировано на новые технологии и новые принципы обучения, это позволит сократить разрыв между универсальными и профессиональными компонентами обучения, что, в свою очередь, обеспечит готовность к профессиональной деятельности.

В подготовке бакалавра туризма среди универсальных компетенций выделяются способность осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде (группа компетенций – командная работа и лидерство), самоорганизация и саморазвитие. Здесь внимание уделено выявлению и развитию личностных качеств, необходимых в профессиональной деятельности: коммуникабельность, четкое произношение, толерантность, умение контролировать свои эмоции, ответственность и т. д. Профессиональная деятельность специалиста по туризму подразумевает общение с клиентами, партнерами, а навыки коммуникации, хорошая дикция, терпимость к национальным различиям способствуют быстрому установлению контакта как на родном, так и иностранном языке.

Анализ профессиональной подготовки бакалавров по направлению подготовки «Туризм» показал, что профессиональная подготовка является целой системой мероприятий, направленных на формирование универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, получаемых в результате изучения учебных дисциплин и интеграции практических занятий в учебный процесс. Роль иностранного языка в этой системе очевидна. Профессиональная деятельность бакалавра туризма подразумевает коммуникацию между людьми, как устную, так и письменную, на родном или иностранном языке. В процессе обучения иностранному языку студенты овладевают универсальными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями, необходимыми для будущей профессиональной деятельности.

Межкультурная коммуникативно-профессиональная компетентность отвечает актуальным социокультурным потребностям общества и

является новым требованием к системе образования, так как может способствовать выполнению социального заказа на подготовку квалифицированного специалиста, способного быть эффективным участником межкультурной коммуникации, что является одним из необходимых условий успешного функционирования в современном обществе.

Литература

1. Нахимова, Е. А. Основы теории коммуникации : учебное пособие / Е. А. Нахимова, А. П. Чудинов. – М. : Флинта, 2015. – 164 с.
2. Карпова, Т. А. Формирование межкультурной профессионально-коммуникативной компетенции

обучающихся в вузе / Т. А. Карпова, А. С. Восковская. – Известия МГТУ «МАМИ». – № 4 (22). – 2014. – Т. 5.

3. Наумов, С. В. Регионализация образования и стратегии управления его развитием / С. В. Наумов // Интеграция образованием. – 2004. – № 4. – С. 11–18.

4. Ткаченко, Е. В. Базовое профессиональное образование: проблемы регионализации и развития / Е. В. Ткаченко, А. Т. Глазунов. – Чебоксары, 2001. – 253 с.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 43.03.02 «Туризм» от 08 июня 2017 г. № 516.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В САХАЛИНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Для современного университета неоспоримо важно такое направление деятельности, как сотрудничество с зарубежными вузами. Международное сотрудничество является показателем имиджа, популярности и привлекательности для абитуриентов. Академическая мобильность студентов – один из показателей, влияющих на репутацию вуза, претендующего на достойное место среди своих конкурентов в различных международных рейтингах учреждений высшего образования. Невозможно представить сотрудничество вузов разных стран без обмена студентами и преподавателями.

Рассмотрим академическую мобильность как одну из форм организации обучения студентов в условиях международного сотрудничества.

Существует несколько определений понятия «академическая мобильность»¹. Некоторые специалисты в области международного образования под академической мобильностью понимают период обучения студента в стране, гражданином которой он не является. Этот период ограничен во времени и подразумевает возвращение обучающегося в свою страну по завершении освоения образовательной программы за рубежом. Согласно другим источникам, академическая мобильность – это возможность использовать свое право в формировании содержания своего образования, выбирая предметы, учебные дисциплины, курсы, учебные заведения в рамках образовательных стандартов в соответствии со своими возможностями, предпочтениями и целями.

Академическая мобильность является одним из важнейших средств в процессе интеграции

российских вузов и науки в международное образовательное пространство. Это исключительно важный для личного и профессионального развития процесс, так как каждый его участник сталкивается с необходимостью решения жизненных ситуаций и одновременного анализа их с позиции собственной и «чужой» культуры. В рамках подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре это способствует формированию универсальных компетенций, таких, как: готовность участвовать в работе российских и международных исследовательских коллективов по решению научных и научно-образовательных задач, готовность использовать современные методы и технологии научной коммуникации на государственном и иностранном языках² и прочие. Они, в свою очередь, развивают у обучающихся определенные качества: умение выбирать пути взаимодействия с окружающим миром, способность к межкультурной коммуникации и др.

Положение об организации академической мобильности в ФГБОУ ВО «СахГУ» определяет **академическую мобильность** как получение обучающимися СахГУ, других вузов РФ и иностранными учащимися из зарубежных вузов-партнеров образовательных услуг вне института, в котором они обучаются, при условии зачета полученных кредитов и результатов обучения³.

В зависимости от места и технологии получения образовательных услуг академическая мобильность подразделяется на **международную** (образовательные услуги обучающиеся СахГУ получают в зарубежном вузе с выездом к месту обучения и обучением по очной форме. Иностранные учащиеся получают образовательные

¹ Микова, М. И. Понятие и сущность академической мобильности студентов: теоретические основы / М. И. Микова. – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=17651874>

² ФГОС ВО по направлению подготовки кадров высшей квалификации 44.06.01 «Образование и педагогические науки» (далее соответственно – программа аспирантуры, направление подготовки). – Режим доступа : <http://fgosvo.ru/news/1/437>

³ Положение об организации академической мобильности в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Сахалинский государственный университет». – Режим доступа : https://docviewer.yandex.ru/view/287459357/?page=1&*=7e5Re12kU4FmUKKIb7pcmbYLGZNZ7InVybCI6InlhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUfJySlJYbFVGb2V3cnVESjFkQmluMjMblJsNlJlVURNSWQ1aUFRT0w5X1VEWEdeEbXc4bVdEU3c1THhQLTIGQ1lzWTlscVRUcEVWZFRxX28yYWJNSFFyWHd2ZlNpeTVXTEdGMm1TVGhucXE0OXktM3BiNjg2YjFRdE51ZTlzUXhyMUZWQUZ6R0tCS0gtMIE9PT9zaWduPxo2SGFyaGg3bzkykyaDV2a2hkrjdOTkp3b2JIT3M3bFB0cHAzU3BrdXBsU289IiwidG10bGUiOiLQndC%2B0LLQvtC1LdCj0L7Qu9C%2B0LbQtdC90LjQtS3QvtCxLdC%2B0YDQs9Cw0L3QuNC30LDRhtC40Lgt0LDQutCw0LTQtdC80LjRh9C10YHQutC%2B0LjMhi3QvNC%2B0LHQuNC70YzQvdC%2B0YHRgtC4LdC%2B0LHRg9GH0LDRjtGJ0LjRhdGB0Y8t0KHQsNGF0JFPQoy0yMDE4LmRvY3giLCJub2lmcFtZSI6ZmFsc2UsInVpZCI6IjI4NzQ1OTM1NyIsInRzIjoxNTYxOTM2NjY4NjllLCJ5dSI6IjNtQ3NzMXMDE1NTQ5NTc4MDAifQ%3D%3D

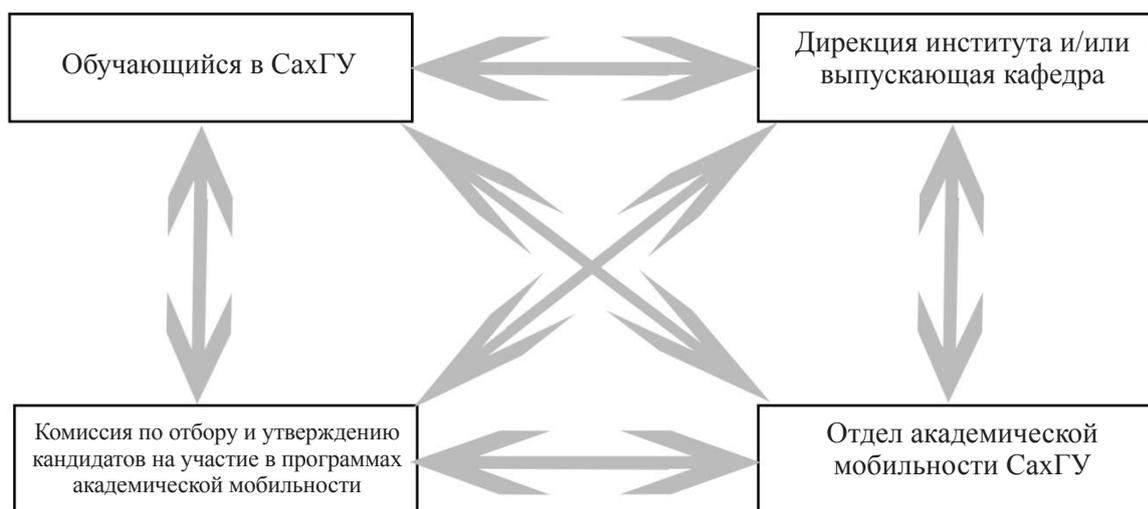

Рис. 1. Схема взаимодействия при организации международной академической мобильности

услуги на базе СахГУ с зачислением в качестве слушателей на программы академической мобильности и обучением по очной форме в рамках основных образовательных программ по утвержденным учебным планам) и **российскую** (образовательные услуги обучающиеся получают в другом вузе РФ по очной форме обучения).

Также в зависимости от продолжительности обучения академическая мобильность подразделяется на **краткосрочную** (обучение студента вне основного института не более трех месяцев, а также участие в непродолжительных семинарах, форумах, симпозиумах и других формах научного и образовательного взаимодействия, оценка участия в которых выражена в кредитах и представлена в сертификате) и **долгосрочную** (обучение студента вне основного института сроком более трех месяцев).

Международная академическая мобильность может осуществляться:

- по межгосударственному соглашению;
- по программам Министерства образования и науки Российской Федерации;
- по соглашениям, контрактам, грантам, проектам, заключенным СахГУ в рамках программ международной научной и образовательной деятельности;
- по персональным приглашениям, посту-

пившим от зарубежных образовательных учреждений⁴.

Обучающийся может считаться участником международной академической мобильности только в случае предварительного оформления индивидуального учебного плана, включающего дисциплины рабочего учебного плана, подлежащие перезачету на основании сертификата, выданного зарубежным вузом.

Рассмотрим более подробно организационную сторону процесса международной академической мобильности в СахГУ, которую кратко можно представить в виде схемы, представленной на рисунке 1.

Из схемы видно, что в процессе международной академической мобильности принимают участие:

- отдел академической мобильности СахГУ;
- обучающийся СахГУ;
- дирекция института и/или выпускающая кафедра;
- комиссия по отбору и утверждению кандидатов на участие в программах академической мобильности.

Отдел академической мобильности формирует базу данных зарубежных вузов, принимающих студентов СахГУ на обучение в качестве участников международной академической мо-

⁴ Положение об организации академической мобильности в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Сахалинский государственный университет». – Режим доступа : https://docviewer.yandex.ru/view/287459357/?page=1&*=7e5Re12kU4FmUKK1b7pmbYLGNZ7InVybcI6InlhLWJyb3dzXXI6Ly80RFQxdVhFUFJySlJYbFVGb2V3cnVESjFkQmluMlJMblJsNlJlVURNSWQ1aUFRT0w5X1VEWEdeBxc4bVdEU3c1THhQLTIGQ1lzWTlscVRUcEVWZFRxX28yYUWJNSFFyWHd2ZlNpeTVXTEdGMm1TVGhucXE0OXktM3BiNjg2YjFRdE51ZTlzUXhyMUZWQUZ6R0tCS0gtMIE9PT9zaWduPXo2SGFyaGg3bzkyDV2a2hkRjdOTkp3b2JIT3M3bFB0cHAzU3BrdXBsU289IiwidG10bGUiOiLQndC%2B0LLQvtC1LdCf0L7Qu9C%2B0LbQtdC90LjQtS3QvtCxLdC%2B0YDQs9Cw0L3QuNC30LDRhtC40Lgt0LDQutCw0LTQtdC80LjRh9C10YHQuitC%2B0LjMhi3QvNC%2B0LHQQuNC70YzQvdC%2B0YHRgtC4LdC%2B0LHRg9GH0LDRjtGJ0LjRhdGB0Y8t0KHQsNGF0JPQoy0yMDE4LmRvY3giLCJub2lmcFtZSI6ZmFsc2UsInVpZCI6Ij4NzQ1OTM1NyIsInRzLjoxNTYxOTM2NjY4NjI1LlCj5dSI6Ij5NTQ3NzMxMDE1NTQ5NTc4MDAifQ%3D%3D

бельности, и своевременно делает запросы в зарубежные вузы-партнеры о возможности принять ими обучающихся СахГУ. Так, например, в 2018–2019 учебном году около 30 обучающихся в рамках академической мобильности были участниками международных программ. Из них четыре аспиранта участвовали в проекте RJE3, одна из которых – в долгосрочной программе.

Также отдел академической мобильности осуществляет общую координацию работы по направлению обучающегося СахГУ в зарубежный вуз в качестве участника международной академической мобильности, готовит выписку из протокола заседания конкурсной комиссии и направляет в институты для подготовки приказа о направлении обучающегося на обучение в зарубежный вуз с указанием полного названия принимающего зарубежного вуза, продолжительности и сроков обучения, сроков переноса зачетно-экзаменационной сессии, составляет индивидуальный учебный план совместно с кандидатами, успешно прошедшими конкурс, и с заведующими выпускающих кафедр и решает другие организационные вопросы.

Обучающийся СахГУ, направляемый на обучение в зарубежный вуз, предоставляет в отдел академической мобильности для участия в конкурсном отборе заявку на участие в программе академической мобильности, копию заполненных страниц зачетной книжки или выписку из сводной зачетно-экзаменационной ведомости, копии сертификатов на знание иностранного языка, дипломов, свидетельств, сертификатов об участии в научных конференциях, чтениях, конкурсах на знание языков, других достижений.

При утверждении кандидатов на участие в программах академической мобильности комиссия по отбору и утверждению кандидатов на участие в программах академической мобильности руководствуется следующими критериями (в порядке убывания важности): средний балл успеваемости обучающегося согласно зачетной книжке; наличие сертификата на уровень владения языком страны обучения и уровень владения, указанный в данном сертификате (международный сертификат/сертификат СахГУ); наличие диплома победителя студенческих научных чтений; наличие диплома участника научной конференции; диплом победителя или наличие призового места в конкурсе на знание иностранного языка; другие документы, подтверждающие участие в мероприятиях различного уровня.

После утверждения конкурсной комиссией

кандидатуры на участие в программе академической мобильности обучающийся предоставляет в дирекцию личное заявление на имя ректора с визами руководителей структурных подразделений, участвующих в образовательном процессе; индивидуальный учебный план, подписанный директором основного института и заведующим выпускающей кафедрой. Дирекция, в свою очередь, готовит приказ о направлении студента на обучение в зарубежный вуз, в котором указываются полное название принимающего зарубежного вуза, продолжительность и сроки обучения. К приказу о направлении на обучение прилагается подписанный директором института индивидуальный план.

После окончания обучения в зарубежном вузе обучающийся предоставляет сертификат, подтверждающий результаты обучения.

Так, например, аспиранты предоставляют сертификат Transcript / Academic record, который содержит сведения о пройденной образовательной программе. В транскрипте указаны уровень образования, название университета, в котором происходило обучение, сведения о слушателе (фамилия, имя, дата рождения, статус), период обучения, перечень изученных дисциплин и модулей, в рамках которых изучены данные дисциплины. Напротив каждой дисциплины указаны ее трудоемкость в кредитах и оценка в соответствии с системой оценивания, принятой в конкретном университете. Система оценивания также описывается в сертификате. В Хоккайдском университете существует две системы оценивания:

1) Grade Values: AA = 100–90, A = 89–80, B = 79–70, C = 69–60;

2) Grade Values: A+ = 100–95, A = 94–90, A– = 89–85, B+ = 84–80, B = 79–75, B– = 74–70, C+ = 69–65, C = 64–60.

В программе RJE3 принята двухступенчатая система сертификации, соответственно, аспиранты, прошедшие базовый курс⁵, предоставляли транскрипт, содержащий две дисциплины общей трудоемкостью четыре кредита, а аспиранты, прошедшие специализированный курс, – четыре дисциплины с трудоемкостью в восемь кредитов.

Так как учебный план подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре представлен небольшим количеством учебных дисциплин и нацелен в первую очередь на научно-исследовательскую работу и подготовку научно-квалификационной работы (диссертации), возникали трудности в подборе подходящих для перезачета

⁵ Базовый курс – это сводные занятия по общим академическим предметам (по типу «омнибуса»), которые проводятся в Университете Хоккайдо, и место, где встречаются российские и японские студенты – участники программы RJE3. За прохождение базового курса начисляется четыре кредита (два за лекции + два за практические занятия). Продолжительность курса – около двух недель.

КОММУНИКАТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УМЕНИЙ У БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

Овладение профессией учителя предполагает, с одной стороны, накопление необходимых знаний, с другой стороны, освоение определенных способов действия, то есть определенных профессиональных умений.

К основным профессиональным умениям учителя начальных классов относятся такие, как:

– четко определять понятия и основанные на них умения, формируемые у младших школьников при изучении различных дисциплин;

– планировать изучение темы и каждый конкретный урок: определять цели и промежуточные задачи, последовательность их решения, содержание и способы организации учебной работы на каждом из этапов; отбирать оптимальные средства обучения;

– реализовывать намеченную программу при проведении урока: грамотно формулировать вопросы и задания, осуществлять наблюдение за ходом деятельности учеников, выявлять и оценивать ее результаты, вносить в содержание и организацию работы на уроке необходимые коррективы;

– делать методические выводы из сопоставления результатов обучения с выдвинутыми целями и задачами¹.

Некоторые умения учитель может приобрести только в классе, стоя у учительского стола, у классной доски, непосредственно общаясь с детьми.

Однако необходимость закладывать в образовательный процесс начальной школы «фундамент в виде развитого мышления, коммуникативных умений, способностей к правильным учебным действиям, рефлексии требует высокого уровня профессиональной компетенции»² будущего учителя, который уже на этапе профессиональной подготовки должен научиться организовывать деятельность учеников, позволяющую им входить в различные предметные области, в частности в область русского языка, одного из основополага-

ющих в начальной школе предметов, понимая, а не запоминая; действовать самостоятельно, а не повторять чужие действия³. Об этом еще во второй половине XIX в. выдающийся русский филолог, славист и русист, один из видных отечественных педагогов и методистов Измаил Иванович Срезневский писал следующее: «Цель изучения родного языка – не счастливые ответы на каком-нибудь экзамене, а овладение им в должной мере для жизни, для жизни внутренней и вместе с тем внешней, без которой и сама внутренняя жизнь – вообще говоря – невозможна. Идти к этой цели, очевидно, значит всматриваться и вдумываться в средства, представляемые языком для выражения мыслей, и привыкать ими пользоваться, приучаться думать определенно, то есть словами и выражениями, правильно выбираемыми, думать последовательно, то есть правильными сочетаниями связей слов... Ведя к избранной цели – этой, как ко всякой другой, не надобно суетливо спешить; но не надо и останавливаться на чем бы то ни было постороннем, особенно на бесполезном и тем более вредном, вредном или по неправильности содержания, по ложности или по трудности, по несоразмерности с силами учащихся. Затверживание разных схоластических выдумок не только бесполезно, но и вредно, – даже и потому, что на них тратится время, – и потому должно быть отвергаемо, преследуемо»⁴. «Как в самом деле не назвать это трудностями, непобедимыми для детей, когда при изложении дела будет принята метода схоластическая, когда детей станут заставлять выучивать целые страницы правил? Если же учитель оставит правила для самого себя, а ученику будет давать только повод всматриваться и вдумываться в явления, наводить его самого на решения и остерегать от ошибок, объясняя их применительно к его возрасту и понятиям, – тогда ученик преодолет все трудности незаметно, усвоив их простым человеческим чутьем»⁵.

Содержание русского языка как школьного

¹ Антонова, Е. С. Методика преподавания русского языка (начальные классы) / Е. С. Антонова, С. В. Боброва. – М., 2014. – С. 17.

² Там же. – С. 3.

³ Там же.

⁴ Срезневский, И. И. Русское слово: Избранные труды / И. И. Срезневский. – М., 1986. – С. 140–141.

⁵ Там же. – С. 151.

предмета структурировано и дидактически организовано таким образом, что позволяет системно развивать способности детей и обучать их учиться, осваивать различные виды деятельности: исследования, конструирования, проектирования, организации и управления, игры и собственно учения⁶. Это значит, что будущий учитель в первую очередь сам должен овладеть названными умениями по принципу: чтобы учить чему-то, надо научиться этому самому, то есть умениями действовать соответствующим образом в процессе изучения русского языка в рамках междисциплинарного курса «Русский язык с методикой преподавания».

В связи с этим остановимся на вопросе организации практических занятий по русскому языку, имеющих первостепенное значение при формировании у студентов указанных умений, что является невозможным без реализации в учебном процессе принципа развивающего обучения, разработанного в прошлом веке такими учеными, как Л. В. Занков, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, П. Я. Гальперин на основе концептуальных идей Л. С. Выготского, система которого стала практическим воплощением деятельностного подхода к процессу обучения. Это было реализовано применительно к урокам русского языка в общеобразовательной школе А. И. Власенковым с позиций коммуникативно-деятельностного подхода и проанализировано в его монографии «Развивающее обучение русскому языку». Суть этого подхода заключается в том, что, «изучая русский язык, овладевая нормами речи культурного человека, ученик делает это при помощи тех же средств языка и норм речи в специально организованной речевой ситуации по специально оговоренным правилам, то есть в коммуникации»⁷ на основе системы ситуативно-деятельностных упражнений.

Развивающий эффект обучения в значительной мере зависит от приемов, методов, форм учебной работы, избираемых педагогом, от оценок, которые даются на занятиях разнообразным фактам и явлениям, от тех отношений, которые складываются у обучающихся с преподавателем. Развивающая роль приемов, методов и форм зависит от того, насколько они активизируют мысль обучающихся, побуждают их к самостоятельным действиям, обобщениям, выводам, на-

сколько успешно служат формированию способности к переработке, систематизации, освоению разнообразной информации, поступающей по многообразным каналам⁸. В связи с этим роль преподавателя в учебном процессе должна быть сведена не столько к преподнесению обучающимся готовой истины, сколько к обучению их механизму добывания истины.

Таким образом, процесс развивающего обучения можно охарактеризовать как процесс отражения, являющийся результатом не воздействия, а взаимодействия, то есть результатом процессов, идущих навстречу друг другу, когда один из них есть процесс воздействия объекта на живую систему, другой – активность самой системы по отношению к воздействующему объекту⁹, а практическое занятие – как «диалог, рождающийся из внутреннего диалога преподавателя и стимулирующий внутренний диалог учащегося»¹⁰, как творческий процесс, обусловленный внутренним диалогом и обуславливающий внешний диалог, когда «вместо преподнесенного рождается собственное, во много раз более ценное»¹¹.

Эффективным средством реализации в учебном процессе принципа сотворчества необходимо признать проблемность в обучении, создание на занятии заведомо сложных ситуаций, которые побуждают обучающихся к поиску, доказательству, обоснованию высказанных предположений, то есть поисково-творческий метод, которым должны быть пронизаны все структурные элементы занятия. Сущность данного метода заключается в передаче преподавателем обучающемуся творчески-поискового начала, при котором у обучающегося возникает потребность либо в преодолении испытания, либо в неаргументированном утверждении своего взгляда на проблему. Следовательно, педагог должен любой вопрос, поставленный на занятии, превращать в творческий акт, облекать его в риторически значимую для этого форму с тем, чтобы вопрос перерастал в творческую проблему, лично значимую для обучающегося благодаря педагогу, сумевшему мотивировать эту значимость.

Все это предопределило центральное место в системе обучения студентов по дисциплине «Русский язык» междисциплинарного курса «Русский язык с методикой преподавания» прин-

⁶ Антонова, Е. С. Методика преподавания русского языка (начальные классы) / Е. С. Антонова, С. В. Боброва. – С. 3–4.

⁷ Там же. – С. 10.

⁸ Власенков, А. И. Развивающее обучение русскому языку / А. И. Власенков. – М., 1983. – С. 170.

⁹ Леонтьев, А. А. Понятие отражения и его значение для психологии / А. А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1966. – № 12. – С. 58.

¹⁰ Мурашов, А. А. Риторические основы педагогики творческого взаимодействия / А. А. Мурашов // Русский язык в школе. – 1996. – № 4. – С. 92.

¹¹ Там же.

ципов педагогики сотворчества с решительным преобладанием в этой системе поисково-творческого метода, ставшего дидактико-методическим стержнем всех практических занятий по данной дисциплине.

Чтобы включиться в коммуникативно-деятельностный подход к обучению, уже самим содержанием, самой структурой занятия задаются вполне конкретные типы деятельности, которые определяют содержание действий, позволяющих осознать цели освоения материала, постепенно увеличивая долю самостоятельности учебных действий. В связи с чем мы предлагаем познакомиться с некоторыми структурными элементами одного из практических занятий по теме «Глагол и глагольные формы. Личные глагольные формы», неоднократно апробированными в практическом курсе по указанной ранее дисциплине и являющимися механизмом стимулирования творческой активности студентов благодаря следующим направлениям в их работе на занятии в составе коммуникативных команд: самостоятельное добывание знаний путем наблюдения над различными языковыми и речевыми фактами, решение проблемных задач, речевое экспериментирование и моделирование.

Практические занятия открывают широкие возможности для использования проблемных заданий на всех этапах занятия. Проблемными являются такие задачи и задания, которые обучающиеся «воспринимают как посильные для себя, но для решения которых у них недостает каких-то знаний и умений»¹², что создает ситуацию затруднения, служащую отправным моментом для организации поиска и получения необходимой информации.

Сотворческое занятие, «основанное на проблемно-поисковом методе, имеет непременно яркое и энергичное вступление, экспрессия которого чуть снижается в ходе основного действия, где предельно заострены логический и информационный моменты»¹³.

Для привлечения внимания студентов к теме практического занятия, для подготовки их к осознанному восприятию нового, для эмоциональной ориентации студентов на программу занятия, направленную на решение основных задач (закрепление следующих умений: анализировать общее грамматическое значение глагола; анализировать особенности реализации общего грамматического значения глагола личными глагольными формами; анализировать личные глагольные формы в речи; определять особенности формообразования личных глагольных форм с

целью их последующего формообразования), в начале занятия используется такая форма активизации мыслительной деятельности студентов, как интригующая разминка. Для этого студентам предлагается сформулировать тему занятия, найдя для этого ответ об объекте и предмете исследования на занятии в процессе выполнения двух заданий:

1) восстановить фразу писателя А. Н. Толстого «Движение и его выражение – ... – являются основой языка. Найти... для фразы – это дать движение всей фразе», предложенную для анализа с купюрами и в восстановленном виде (Движение и его выражение – глагол – является основой языка. Найти глагол для фразы – это дать движение всей фразе), являющуюся эпиграфом занятия и ключом к определению цели занятия;

2) найти «четвертое лишнее» слово в каждом из четырех предложенных для анализа рядов слов («написать, думаю, найти, подобрать»; «являвшийся, состояв, вырастает, пляшущий»; «жги, используя, выражающий, передавая»; «подобранный, используемый, думал, состоящий»).

Прежде чем дать возможность представителям коммуникативных команд озвучить свои варианты формулировки темы занятия, проверяется правильность выполнения заданий, после чего актуализируются опорные знания студентов, что осуществляется в форме беседы, включающей следующие вопросы:

1. Какой принцип частеречной характеристики глагола нашел отражение в словах А. Н. Толстого?

2. Какая форма глагола называет процесс в чистом виде?

3. Какой принцип частеречной характеристики глагола наполняет процесс конкретным содержанием, то есть ситуативно обусловленным?

4. Какие формы глагола соответствуют мысли А. Н. Толстого, то есть наполняют нашу речь движением?

Необходимо отметить, что беседа, организованная подобным образом, когда каждый последующий вопрос вытекает из предыдущего, поэтапно подводит студента к выводам, помогает ему делать эти выводы самостоятельно и облекать их в нужную словесную форму. Риторические диалоги, являющиеся неотъемлемым структурным элементом практических занятий, в конечном итоге приводят студента к пониманию того, что неточная передача мысли, ее громоздкость, неверное построение фразы есть результат пренебрежительного отношения к нормам литературного языка, к законам языка.

¹² Власенков, А. И. *Развивающее обучение русскому языку* / А. И. Власенков. – М., 1983. – С. 32.

¹³ Мурашов, А. А. *Риторические основы педагогики творческого взаимодействия* / А. А. Мурашов // *Русский язык в школе*. – 1996. – № 4. – С. 92–93.

Далее формулируются тема, цель и задачи практического занятия.

Творческая активность обучающихся «стимулируется умело поставленными проблемными вопросами, определяющими концептуальные или болевые точки темы, решением ситуации применительно к “я” каждого учащегося»¹⁴, чему в полной мере способствует предложенная для поиска новых знаний об особенностях личных глагольных форм на этапе реализации построенного проекта проблемная ситуация, суть которой заключается в следующем: студенты должны выбрать из предложенного списка грамматических значений те значения, которые присущи личным глагольным формам, определить категории, обладающие этими значениями и поместить ответы в соответствующую табличную форму.

Решение данной проблемной ситуации в коммуникативных командах сопровождается выдвижением проблемы для мини-диспута, мини-конференции, а вариант решения выдвинутой проблемы находит окончательное выражение в высказываниях студентов, по сути дела, в мини-докладах, после чего происходит систематизация как бы «самостоятельно добытых» студентами знаний на основе обобщающей беседы. «Как бы» означает то, что все-таки именно на преподавателя ложится основная ответственность за правильную организацию действий студентов в процессе получения ими новых знаний, эффективность которой (организации действий) легко проверяется в ходе обобщающей беседы с включением в нее следующих вопросов, позволяющих перейти к выполнению еще одного задания с целью получения очередной порции новых коммуникативно значимых знаний об особенностях глагольного формообразования:

1) Каким грамматическим категориям личных глагольных форм характерны выбранные вами грамматические значения? Назовите эти категории вместе с их значениями.

2) Значения каких категорий личных форм глагола не были предложены для анализа и почему?

3) На какие группы делятся названные вами грамматические категории по своему статусу?

4) При помощи каких способов выражаются грамматические значения непостоянных изменительных категорий личных глагольных форм?

Такое специфическое действие, как поиск информации, необходимой для выполнения задания, направленного на определение особенностей формообразования предложенных личных

глагольных форм (*буду думать, вырастаешь, вырастай, жги, выражала, взяли бы, помнит, проскочишь, тащили*), от чего зависит развитие у студентов орфографической зоркости, успешно формируется, если студенты последовательно мыслят. Для того чтобы мыслительный процесс был последовательным, студентам предлагаются следующие рекомендации с включением образца выполнения задания, на основе которых студенты в составе своих коммуникативных команд вырабатывают наиболее оптимальный способ действия для успешного решения поставленной задачи, а именно: у простых глагольных форм назвать формообразующую основу, средство образования формы, условие написания орфограммы в безударном личном окончании; у сложных глагольных форм – форму, от которой образована анализируемая глагольная форма, и средство образования формы. Далее члены одной команды оформляют результаты выполнения задания на доске, члены других команд оценивают правильность выполнения задания, а соответственно эффективность выработанного способа действия.

Содержанием учебных действий должны быть прежде всего обобщения. Обобщение чаще всего имеет форму вывода, который обучающиеся делают на основе анализа нескольких примеров, иллюстрирующих одно и то же явление. Не меньшее значение имеют и такие формы обобщения, как группировка, классификация, упорядочение и др. Высокую эффективность обнаруживают те обобщения, с помощью которых обучающиеся приходят к выводам через использование умственного эксперимента. Способность к абстрагированию и обобщению успешно развивается при моделировании, подборе фактов, иллюстрирующих то или иное научное положение¹⁵.

В этом отношении очень эффективными являются следующие задания проблемного характера, которые предлагаются студентам на этапе закрепления и систематизации знаний об особенностях личных глагольных форм:

1) определить, какое место в представленной табличной форме должны занять предложенные для анализа средства выражения значений грамматических категорий личных глагольных форм;

2) на основе представленных в перечне этапов и подэтапов морфологического разбора различных знаменательных частей речи собрать алгоритм морфологического разбора личных глагольных форм;

3) доказать на основе морфологического принципа определения частеречного статуса

¹⁴ Мурашов, А. А. Риторические основы педагогики творческого взаимодействия / А. А. Мурашов // Русский язык в школе. – 1996. – № 4. – С. 92.

¹⁵ Власенков, А. И. Развивающее обучение русскому языку / А. И. Власенков. – М., 1983. – С. 29.

слова, что в искусственно созданном тексте пьесы, опубликованной в одном из номеров литературного журнала «Аврора»¹⁶ и предложенной для наблюдения, есть языковые единицы, соответствующие статусу личных глагольных форм.

Решение последней проблемной ситуации невозможно без организации логически правильного исследования языкового материала текста пьесы, без чего, в свою очередь, невозможно подготовить логически правильное научное высказывание с результатами проведенного исследования, то есть с доказательством того, что такие языковые единицы, как «праздничит, пивакаю, заскокаю, хахакаю, накудрячилась, намазучилась, нарядячилась, гудякает, гудякаешь, праздничай, гудякай, праздничай, гудякала бы, притялкай бы, будем возвызничать», соответствуют статусу личных глагольных форм.

Следовательно, само задание и умения действовать в нужном направлении, полученные студентами на этапе реализации проекта, способствуют созданию студентами логически правильного рассуждения, соответствующего следующей классической схеме:

- 1) выдвижение положения для доказательства с опорой на формулировку задания;
- 2) определение сути научной закономерности, знание которой необходимо при решении проблемной ситуации;
- 3) выдвижение частного положения, выведенного из научной закономерности и непосредственно связанного с заданием;
- 4) подбор аргументов, подтверждающих выдвинутое частное положение;
- 5) выводы.

Среди методических приемов, связывающих лингвистическую работу над словом и предложением с развитием мышления и речи, отмечают комплексный (логико-лингвистический) анализ лексических и грамматических средств связного текста, который является одним из самых значимых приемов в рамках поисково-творческого метода и который как никакой другой прием способствует реализации в учебном процессе принципов педагогики сотворчества.

В связи с этим на этапе включения новых знаний в систему знаний студентам предлагается сделать морфологический разбор личных глагольных форм, использованных в следующем тексте о значимости глагола в нашей речи, с орфографическим анализом пропущенных в личных глагольных окончаниях орфограмм:

«—Думал, думаю и буду думать о глаголах. Чтобы написать действие, нужно найти много глаголов, подобрать немного существительных и

чуть-чуть прилагательных. Русский язык явля...т...ся языком глаголов. У нас из каждого глагола выраста...т по несколько существительных. Немецкий язык – язык стоячий, он состоит из существительных, и чем они длиннее, тем немцу лучше. Французский язык – это пляшущее прилагательное. Существительное использу...т...ся для фиксации, прилагательное выража...т восторг и ненависть, глагол передает мысль и движение. “Глаголом жги сердца людей”. Тут глагол употребля...т...ся в смысле “слово”, но характерно, что глагол и слово – синонимы. А я бы взял эту строку эпиграфом для своих поисков».

(По П. Павленко)

Это задание позволяет проверить степень освоения студентами полученных знаний и уровень их умений действовать не только в свете тех основных задач, которые были поставлены в начале практического занятия, но и гораздо шире как в лингвистическом, так и в психолого-педагогическом отношениях.

Развивающий эффект познавательной деятельности возрастает, если внимание постоянно концентрируется на совершенствовании внутреннего плана действий, способности конструировать предстоящее действие в уме. Важными условиями развития внутреннего плана действий является использование моделей, схем, различных средств формализации в учебном процессе, а также выработка способности словесно формулировать последовательность тех или иных действий¹⁷. Задание, которым, с одной стороны, заканчивается практическое занятие и которое, с другой стороны, наиболее тесно соприкасается с основной проблемой практического занятия, представляет собой кульминационное звено в методико-риторическом каркасе занятия, несомненно, требующее продолжения исследования проблемы, но за пределами занятия, и способствует развитию познавательной деятельности студентов с описанных выше позиций.

Студенты составляют рассказ с описанием особенностей личных глагольных форм, дополняя предложенную в качестве языкового каркаса для рассказа речь с купюрами нужным языковым материалом:

Глагол располагает многообразием различных ...

В систему форм глагола входят ..., ..., ... и, ... и ... относятся к неспрягаемым формам.

... являются спрягаемыми формами глагола. Этим формам глагола характерно изменение глагола по наклонениям; по ... в изъявительном наклонении; по ... и ... в настоящем и будущем

¹⁶ Мелихан, К. Маклохий и Альмивия / К. Мелихан // Аврора. – 1990. – № 9. – С. 156–159.

¹⁷ Власенков, А. И. Развивающее обучение русскому языку / А. И. Власенков. – М., 1983. – С. 32.

времени изъявительного наклонения и в наклонении; по и в прошедшем времени и в сослагательном наклонении. Спрягаемые формы глагола в предложении выполняют функцию....

Подобное моделирование студентами речи с опорой на языковое клише, являясь очень значимым при организации неформального завершения любого практического занятия (студенты, продолжая активно участвовать в реализации программы занятия, становятся как бы единичными организаторами творческого подведения итогов занятия), помогает, во-первых, формировать у студентов навыки и умения создавать правильно построенные связные тексты; во-вторых, сохранять у студентов нужный эмоциональный настрой – иллюзию своей полной самодостаточности и самостоятельности в решении всех задач, поставленных в начале занятия; в-третьих, ощущать открытость занятия, способного детерминировать систему последующих. Эффект завершения занятия кульминационным моментом поддерживается следующим заданием, предложенным студентам для внеаудиторной работы и являющимся продолжением настоящего занятия и преддверием будущего: составить рассказ-повествование на любую тему, используя в качестве основы рассказ-клише, состоящий из одних личных глагольных форм:

(Проснулась. Ахнула. Проспала. Вскочила. Помчалась. Умылась. Схватила. Съела. Выскочила. Понеслась. Заскочила. Плюхнулась. Посмотрела. Вдохнула. Успокоилась.)

Таким образом, сотворческие занятия, некоторые структурно-методические детали одного из которых были проанализированы, невозможно организовать без реализации коммуни-

кативно-деятельностного подхода к ним. Они стимулируют развитие всех форм деятельности будущих учителей. На таких занятиях будущие специалисты не только творчески действуют, но и учатся механизму выработать навык самоорганизации деятельности учения, строить «здание знаний» в процессе добывания новых знаний, для чего овладевают различными способами изучения учебного материала, а следовательно, развиваются как в языковом и коммуникативном, так и в методическом отношениях, то есть растут профессионально. Только тот учитель, который способен организовывать свою методическую деятельность по принципу производства и проводить урок как деятель, обладает умением демонстрировать ученикам образцы действий, включающие, помимо языковых, коммуникативных и речевых умений, умения исследователя.

Литература

1. Антонова, Е. С. Методика преподавания русского языка (начальные классы) / Е. С. Антонова, С. В. Боброва. – М., 2014.
2. Власенков, А. И. Равивающее обучение русскому языку / А. И. Власенков. – М., 1983.
3. Леонтьев, А. А. Понятие отражения и его значение для психологии / А. А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1966. – № 12.
4. Мелихан, К. Маклохий и Альмивия / К. Мелихан // Аврора. – 1990. – № 9.
5. Мурашов, А. А. Риторические основы педагогики творческого взаимодействия / А. А. Мурашов // Русский язык в школе. – 1996. – № 4.
6. Срезневский, И. И. Русское слово: Избранные труды / И. И. Срезневский. – М., 1986.

ОБ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК СПЕЦИАЛЬНОСТИ В КИТАЕ

Статья является периодическим результатом разработок «О реформе обучения русскому языку» и «О модели подготовки русистов-педагогов в китайской аудитории» (номер разработки проекта: SJGY20170914); «О воспитательной функции обучения русскому языку студентов и магистрантов в китайской аудитории» (номер разработок проектов: KCSZ2019006, HJG20180020).

Прошло уже целых 310 лет с тех пор, как в Китае начали обучение русскому языку. Однако до 1940-х годов преподавание русского языка в Китае еще было далеко от формирования специальности в целом и не достигло того масштаба и уровня, которые требуются при обучении русскому языку как специальности. Но перерыва в процессе обучения русскому языку в Китае не было. Началом формирования обучения русскому языку как специальности считается открытие факультета русского языка Яньаньского университета, основанного осенью 1941 года. Тогда занятия русским языком на факультете проводились в маленьких группах, учебные пособия по русскому языку были составлены преподавателями (самиздаты), материалы были, как правило, взяты из книг или газет. Учебные пособия для развития устной речи импровизационно готовились по обстановке внутри страны и за рубежом или по бытовым темам. Пользовались в качестве учебного пособия «Русской грамматикой», подготовленной Лю Цзэжуном. После образования КНР преподавание русского языка как специальности получило новое развитие.

В настоящее время вузов, в которых открыта специальность русского языка, насчитывается уже более двухсот. Среди всех вузов выделяются и педагогические вузы, обучение в которых нацелено в основном на подготовку учителей русского языка и преподавателей высшего уровня (русистов-педагогов). Эти педвузы занимают видное место. С полным правом можно сказать, что обучение русскому языку как специальности в педагогических вузах, как и в непедагогических, почти всегда идет параллельно. Долгое время обучение русскому языку в педвузах по умолчанию считалось «педагогичным». Однако особой разницы по сравнению со специальностью русского языка, открытой в других непедагогических вузах, не было. Разница лишь в том, что в педагогических вузах, кроме дисциплин, связанных с русским языком, преподавались и

некоторые общие дисциплины, такие, как педагогика, общая психология, методика преподавания русского языка, соответственно, учебных часов, выделенных на эти дисциплины, относительно немало. Кроме того, на последнем этапе бакалавриата педагоги-русисты проходили кратковременную (примерно две-четыре недели) педагогическую практику.

Четкое разграничение специальности на педагогическую и непедагогическую произошло в 1990-е годы. Далее рассмотрим отдельные проблемы, касающиеся обучения русскому языку в педагогических вузах, в том числе и современное состояние, проблемы и перспективы преподавания русского языка.

Современное состояние обучения русскому языку в педвузах

Обучение русскому языку как специальности в китайских вузах – тема, конечно, совсем не новая, зато актуальная. Всем известно, что среди вузов, в которых обучают русскому языку как специальности, выделяются и педагогические вузы, одной из целей подготовки кадров которых является подготовка учителей русского языка для школ.

До 1990-х одной из главнейших целей подготовки кадров у всех этих вузов являлась подготовка школьных учителей русского языка для районов всей страны.

С 1990-х годов по ряду причин в политику набора студентов были внесены изменения, то есть произошло ограничение набора абитуриентов, изучающих русский язык в школе. Школ, в которых учили русский язык, становилось все меньше и меньше. Во многих школах страны, в которых раньше активно изучали русский язык, не было детей, желающих изучать русский язык, что, естественно, сказалось на сокращении количества учителей русского языка. Там ощущалась пониженная востребованность учителей русского языка. И соответственно, во многих вузах, в частности, в шести ведущих педагогических вузах, которые находились в непосредственном подчинении Минобразования КНР, перестала существовать специальность русского языка (педагогический профиль), сохранился при этом только непедагогический профиль.

В настоящее время в таких ведущих педвузах, как Пекинский педагогический университет, Северо-восточный педагогический университет, Хуадунский педагогический университет, Хуачжунский педагогический университет, Юго-за-

падный университет (бывший Юго-западный педагогический университет), Шэньсиский педагогический университет, которые находятся в непосредственном подчинении Минобразования КНР, есть специальность русского языка только непедагогического профиля.

Причины, которые заставили многие педвузы снять педагогический профиль специальности русского языка и сохранить непедагогический профиль, таковы.

Во-первых, до сегодняшнего дня в школах, где преподают русский язык, пока достаточное количество учителей русского языка и имеется небольшой их резерв. Во-вторых, многие школы, в которых востребованы учителя русского языка, не придают особого внимания, педагогический или непедагогический профиль выпускников-русистов. При этом и непедагогические русисты также могут получить сертификат о статусе учителя после успешного прохождения необходимых экзаменов. В-третьих, социальное положение и сама профессия учителей русского языка и учителей вообще не так уж привлекают абитуриентов школ. Так что мало выпускников школ выбирают русский язык (педагогический профиль) по призванию.

Статистика показывает, что сейчас в стране есть лишь такие педвузы, в которых пока ведется специальность русского языка (педагогический профиль), как Внутренне-монгольский педагогический университет, Гуйчжоуский педагогический университет, Харбинский педагогический университет, Чанчуньский педагогический университет и др.

Кроме того, в некоторых вузах, в названиях которых нет слова «педагогический», также есть специальность «русский язык» (педагогический профиль). Они в основном находятся в провинции Хэйлуцзян, такие, как Цицикарский университет, Хэхэский институт.

Отсюда следует, что в настоящее время вузы, в которых ведется специальность «русский язык» (педагогический профиль), в основном находятся в северной части страны, только один университет на юго-западе страны.

Статистика также показывает, что ежегодный набор русистов-педагогов небольшой, около двухсот студентов.

Проблемы в обучении русскому языку (педагогический профиль) таковы:

- во-первых, нецелесообразное расположение вузов, в которых ведется специальность «русский язык» (педагогический профиль);
- во-вторых, уровень и качество подготовки русистов-педагогов оставляют желать лучшего;
- в-третьих, нерешительность в выборе русистами-педагогами профессии учителя русского языка школ;
- в-четвертых, неосновательные навыки и умения выпускников-русистов;

- в-пятых, существуют некоторые факторы, влияющие на эффективность обучения русскому языку, скажем, смешанный тип проведения занятий по русскому языку со студентами с базой русского языка и без базы.

Новые шансы для обучения русскому языку (педагогический профиль):

- 1) возрождение интереса к преподаванию русского языка в школе дает импульс обучению русскому языку (педагогический профиль) в вузах;

- 2) нововведение (политика) государства в области образования аккредитации педагогических специальностей приносит новую движущую силу обучению русскому языку в вузах;

- 3) объединение учителей русского языка китайских школ пробуждает потенциал вузов, в которых ведется русский язык (педагогический профиль).

В конце октября 2017 года была образована Ассоциация обучения русскому языку в средних школах Китая в городе Хуайбэй, в средней школе Кайцуй.

В начале января 2018 года была создана Российско-китайская ассоциация средних образовательных учреждений в городе Харбин, в средней школе № 6.

Первый международный фестиваль искусства под эгидой Российско-китайской ассоциации средних образовательных учреждений состоялся в мае 2018 года.

Российско-китайский спортивный лагерь под эгидой Российско-китайской ассоциации средних образовательных учреждений прошел в июне 2018 года.

Курсы учителей русского языка как иностранного для средних школ Китая организованы эгидой Российско-китайской ассоциации средних образовательных учреждений в августе 2018 года.

В истории развития российского образования существуют поколения выдающихся педагогов и мыслителей. Россия всегда придает важное значение подготовке педагогических кадров, имея передовую, современную теорию и технологию в области педагогики и образования вообще. Глобализация и интернационализация образования сближают коллег педагогических вузов, помогают нам найти интересующие друг друга точки соприкосновения. И создание Ассоциации педагогических вузов России и Китая будет служить очень хорошей платформой для дальнейшего тесного сотрудничества педагогов обеих стран.

Рекомендации в деле обучения русскому языку (педагогический профиль):

- во-первых, нужно гармонично сочетать преподавание и воспитание в процессе обучения русскому языку (педагогический профиль);
- во-вторых, необходимо применять нововведения в подготовке русистов-педагогов по заказу;
- в-третьих, важно сформировать полный

цикл в подготовке квалифицированных русистов-педагогов (от школы к вузу).

В конце апреля 2017 года была создана Ассоциация преподавания русского языка. Первыми участниками и инициаторами Ассоциации стали Харбинская экспериментальная школа (начальная + средняя школа низшей ступени) и Харбинская школа № 6. Данная ассоциация служит примером для системной (циклической, непрерывной) подготовки русистов (с начальной школы до средней) в Китае;

- в-четвертых, необходимо улучшить и усовершенствовать научную системность учебных дисциплин;

- в-пятых, нужно обеспечить эффективность прохождения педагогической практики.

В процессе более трехсотлетнего обучения русскому языку в Китае преподаватели русского языка и литературы школ и педагогических вузов добились больших успехов, подготовили целую плеяду замечательных учителей русского языка и педагогов, внесли неоценимый вклад в дело подготовки кадров в области образования. В новую историческую эпоху на пути строительства «один пояс – один путь» все преподаватели

педагогических вузов смогут получить благоприятный шанс преодолеть все препятствия, общими усилиями подготовить высококвалифицированных русистов-педагогов.

Литература

1. Сюй Хун. Обзор международной конференции «Триста лет обучения русскому языку в Китае» / Сюй Хун, Ян Бо, Чжэн Цзелан // Русский язык в Китае. – № 4. – 2008. – С. 62–63.

2. Янь Хунбо. Об особенностях обучения русскому языку в Китае: исторический аспект / Янь Хунбо // Русский язык в Китае. – № 4. – 1999. – С. 1–7.

3. <http://www.hbdj.gov.cn/content/detail/59f6e2e5a7ad9859ab6fec1d.html>

4. <http://news.sina.com.cn/o/2018-01-12/docifyqptqv8171540.shtml>

5. http://harbin.china.com.cn/2017-04/20/content_9445367.htm

6. Юй Вэй. Педагогическая практика у студентов-русистов: проблемы и варианты решения – на примере Харбинского педагогического университета / Юй Вэй, Ли Яцзюнь // Русский язык в Китае. – № 5. – 2013. – С. 89–93.

ПРОБЛЕМА ПРОТИВОРЕЧИЙ ТРАДИЦИОННОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ЭТИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Особенностью Седьмой реформы стало введение системы базового и дополнительного образования в структуру общенационального образовательного процесса Республики Корея. Так, например, в качестве базовой дисциплины в старшей школе первого года обучения преподается «мораль», на втором и третьем годах обучения в качестве дополнительной вариативной дисциплины по этике вводится «гражданская этика», а для более углубленного изучения – «традиционная этика» и «этика и идеология». Однако анализ содержания данных дисциплин по традиционной и гражданской этике обнаруживает ряд противоречий и конфликт интересов.

При изучении раздела «Характер» целью ставится «формирование и воспитание качеств личности, необходимых для того, чтобы человек мог стать полноценным членом международного общества»¹. Именно Министерство образования Республики Кореи в 2000 г. обратило внимание на необходимость воспитания нового поколения корейцев. Процесс планировалось провести, гармонично совмещая традиционные этические нормы и те ценности, которые стали основными критериями нравственности в западном понимании. То есть, сохраняя самобытность, воспитать поколение полноценных граждан мира. Для этой цели Корейское национальное общество этики опубликовало доклад, в котором были систематизированы и отмечены все особенности традиционной этики: девять черт корейского менталитета; нравственные критерии, исходя из приобщения к культуре «сохак», культура поклонения духам; особенности, связанные с образом повседневной жизни корейцев (культура питания, одежды и жилища) [5, с. 45–47]. В 90-х гг. прошлого столетия обсуждение данных вопросов проходило под девизом «За глобальную этику» (global ethics, 1993), инициатором которого был швейцарский теолог и писатель Ханс Кюнг (Hans Küng, 1928). Основные идеи были отражены в проекте «Унификация этических норм в XXI веке», подготовленном ООН, в котором были отражены цели нравственного образования ведущих стран мира: США, Великобритании,

Германии, Франции, Японии.

Рассмотрим основные задачи «гражданской» и «традиционной этики» согласно Седьмой реформе образования.

Целью дисциплины «гражданская этика» является формирование умений и навыков, необходимых для решения этических вопросов современного демократического общества, формирование экономического и делового этического сознания, воспитание общественно-национального сознания, позиции «человека мира». Таким образом, изучение гражданской этики происходит по нескольким направлениям: демократическое граждановедение, природоведение, половое воспитание, межкультурная коммуникация, унифицированное воспитание и т. д. То есть, говоря о воспитании гражданской нравственности, речь идет не только о гражданской ответственности, но и о необходимости поиска путей решения проблем современного индустриализованного общества. В рамках изучения данной дисциплины рассматриваются следующие темы и вопросы:

1) гражданское воспитание и этика – особенности гражданского общества и нравственные задачи, гражданское сознание и нравственный способ жизни, гражданско-коллективное сознание, формирование навыков и формы поведения гражданина демократического общества;

2) проблемы современного общества и гражданская этика – сохранение жизни и природоведение, половое воспитание и проблемы фармацевтики, наука, информация и этика, культура, искусство, религия;

3) экономика и деловая этика – экономика свободного экономического общества, экономическое развитие и экономическая этика, жизненное проектирование и деловой выбор;

4) государственное развитие и коллективная этика – государственное развитие и гражданская позиция, национально-коллективное процветание и объединение, культурный обмен и национально-культурная целостность, формирование позиции «гражданин мира».

Следует отметить, что основные задачи

¹ 도덕윤리과교육학 개론 (편집자 김동규). – 서울: 교육과학사, 2013년. – 672 p. ; *Теоретические основы нравственно-этического образования в Республике Корея / под ред. Ким Дон Гю. – Сеул : изд-во «Кёюкхвахака», 2013. – С. 15.*

гражданской этики заимствованы из западного граждановедения и являются не прямым указанием к исполнению, а призваны, органично взаимодействуя с задачами традиционной этики, содействовать решению социально-этических проблем.

Целью традиционной этики является переоценка традиционных нравственных ценностей в условиях современного общества, формирование национального нравственного сознания и нравственной позиции².

Необходимо отметить актуальность постановки данных задач, так как переосмысление традиционных нравственных ценностей способствует укреплению национальной целостности, применению традиционных норм в повседневной жизни.

В рамках Седьмой реформы нравственного образования основные задачи дисциплины «традиционная этика» касаются вопросов искоренения негативных и заскорузлых мнений относительно традиционной этики, ее переосмысления и сохранения самобытных ценностей в условиях современного индустриального общества.

Нравственное воспитание является центральным в понимании конфуцианской этики, где человек неотделим от общества и где человек и общество составляют единую этическую систему. В противовес традиционной этике либерализм западной гражданской этики заключается в том, что индивидуум изолирует себя от общественных отношений, вследствие чего появляется необходимость обеспечения личной свободы и прав. Это отличие и является основным между понятиями традиционной и гражданской этики.

С началом индустриализации и активного засилья либеральных взглядов в сознании корейцев смешались такие понятия, как долг и справедливость, коллективизм и личное право, коллективное хозяйство и личная выгода.

Однако, как отмечается в соответствующих публикациях, при всех преимуществах и недостатках и традиционной, и гражданской этики следует избегать сильных отклонений в ту или иную сторону. Нерациональное предоставле-

ние свободы прав может привести лишь к единоличному благосостоянию и нарушениям коллективного порядка, отстраненности человека от общества. Но в то же время пренебрежение правами человека – это прямой путь к тоталитаризму. Специалисты в области гражданского воспитания подчеркивают, что успешная реализация программы нравственного образования возможна лишь с учетом особенностей обеих систем. Акцентируя внимание на таких ценностях гражданской этики, как права, свобода и справедливость, следует не забывать о специфике коллективного сознания корейцев. Необдуманное внедрение западных ценностей может привести к хаосу в системе нравственно-этической целостности корейского общества.

Литература

1. 도덕윤리과교육학 개론 (편집자 김동규). – 서울: 교육과학사, 2013년. – 672 p. (Теоретические основы нравственно-этического образования в Республике Корея / под ред. Ким Дон Гю. – Сеул : изд-во «Кёюкквахакса», 2013. – 672 с.)
2. 이 근철. 도덕과 교육론 / 이 근철. – 양서원, 2013. – 468 p. (Хан Ман Гиль. Мораль и педагогика / Хан Ман Гиль. – Сеул : Янсовон, 2013. – 468 с.)
3. 한국검인정교과서협회 (Агентство по надзору за учебно-методическими материалами). – Режим доступа : http://www.ktbook.com/info/info_01_05_5_01.asp
4. 한만길. 각급 학교 및 사회 교육 기관 통일교육 실태 조사와 방안 연구. – 서울: 한국교육개발원, 2012년. – 468 p. (Хан Ман Гиль. Исследования реального состояния нравственного образования в вопросах национального объединения в школах всех ступеней и общественных учреждениях. Проектные предложения. – Сеул : изд-во «Хангуккёюккёбальвон», 2012. – 468 с.)
5. 한영우. 미래사회와 전통문화 / 한영우. – 서울대학교 21세기문화연구회(편), 한국인의 미래상. – 서울 : 집문당, 2014. – 398 p. (Хан Ён У. Общество будущего и традиционная культура / Хан Ён У. – Сеул : Чипмундан, 2014. – 398 с.)

² 이 근철. 도덕과 교육론 / 이 근철. – 양서원, 2013. – 468 p. ; Хан Ман Гиль. Мораль и педагогика / Хан Ман Гиль. – Сеул : Янсовон, 2013. – С. 178.

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ-ВОСТОКОВЕДОВ В САХАЛИНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

На сегодняшний день одной из важнейших проблем, стоящей перед высшим учебным заведением, является улучшение качества подготовки студентов. Студент и в последующем выпускник вуза должен не только получать знания по предметам программы, овладевать умениями и навыками использования этих знаний, методами исследовательской работы, но и уметь самостоятельно приобретать новые научные сведения, самообразовываться и саморазвиваться. В связи с этим все большую актуальность приобретает самостоятельная работа студентов.

Методика преподавания иностранного языка тесно связана с организацией самостоятельной работы студентов при обучении иностранному языку. ФГОС ВО по направлению подготовки 41.03.03 «Востоковедение и африканистика» предполагает развитие следующих компетенций¹:

41.03.03 «Востоковедение и африканистика»:

- владением одним из языков народов Азии и Африки (помимо освоения различных аспектов современного языка предполагается достаточное знакомство с классическим (древним) вариантом данного языка, что необходимо для понимания неадаптированных текстов, истории языка и соответствующей культурной традиции) (ОПК-2);
- владением теоретическими основами организации и планирования научно-исследовательской работы (ПК-1);
- владением первичными навыками преподавания восточных языков и востоковедных дисциплин (ПК-4);
- способностью готовить материалы для учебных занятий (ПК-5);
- способностью использовать современные электронные средства в процессе педагогической деятельности (ПК-6);
- владением информацией об основных особенностях материальной и духовной культуры изучаемой страны (региона), способностью учитывать в практической и исследовательской деятельности специфику, характерную для носителей соответствующих культур (ПК-12) [10].

Достижение данных компетенций возможно при хорошо организованной самостоятельной работе студентов, которая является неотъемлемым компонентом целостной структуры планирования учебного процесса.

В научной литературе можно встретить различные определения понятия «самостоятельная работа».

П. И. Пидкасистый считает, что «самостоятельная работа в высшей школе является специфическим педагогическим средством организации и управления самостоятельной деятельностью в учебном процессе» [3, с. 119].

И. А. Зимняя определяет самостоятельную работу как высшую форму учебной деятельности, как деятельность «субъекта... по овладению обобщенными способами учебных действий и саморазвитию в процессе решения им посредством учебных действий, специально поставленных учителем учебных задач на основе внешнего контроля и оценки, переходящих в самоконтроль и самооценку самого ученика» [4, с. 93]; «самостоятельная работа должна быть осознана как свободная по выбору, внутренне мотивированная деятельность, ...предполагает выполнение обучающимся целого ряда входящих в нее действий: осознания цели своей деятельности, принятия учебной задачи, придания ей личностного смысла..., подчинение выполнению этой задачи других интересов и форм своей занятости, самоорганизации в распределении учебных действий во времени, самоконтроля в их выполнении» [4, с. 25].

А. В. Коньшева указывает, что самостоятельная работа студента обладает такими признаками, как самостоятельное приобретение и глубокое осмысление новых знаний, установление самими студентами ритма работы и дозировки времени на изучение поставленных вопросов [6, с. 56–59].

Основной целью обучения иностранному языку на современном этапе является формирование языковой компетенции, позволяющей будущему специалисту вести деловое и повседневно-

¹ Используемые в статье сокращения:

ОПК – общепрофессиональные компетенции;

ПК – профессиональные компетенции;

ФГОС ВО – федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования; сетевая форма – сетевая форма реализации образовательных программ.

ное общение на иностранном языке.

Главным звеном в процессе обучения иностранному языку в вузе является сам студент. От его желаний войти в процесс обучения, понять и принять цель обучения, сосредоточенности, внимания, умения переключать свое внимание с одного вида деятельности на другой зависит результативность изучения языка. На наш взгляд, достижение основной цели обучения невозможно путем предоставления обучаемому определенной суммы пассивных знаний, умений и навыков, поэтому возникает необходимость в организации самостоятельной работы студентов.

Языковую подготовку студентов, изучающих корейский язык как иностранный в Сахалинском государственном университете, можно совершенствовать с помощью различных форм самостоятельной работы. По результатам изучения и анализа учебного плана дисциплины «Основной язык» по направлению подготовки 41.03.03 «Востоковедение и африканистика», профиль «Язык и литература стран Азии и Африки (Корея)», была составлена таблица, в которой распределены часы самостоятельной работы в каждом учебном семестре (табл. 1).

Таблица 1

Количество часов самостоятельной работы по дисциплине «Основной язык» по направлению 41.03.03 «Востоковедение и африканистика», профиль «Язык и литература стран Азии и Африки (Корея)» в СахГУ (часы)

1-й курс 1-й сем.	1-й курс 2-й сем.	2-й курс 3-й сем.	2-й курс 4-й сем.	3-й курс 5-й сем.	3-й курс 6-й сем.	4-й курс 7-й сем.	4-й курс 8-й сем.
108	36	36	36	90	10	106	122

Исходя из указанных часов, выделенных на самостоятельную работу, были разработаны таблицы распределения часов согласно изучаемым в течение семестра темам дисциплины «Основной язык» для студентов второго курса по направлению подготовки 41.03.03 «Востоковедение и африканистика», профиль «Язык и литература стран Азии и Африки (Корея)» (табл. 2, 3).

Таблица 2

Распределение часов (2-й курс, 3-й семестр)

Название темы	Кол-во часов (ч.)	Форма самостоятельной работы
Работа 직장 생활 (첫 출근)	4	Написание эссе

Название темы	Кол-во часов (ч.)	Форма самостоятельной работы
Корейские традиции и национальные игры 한국 풍속과 민속놀이	10	Создание презентаций; подготовка информационного сообщения
Город (путешествие) 도시 (여행)	4	Написание эссе
Корейская кухня и здоровье 한식과 건강	13	Составление кроссворда по теме и ответов к нему, перевод текста
Дом, новоселье 집, 집들이	5	Составление диалогов по теме
Итого:	36	

Таблица 3

Распределение часов (2-й курс, 4-й семестр)

Название темы	Кол-во часов (ч.)	Форма самостоятельной работы
Свадьба (встреча, впечатление) 결혼 (만남, 인상)	10	Подготовка информационного сообщения
Великие люди (Хан Сокбон, Король Седжон, Конфуций) 위대한 사람들 (한석봉, 세종대왕, 공자)	18	Перевод текста, подготовка информационного сообщения
Школьная жизнь (Корейский центр) 학교 생활 (교육원)	8	Составление предложений по грамматической теме
Итого:	36	

Исходя из этого, по изучаемым в течение третьего и четвертого семестров темам по дисциплине «Основной язык» для второго курса были разработаны варианты выполнения форм самостоятельной работы по каждой теме данной дисциплины: составление предложений по грамматической теме, составление диалогов по теме, перевод текста, написание эссе, подготовка информационного сообщения, создание презентаций, составление кроссворда по теме и ответов к нему.

1. Составление предложений по грамматической теме:

Название темы	Грамматика	Лексика
Школьная жизнь (Корейский центр) (학교 생활 (교육원)) (2-й курс, 4-й семестр)	Уступительно-обобщительное деепричастие (든지); деепричастие дистантного действия (아/어/여다가); послелог 후, 중 с существительными; частица приближенности (나/이나); сравнительная частица меры и степени 만큼 (정도); дательный падеж одушевленных имен (에게, 에게서, 께); категория направленности действия (아/어/여주다); противительное деепричастие (지만); категория вероятности (는 모양이다); деепричастие цели (러/으로); условное деепричастие (면); деепричастие общей связи (는 데)	Учитель (선생님), занятие (수업), обучать (가르치다), изучать (배우다), лекция (강연회), пропуск (неявка) (결석), заканчиваться (끝나다 (끝내다)), стараться (노력하다), отвечать (대답하다), доклад (발표), повторение изученного (복습), объяснение (설명), домашнее задание (숙제), приготовление уроков (예습), тема (제목), опоздание (지각), подготовка (준비), экзамен (시험), промежуточный экзамен (중간), ошибка (잘못), трудный (어렵다), легкий (쉽다), школа (университет) (학교), двери учебного заведения (교문), каникулы (방학), обучение за границей (유학)

Название темы	Грамматика	Лексика
		учебный семестр (학기), учебный год (학년)

2. Составление диалогов по теме:

Название темы	Диалог (примеры)
Дом, новоселье (집, 집들이) (2-й курс, 3-й семестр)	Что вы подарите, когда пойдете на новоселье? (집들이에 갈 때 뭘 선물하나요?) 수연: 여보세요! 리밍: 수연 씨! 토요일에 대니 씨 집에 초대 받았지요? 수연: 네, 토요일 공예 수업이 끝난 후에 하루카 씨와 같이 갈 거예요. 리밍 씨도 같이 갈래요? 리밍: 네, 좋아요. 저도 같이 가고 싶어서 전화했어요. 몇 시에 어디에서 만나기로 했어요? 수연: 오후 1시에 층무로 역으로 오세요. 리밍: 그런데 한국에서는 집들이에 갈 때 뭘 선물하나요? 수연: 보통 세제나 휴지 등을 선물하는데 저는 휴지를 사려고 해요. 리밍: 그럼 저는 세제를 살게요. 수연: 그래요. 토요일에 봐요. Впервые собираюсь устроить новоселье, я переживаю (처음 해 보는 집들이를 하기로 했는데 걱정이예요) 가: 주말에 집들이를 하기로 했는데 걱정이예요. 나: 언제 할 거예요? 가: 언제 할지 모르겠어요. 나: 제 생각에는 토요일

Продолжение таблицы

Название темы	Диалог (примеры)
	일이 좋을 것 같아요. 가: 네, 그런데 토요일 몇 시에 하는 게 좋을 지 모르겠어요. 나: 모두 모이려면 저녁 7시가 좋을 것 같아요. 가: 그게 좋을 것 같군요. 고마워요. 그런데 손님들이 오면 무슨 음식을 준비할지 모르겠어요. 나: 간단한 음식으로 준비하면 돼요. 인터넷으로 어떤 음식이 좋은지 알아보세요.

3. Перевод текста:

Название темы	Название текста	Рекомендуемая литература
Корейская кухня и здоровье (한식과 건강) (2-й курс, 3-й семестр)	1. Еда, обещающая долголетие (장수를 약속하는 음식). 2. Еда и ее функции (음식과 그 기능). 3. Пищевые привычки (먹는 습관). 4. Напитки (음료). 5. Выбор подходящего питания (알맞는 영양식의 선택). 6. Наилучшая культура питания (최선의 식생활). 7. Вспомогательные продукты (보조 식품)	Чхон, Се Вон. Сэроун конган сиксэнхваль (Новая здоровая культура питания) / Чхон Се Вон, Чон Бён Док, И Бо Док. – Сеул, 1986. – 324 с.
Великие люди (Хан Сокбон, Король Седжон, Конфуций)	1. Хан Сокбон (한석봉)	1. Ким, Иль Хван. Хангук чонги чончип 7 (Полное собрание

Название темы	Название текста	Рекомендуемая литература
(위대한 사람들 (한석봉, 세종대왕, 공자)) (2-й курс, 4-й семестр)	2. Король Седжон (세종대왕)	биографий № 7) / Ким Иль Хван, Ким Чон Сан, Ом Ги Вон. – Сеул : Кёнми, 1981. – 337 с. 2. Ким, Иль Хван. Хангук чонги чончип 5 (Полное собрание биографий № 5) / Ким Иль Хван, Ким Чон Сан, Ом Ги Вон. – Сеул : Кёнми, 1982. – 337 с.
	3. Конфуций (공자)	3. Чха, Сан Вон. Конча (Конфуций) / Чха Сан Вон, Ко Чон Иль. – Сеул : Тонсомунхва, 1983. – 213 с.

4. Написание эссе :

Название темы	Рекомендованная тема эссе
Работа (직장 생활 (첫 출근)) (2-й курс, 3-й семестр)	1. Особенности рабочих будней в Южной Корее и России (한국과 러시아의 직장생활 특징). 2. Престижные профессии в Южной Корее и России (한국과 러시아의 사회적으로 위신있는 직업). 3. Моя будущая профессия (나의 미래직업). 4. Работа моей мечты (나의 꿈직장)
Город (путешествие) (도시 (여행)) (2-й курс, 3-й семестр)	1. Мое первое путешествие (나의 첫 여행): 1) Куда вы ездили? 어디에 가 봤습니까? 2) С кем вы ездили?

3. Назовите, что изображено на картинке.

4. Как на корейском называется белая часть яйца?

5. Глагол, который обозначает слово «жарить».

6. Масло, используемое для приготовления пищи.

7. Назовите, что изображено на картинке.

8. Продукт, без которого нельзя представить ни один день корейцев?

9. Посуда, в которой варят еду.

По вертикали [세로 열쇠]:

1. Название культуры, в которой рассматриваются вопросы, связанные с пищевыми привычками, полезной и вредной едой, функциями еды и т. д.

2. Глагол, который обозначает «готовить еду в кипящем масле».

3. Салат из зелени.

4. Назовите, что изображено на картинке.

5. Назовите, что изображено на картинке.

6. Как на корейском называется желтая часть яйца?

7. Это то, что очень любят дети.

8. Назовите, что изображено на картинке.

9. Назовите глагол, который переводится с корейского языка как «жарить на огне»:

-고기를 ∞.

-생선을 ∞.

10. Назовите, что изображено на картинке:

11. Назовите, что изображено на картинке:

Данные методические разработки форм самостоятельной работы могут использоваться при обучении корейскому языку как иностранному для студентов второго курса по направлению 41.03.03 «Востоковедение и африканистика».

Организация самостоятельной работы очень

актуальна в настоящее время, когда перед всеми высшими учебными заведениями, в первую очередь, стоит задача формирования у студента потребности к непрерывному самообразованию и формированию учебно-познавательной компетенции. Знания, полученные самостоятельно во время самостоятельной работы, наиболее прочны, чем те, которые получены в готовом виде на занятиях по иностранному языку. В ходе самостоятельной работы каждый студент непосредственно погружается в новый материал, концентрирует на нем свое внимание. Здесь проявляются его индивидуальность, личностные интересы, активность, инициатива и творческий подход. Помимо этого самостоятельная работа по дисциплине способствует также развитию таких качеств конкурентоспособного специалиста, как коммуникабельность, мобильность, умение применять знания на практике, нацеленность на успех, самостоятельность и организованность. Всё это способствует повышению уровня практического владения иностранным языком.

Литература

1. Артамонова, А. В. Управление самостоятельной работой студентов : поиск эффективных решений / А. В. Артамонова, Н. Н. Старыгина, А. В. Волков [и др.] // Университетское управление: практика и анализ. – 2014. – № 3. – С. 110–118.
2. Гончарова, Ю. А. Организация самостоятельной работы студентов. Методические рекомендации для преподавателей / Ю. А. Гончарова. – 2007. – Режим доступа : <http://econ.vsu.ru/downloads/havactik/samrab.doc> (дата обращения : 25.05.2019).
3. Замыслова, А. И. Самостоятельная работа как средство реализации компетентностного подхода при обучении студентов в профильных вузах атомной отрасли / А. И. Замыслова. – 2014. – № 4 (13). – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/samostoyatelnaya-rabota-kak-sredstvo-realizatsii-kompetentnostnogo-podhoda-pri-obuchenii-studentov-v-profilnyh-vuzah-atomnoy-otrasli>

li (дата обращения : 25.05.2019).

4. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – М. : Просвещение, 1991. – 222 с.
5. Иванова, С. Г. Организация самостоятельной работы студентов по иностранному языку / С. Г. Иванова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 5. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-samostoyatelnoy-raboty-studentov-po-inostrannomu-yazyku> (дата обращения : 26.05.2019).
6. Коньшева, А. В. Организация самостоятельной работы учащихся по иностранному языку / А. В. Коньшева. – СПб. : КАРО ; Мн. : изд-во «Четыре четверти», 2005. – 232 с.
7. Оглуздина, Т. П. Развитие содержания понятия «языковая компетенция» в истории лингвистики и теории обучения иностранным языкам / Т. П. Оглуздина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – Вып. 2 (104). – С. 91–94.
8. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс : пособие для студ. в пед. вуз. и учителей / Е. Н. Соловова. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 239 с.
9. Ушникова, О. В. Анализ проблем и особенностей организации самостоятельной работы в вузе / О. В. Ушникова, С. Н. Михалева // Ученые записки ЗабГУ. – 2014. – № 5 (58). – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-problem-i-osobennostey-organizatsii-samostoyatelnoy-raboty-v-vuze> (дата обращения : 25.05.2019).
10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 41.03.03 «Востоковедение и африканистика» (уровень бакалавриата) / Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов. – 2014. – Режим доступа : http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/410303_Vostok.pdf (дата обращения : 25.05.2019).

РАЗДЕЛ IV

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ЕПАРХИАЛЬНАЯ ПРЕССА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: «ВЛАДИВОСТОКСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»

В 1899 г. произошла реорганизация Камчатско-Курильско-Благовещенской епархии Русской православной церкви, следствием чего стало разделение епархии на две – Благовещенско-Приамурскую и Владивостокско-Камчатскую. С № 10 (31 мая) за 1899 г. «Камчатские епархиальные ведомости», первое дальневосточное епархиальное издание, выходящее с 1894 г., были переименованы в «Благовещенские епархиальные ведомости». В связи с отсутствием своего печатного органа в 1899–1903 гг. у Владивостокской епархии в «Благовещенских епархиальных ведомостях» несколько лет публиковалась и информация для Владивостокской епархии. В официальной части она проходила периодически с № 11 за 1899 г. под рубрикой «Известия и распоряжения по Владивостокской епархии»¹ наряду с «Известиями и распоряжениями по Благовещенской епархии». Клирики и прихожане Владивостокской епархии остались подписчиками этого издания, а некоторые священнослужители готовили публикации для журнала. Однако, как справедливо заметил А. Смагин, «проблемы Владивостокской епархии не могли получить должного освещения и обсуждения на страницах журнала, по причине заинтересованности редакции в первую очередь отражать жизнедеятельность Благовещенской епархии и сложностей с получением необходимой информации о Владивостокской епархии и Южно-Уссурийском крае»². Такая ситуация отразилась и в том, что в эти годы материалы с Сахалина, входившего в состав Владивостокской епархии, не публиковались в этом епархиальном печатном издании.

Собственный официальный периодический орган появился во Владивостокской епархии только в 1903 г. В № 1 от 1 января 1903 г. в рубрике «От редакции» сообщалось, что «Определением Синода от 24-го мая/4-го июня 1902 года № 2315 Владивостокскому епархиальному начальству разрешено с января 1903 года издание

в Владивостокской епархии своего печатного органа – “Владивостокских Епархиальных Ведомостей”». Инициатива издания «Владивостокских епархиальных ведомостей» принадлежала епископу Владивостокскому Евсевию, который и представил вниманию Синода соответствующее предложение. В нем сообщалось, что «вследствие все большего развития церковно-приходской жизни Владивостокской епархии, выражающегося в построении новых церквей, открытии новых приходов, увеличении числа духовенства и паствы, умножении церковных школ и проч., – последней надлежит необходимость иметь свой печатный орган, так как пользование чужим органом – Благовещенской епархии, – как было до настоящего времени, – решительно не удовлетворяет самым неотложным нуждам епархии по отдаленности редакции Благовещенских Епархиальных Ведомостей от г. Владивостока – центра местного епархиального управления»³. В первом номере журнала редакция сообщала читателям о цели публикации епархиального издания: «Свой собственный печатный епархиальный орган должен явиться своевременным живым проводником распоряжений Епархиального начальства с одной стороны, с другой – должен знакомить духовенство и паству епархии и более усердно и разумно стремиться к насаждению православной веры и устроить дело церкви на отдаленнейшей окраине России»⁴.

Редакция «Владивостокских епархиальных ведомостей» не отступала от обычных программ епархиальных ведомостей, в программе «Владивостокских епархиальных ведомостей», утвержденной Синодом «сверх обычного официального отдела», предусматривалась и широкая программа неофициального отдела, выстроенная в соответствии с поставленными перед ведомостями задачами. Неофициальная часть включала следующие разделы: «1. Проповеди Его Преосвященства и местных священников. 2. Внецерковные

¹ Первая такая публикация: *Известия и распоряжения по Владивостокской епархии // Благовещенские епархиальные ведомости. Отдел официальный. – 1899. – № 11. – С. 70–74.*

² Смагин, А. Н. «Епархиальные ведомости» в системе управления Камчатской (Благовещенской) епархии Русской православной церкви / А. Н. Смагин // *Религиоведение. – 2006. – № 2. – С. 58–68. – Режим доступа : <http://www.vladivostok-eparhia.ru/eparhia/history/?ID=1943> (дата обращения : 15.08. 2013).*

³ *От редакции // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1903. – № 1. – С. 1.*

⁴ *Там же. – С. 2.*

собеседования, публичные религиозно-нравственные чтения. 3. Толкование наиболее трудных для понимания мест Св. Писания. 4. Статьи, касающиеся миссионерства среди язычников, а также статьи по расколу и сектанству. 5. Замечательные религиозно-нравственные явления в жизни духовенства и паствы Владивостокской епархии. 6. Чествования и некрологи современных деятелей. 7. Из быта и жизни церковно-приходской, церковно-школьной, а также и вопросы пасторской практики. 8. Статьи и заметки исторического, статистического, богословского и литературного содержания; этнографические и естественно-научные статьи по изучению местного края и проч.»⁵. По мнению А. Н. Смагина, с которым трудно не согласиться, указание в программе в первую очередь разделов, имеющих вероучительный характер, связано с желанием редакции журнала «частично компенсировать низкий образовательный уровень большинства священнослужителей епархии, расширить для них возможность самообразования», необходимость же миссионерского раздела «была продиктована стратегическим положением епархии и наличием на ее территории значительного количества автохтонных народов, которые наряду с переселенцами из Кореи стали основным объектом миссионерской деятельности во Владивостокской епархии»⁶.

Журнал выходил два раза в месяц. С 1904 г. (№ 4–5) периодически начинают выпускаться сдвоенные номера. Нумерация страниц в официальной и неофициальной частях журнала была сплошной и продолжалась в течение года. Печатались «Владивостокские епархиальные ведомости» постоянно в типографии газеты «Дальний Восток» (владелец – В. А. Панов). Выражая благодарность за сотрудничество В. А. Панову, редактор ведомостей В. Давыдов в 1913 г. отмечал: «Ведомости печатались все десятилетие безостановочно и всегда аккуратно, даже в самые трудные для типографии дни – во время войны, во время типографских забастовок, в смутные дни погрома и, наконец, в злополучные январские дни 1905 г.»⁷. Однако с 1914 г. ведомости стали печатать в типографии Приморского областного правления.

С 1913 г. журнал стал иллюстрироваться

фотографиями. В 1912 г. появилось бесплатное приложение к ведомостям «Восточный благовест» – «листок для религиозно-нравственного чтения», содержащее преимущественно проповеди и поучения.

Первым редактором журнала был А. Г. Разумовский, выпускник Петербургской духовной академии, в 1900 г. назначенный на должность секретаря Владивостокской духовной консистории. После прибытия во Владивосток 3 января 1901 г. он развил бурную общественно-церковную деятельность, совмещая должность секретаря консистории с работой в Епархиальном училищном совете, Комитете по сбору пожертвований и постройке кафедрального собора в г. Владивостоке, Комиссии по рассмотрению вопроса об устройстве в г. Владивостоке духовного училища и семинарии и пр. 1 января 1903 г. Разумовский получил назначение на должность редактора «Владивостокских епархиальных ведомостей»⁸. В этой должности Разумовский пребывал до марта 1905 г., затем попрощался с читателями журнала и отбыл в европейскую часть России⁹.

Следующим редактором «Владивостокских епархиальных ведомостей» стал В. Давыдов. Священник Давыдов родился в 1879 г., был сыном мещанина из Варшавы. После окончания Благовещенской духовной семинарии летом 1900 г. принял сан священнослужителя и получил назначение к церкви с. Ивановка Южно-Уссурийского края. В своем первом приходе он прослужил меньше года. 31 мая 1901 г. он был переведен к Никольск-Уссурийской железнодорожной церкви, а 5 сентября 1903 г. – к Владивостокскому кафедральному собору. С этого момента, по меткому замечанию современника, о. И. Шабельникова, деятельность В. Давыдова приобрела епархиальный характер. Во Владивостоке он стал совмещать разнообразные обязанности. В разное время он был делопроизводителем Владивостокского отделения Епархиального училищного совета, членом Епархиального ревизионного комитета, руководителем и лектором краткосрочных педагогических курсов, членом Епархиального миссионерского совета, членом Епархиального попечительства о бедных духовного звания и пр. Давыдов инициировал откры-

⁵ От редакции // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1903. – № 1. – С. 3.

⁶ Смагин, А. Н. «Епархиальные ведомости» в системе управления Камчатской (Благовещенской) епархии Русской православной церкви / А. Н. Смагин // Религиоведение. – 2006. – № 2. – С. 58–68. – Режим доступа : <http://www.vladivostok-eparhia.ru/eparhia/history/?ID=1943> (дата обращения : 15.08. 2013).

⁷ Священник, В. Давыдов. Маленький дневник // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1913. – № 1. – С. 11.

⁸ Смагин, А. Н. «Епархиальные ведомости» в системе управления Камчатской (Благовещенской) епархии Русской православной церкви / А. Н. Смагин // Религиоведение. – 2006. – № 2. – С. 58–68. – Режим доступа : <http://www.vladivostok-eparhia.ru/eparhia/history/?ID=1943> (дата обращения : 15.08. 2013).

⁹ Письмо в редакцию // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1905. – № 7. – С. 158–159.

тие в 1907 г. епархиального «Учебного фонда», целью которого являлось оказание финансовой помощи детям духовенства епархии для получения образования, учреждение при Св. Троицком монастыре Уссурийского православного братства Пресвятой Богородицы (открыто в 1908 г.), разработал правила епархиальных съездов и т. п. По мнению А. Н. Смагина: «Назначение о. В. Давыдова на должность редактора “Владивостокских епархиальных ведомостей” было предсказуемо. Он являлся личностью яркой, индивидуальной, обладающей значительным творческим потенциалом»¹⁰. Временно исполняющим обязанности редактора журнала Давыдов был назначен 17 сентября 1903 г. в связи с отпуском и отъездом А. Г. Разумовского в европейскую часть России. Он редактировал № 19–24 журнала за 1903 г. и № 1 за 1904 г. После ухода Разумовского с должности редактора Давыдов был временно исполняющим обязанности редактора более года, и только в мае 1905 г. решением Синода был утвержден в занимаемой должности¹¹. Деятельность Давыдова на посту редактора журнала можно разделить на два периода: «первые годы, по 1907 г. включительно, когда он в большей мере погружался в деятельность редактора, осваивался, осматривался, решал организационные вопросы, устанавливал отношения с духовенством епархии, старался завоевать авторитет и признание; и второй период – это все последующие годы, начиная с 1908 по июнь 1915 г., их можно охарактеризовать как поступательное развитие журнала»¹². В июне 1915 г. в связи с поступлением в Киевскую духовную академию В. Давыдов оставил должность редактора. Исполняющим должность редактора после отъезда Давыдова архиепископ Евсевий назначил протоиерея В. А. Попова, в этой должности он оставался до августа 1917 г. В последующих номерах данные о редакторе отсутствуют.

Обращают внимание постоянные призывы редакции к читателям и авторам участвовать в жизни журнала. В этом смысле журнал в полной мере стал трибуной для выражения мнения наиболее активной части духовенства по важным вопросам общественной и епархиальной жизни, площадкой, на которой делились опытом миссионеры и священники, и в целом – важной частью общественной, культурной и научной жизни региона. Уже в первом номере «Владивостокских

епархиальных ведомостей» редактор обратился к читателям с такими словами: «...Полнота, содержательность и серьезность неофициальной части Епархиальных Ведомостей в значительной мере будет зависеть от самих же читателей, от их наблюдательности и отзывчивости, от их желания поделиться своим опытом и знаниями, своими думами и чувствами с своими братьями, сослуживцами и пасомыми, для чего и являются к их услугам только-что народившиеся Владивостокские Епархиальные Ведомости. Всякое сообщение, даже в сыром, необработанном виде, но только обоснованное фактами и лишненное задорно-полюемического характера Редакция будет принимать с готовностью»¹³. В последующих номерах неоднократно повторялись похожие обращения редакции к читателям и авторам. Ставя вопрос «Почему духовенство мало сотрудничает в Епархиальных ведомостях?», редакция сама отвечала: «Единственным средством оживления “Епархиальных Ведомостей”, не отличающихся, как известно, ни содержательностью, ни интересом, признается привлечение к сотрудничеству сельского духовенства соответствующей епархии. Но все старания редакции в этом направлении увенчиваются малым успехом». Кроме таких причин, как «не умею, не свободен», духовенство не принимало участие в работе «Епархиальных ведомостей» по следующим причинам: «1) боязнь осуждения, 2) чувство неуверенности в своих силах и 3) опасение тех последствий, коими иногда (как нередко сообщают газеты) подвергались корреспонденты. ... Без сомнения, есть у духовенства много недоуменных вопросов и сомнений, касающихся их приходского дела, но они боятся высказаться о них печатно, публично, дабы, с одной стороны, не обвинили их в незнакомстве с существующими инструкциями и разъяснениями, а с другой – не сочли бы за людей безпокойных...»¹⁴. В № 14 за 1903 г. в статье «Беседа Редактора с читателями» редактор вновь призывает духовенство участвовать в создании ведомостей, приводя слова из «Киевских епархиальных ведомостей», к мнению которых он присоединялся: «Кому из нас не приходилось за весьма редкими исключениями, констатировать на страницах Епархиального органа лишь сухое какое-либо сообщение о постройке сельского храма, краткий некролог собрата и т. п. Разве подобные сообщения дают

¹⁰ Смагин, А. Н. «Епархиальные ведомости» в системе управления Камчатской (Благовещенской) епархии Русской православной церкви / А. Н. Смагин // *Религиоведение*. – 2006. – № 2. – С. 58–68. – Режим доступа : <http://www.vladivostok-eparhia.ru/eparhia/history/?ID=1943> (дата обращения : 15.08. 2013).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ От редакции // *Владивостокские епархиальные ведомости*. – 1903. – № 1. – С. 2–3.

¹⁴ Почему духовенство мало сотрудничает в Епархиальных ведомостях? // *Владивостокские епархиальные ведомости*. – Часть неофициальная. – 1903. – № 12. – С. 279–280.

какую-либо пищу уму, развивают его?.. Нам желательнее читать и прочитанное складывать в уме и сердце; нам желательнее следить за жизнью и деятельностью своего собрата и школьного товарища, за его самообразованием; нам приятно получать простые, но сердечные опытные наставления и руководствования; нам настает, наконец, нужда защитить перед интеллигенцией себя и свою общую мать-церковь, которую так часто и так жестоко обвиняют в том, в чем она неповинна»¹⁵. По мнению редактора В. Давыдова, «писать духовенству, также учителям, псаломщикам – есть о чем. Окружающая приходская жизнь – одна уже представляет обильный материал для печати. Скорби и радости, разные случаи из церковной, пастырской, учительской практики, события в жизни школ, попечительств, целых приходов, отношение прихожан к церкви и клиру и наоборот, быт прихожан, деревенская обстановка, условия труда, климат, природа и т. д., все это жизненно интересно... Поле беспредельно; пишите о. о. и братья!»¹⁶ В начале 1908 г. редактор признавал, что за годы существования издания «были... дни, когда Ведомости признавались подлежащими закрытию: когда редакция оставалась совершенно одинокой, не только без сотрудников, но и без моральной поддержки со стороны епархиального духовенства; когда имя редактора неоднократно поносилось в местной печати, яко зло; когда у него, оставленного даже немногими прежними сотрудниками, опускались руки, гасла вера в продуктивность работы и назревала мысль покинуть поле сражения... Но это время миновало и, надемся, без возврата: обстоятельства изменились к лучшему...»¹⁷. Позднее, когда был пройден этап становления и организационного оформления и укрепления ведомостей, судя по их содержанию и обращениям редактора, вопрос об активном участии духовенства епархии в работе журнала решался успешно. Уже в 1909 г. редактор отмечал увеличение числа «сотрудников из числа епархиального духовенства»¹⁸. Однако он сожалел, что редакция не имела возможности платить авторам гонорар, что в связи с недостаточным количеством подписчиков, а также

дороговизной типографской работы ведомости нуждались в постоянном пособии от епархии, которого, однако, они не получали¹⁹. В 1911 г. Давыдов писал, обращаясь к читателям и авторам: «В литературном отношении редакция в минувшем году была обеспечена материалом вполне, даже с избытком. Материал печатается исключительно местный, оригинальный; его доставляло епархиальное духовенство без всякого гонорара. Столь широкое и безкорыстное сотрудничество духовенства в своем органе, на наш взгляд, особенно ценно, потому что, во-первых, красноречиво говорит о глубокой потребности духовенства именно в *своем* (курсив автора. – Н. П.) печатном органе, а, во-вторых, дает твердое основание надеяться на процветание Ведомостей в будущем»²⁰. Активизация переселения, колонизации Дальнего Востока Россией улучшает ситуацию для «Владивостокских епархиальных ведомостей». В начале 1914 г. Давыдов отмечал: «С чувством особенного удовлетворения вступаем в новый год издания еще и потому, что теперь наш епархиальный орган, благодаря заметному увеличению церковей, т. е. постоянных подписчиков, не знает тех ежегодных дефицитов, которые в прежнее время вынуждали редакцию дрожать за каждый лишний печатный лист расплачиваться с типографией подписной платой каждого следующего года»²¹. В 1914 г. редактор выразил пожелание превратить ведомости, пережившие все трудности, в еженедельное издание²². Одним из проявлений активности публицистической деятельности духовенства епархии, которую поддерживало руководство журнала, стала и публикация ряда уникальных работ сахалинских священников.

В начале XX в., в период бурного развития общественной и политической жизни России, очевидно, часть епархиальных деятелей чувствовала, что издания журнала два раза в месяц было недостаточно, чтобы охватить все интересные духовенство и паству вопросы. Так, в марте 1906 г. во «Владивостокских епархиальных ведомостях» начальник корейской духовной миссии, архимандрит Павел (Корсунский) выступил с письмом «к православным русским

¹⁵ *Беседа Редактора с читателями // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1903. – № 14. – С. 328.*

¹⁶ *От Редактора // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1906. – № 23–24. – С. 512–513.*

¹⁷ *От редакции // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1908. – № 1. – С. 5.*

¹⁸ *От редакции // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1909. – № 1. – С. 8.*

¹⁹ *В 1907 г. подписная плата давала 700 руб., а с 1908–800 руб. при стоимости подписки в тот период 6 руб. 50 коп., это означает, что подписчиков было до 1,5 сотен (От редакции // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1909. – № 1. – С. 9).*

²⁰ *От редакции // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 1. – С. 14.*

²¹ *Редактор, священник В. Давыдов. Новогодние думы и пожелания редактора // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 1. – С. 56.*

²² *Там же.*

людям» «Об издании церковно-общественной газеты на Дальнем Востоке». Он так писал о силе печатного слова: «В последнее время значение повседневной прессы печатного слова на Руси достигло огромных размеров. Нарождаются всё новые и новые издания разнообразных, иногда до крайности противоположных направлений. Газета уже проникла в самые отдаленные “медвежьих уголки” нашего отечества; к газете прислушиваются: и простой рабочий и “серый мужичок”, простодушно веря всякому печатному слову; газета теперь – в руках грамотного и малограмотного взрослого подростка. С этим великим значением и ростом повседневной прессы, которая в общем выражает и воспитывает общественное мнение, приходится считаться всем и каждому. Между тем, при сравнительном обилии повседневной светской прессы нельзя не указать на совершенную скудость таких газет, которые бы воспитывали общество на началах вечных евангельских истин... Ведь у нас в сущности нет церковно-общественной газеты..., нет повседневного органа, сродного духу православного русского человека. У нас существуют только духовные журналы (еженедельные и ежемесячные), но... они по большей части рассчитаны на известный круг читателей и имеют нередко свои особые программы – богословского характера, – они не могут иметь значения, присущего повседневным печатным органам: где чаще падает капля, там она скорее продавливают камень»²³. Архимандрит Павел предложил программу газеты «Братство», которая должна была заполнить существующую нишу в прессе, с периодичностью издания два раза в неделю объемом восемь страниц. Однако в последующем инициатор публикации первой церковно-общественной газеты с прискорбием сообщал читателям «Епархиальных ведомостей» о невоз-

можности выпуска газеты по причинам техническим (не удалось договориться с типографией), и издание было отложено на неопределенное время²⁴.

Руководство «Владивостокских епархиальных ведомостей» сумело сделать журнал насыщенный разнообразной информацией, действительно живым, актуальным и интересным широкой публике. Уже первый номер журнала оказался снабженным неофициальной частью, в которой было опубликовано интереснейшее описание поездки епископа Владивостокского Евсевия на Камчатку летом 1899 г., в котором есть и упоминание о посещении Сахалина²⁵. Примечание, сделанное редактором к этой работе, свидетельствует о том, что публикуемый материал был интересен редакции, так как имел не только сугубо религиозное значение, но и научную ценность: «Редакция Владивостокских Епархиальных ведомостей пользуется первой возможностью дать место настоящему описанию, которое не смотря на протекшие со времени поездки четыре года, не будучи нигде напечатано, не потеряло своего значения и интереса и до настоящего времени в виду тех исключительных географических и других условий, в каких находится Камчатка, сравнительно еще мало знакомая русским читателям»²⁶. В последующем были продолжены публикации описаний поездок епископов²⁷. Однако упоминаний о пребывании на острове епископа в более позднее время мы не встречаем, за исключением небольшой заметки в рубрике «Хроника епархиальной жизни» в одном из номеров за 1912 г.²⁸.

Редактор «Владивостокских епархиальных ведомостей», отмечая важность миссионерского дела в епархии (противоязыческого миссионерства), писал: «Миссионерское дело придает нашей епархии даже специфически-миссионер-

²³ Павел, архимандрит. Об издании церковно-общественной газеты на Дальнем Востоке // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1906. – № 5. – С. 98–101.

²⁴ Архимандрит Павел. Письмо в редакцию // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – № 11. – С. 236–237.

²⁵ Свящ. В. Давыдов. Поездка Преосвященнейшего Евсевия Епископа Владивостокского в Камчатку летом 1899 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1903. – № 1. – С. 11–15; № 3. – С. 53–58; № 8. – С. 173–181; № 11. – С. 239–247; № 14. – С. 317–323; № 16. – С. 361–371; № 21. – С. 472–482 (по Сахалину: Свящ. В. Давыдов. Поездка Преосвященнейшего Евсевия, Епископа Владивостокского в Камчатку летом 1899 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1903. – № 1. – С. 12–15; № 3. – С. 53).

²⁶ Свящ. В. Давыдов. Поездка Преосвященнейшего Евсевия Епископа Владивостокского в Камчатку летом 1899 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1903. – № 1. – С. 11.

²⁷ Свящ. В. Попов. Поездка Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнейшего Евсевия, Архиепископа Владивостокского в г. Благовещенск, Амурской области, с 29 сентября по 28 октября 1907 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1908. – № 1. – С. 14–19; № 2. – С. 44–52; № 3. – С. 72–77; № 4. – С. 111–116; № 5. – С. 155–158; № 7. – С. 203–208; № 7–8. – С. 228–233; № 10. – С. 261–266; № 11. – С. 285–298; П. П. Поездка Высокопреосвященного Евсевия в Харбин (с 19 по 28 ноября 1908 г.) // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1909. – № 3. – С. 84–89; № 4. – С. 110–113; № 5. – С. 138–146; № 6–7. – С. 186–192; № 9. – С. 290–299; В. О. О поездке по епархии Высокопреосвященнейшего Архиепископа Евсевия. С 3-го по 13-го декабря 1910 года // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 3. – С. 105–110; и др.

²⁸ Хроника епархиальной жизни. Поездка на Сахалин // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 16. – С. 523–525.

ский характер, определяя ее, как епархию, по преимуществу, миссионерскую»²⁹. Поэтому не удивительно, что по-прежнему публикуются во «Владивостокских епархиальных ведомостях» миссионерские путевые записки³⁰, среди которых обращают на себя внимание работы сахалинских священников – А. Троицкого³¹, А. Городнова³², А. Шастина³³. Эти материалы дополнились статьёй А. Городнова на миссионерскую тему³⁴.

Богатейший фактический материал, статистические, персональные сведения содержат публикации: о церковных школах и подготовке для них учительских кадров³⁵, о просвещении на Дальнем Востоке³⁶, о деятельности обществ трезвости³⁷, о деятельности Владивостокского комитета православного миссионерского общества³⁸. Отсутствие в таких публикациях «сахалинского» компонента свидетельствует обычно либо об узких территориальных рамках повествования, либо об отсутствии сведений по теме

публикации с Сахалина, позволяя выявить моменты, отличающие общественно-религиозную жизнь острова от епархиальной.

В публикуемых в каждом номере епархиальных хрониках зафиксированы наиболее важные события жизни епархии – строительство, освящение, открытие храмов, церковно-приходских школ, поездки епископа по епархии, важные торжества и праздники, проводящиеся в церквях и церковно-приходских школах. В период после Русско-японской войны в журнале, в частности, в рубрике «Епархиальная хроника», довольно активно публиковалась и информация с Сахалина, в ней были отражены важнейшие события церковно-общественной жизни острова: открытие народного дома в с. Рыковском в 1907 г.³⁹, освящение нового храма в с. Рыковском в 1911 г.⁴⁰, прибытие на Сахалин нового губернатора Сахалинской области Д. Д. Григорьева 19 апреля 1911 г.⁴¹, открытие на Сахалине пер-

²⁹ Редактор, священник В. Давыдов. *Новогодние думы и пожелания редактора // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 2. – С. 63.*

³⁰ Например, Миссионер Архимандрит Аверкий. *Из дневника миссионера // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 12. – С. 392–397; и др.*

³¹ Священник Алексей Троицкий. *Из дневника сахалинского священника // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1904. – № 6. – С. 116–120; № 7. – С. 150–156; № 9. – С. 202–206; № 10. – С. 226–230; № 11. – С. 249–254.*

³² Свящ. А. Городнов. *Поездка к крещеным инородцам северной части острова Сахалина в феврале месяце 1908 г. (Дневник священника) // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1908. – № 12–13. – С. 332–338; № 14–15. – С. 389–394; № 17. – С. 422–428.*

³³ Священник А. Шастин. *Описание поездки к инородцам восточного побережья Русского Сахалина // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1916. – № 20. – С. 674–683; № 21. – С. 715–721; № 22. – С. 748–753.*

³⁴ Исп. обязанности миссионера, священник Александр Городнов. *Миссионерское дело на Северном Сахалине // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1908. – № 20. – С. 498–503.*

³⁵ *Краткосрочные педагогические курсы для учащихся в церковных школах Владивостокской епархии, бывшие в мае–июне 1902 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1903. – № 2. – С. 26–30; № 4. – С. 81–84; № 5. – С. 93–102; № 6. – С. 117–122; № 7. – С. 147–155 и далее до № 13; С. А. З. Из жизни церковно-приходской школы с. Черниговки Южно-Уссурийского уезда // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1903. – № 10. – С. 226–230; Священник Сергей Алякринский. *Отчет Владивостокского Епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Владивостокской епархии за 1901–1902 учебный год по учебно-воспитательной части // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть официальная. – 1903. – № 11. – С. 261–266 и далее до № 4–5 за 1904 год (с. 79–82). В последующем отчеты о состоянии церковных школ Владивостокской епархии публиковались ежегодно.**

³⁶ Фатуев, С. *Очерк состояния дела начального просвещения в селениях Южно-Уссурийского края к 1907 году / С. Фатуев // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1907. – № 17–18. – С. 317–322; № 19–20. – С. 357–361; № 23. – С. 407–421; № 24. – С. 456–464.*

³⁷ *Отчет Осиновского Иоанно-Предтеченского общества трезвости. С 22-го октября 1901 г. по 22-е октября 1902 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть официальная. – 1903. – № 3. – С. 46–50; № 4. – С. 69–75 и далее – ежегодно.*

³⁸ *Общее собрание Владивостокского комитета православного миссионерского общества // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть официальная. – 1903. – № 6. – С. 115–116; Отчет Владивостокского епархиального Комитета православного миссионерского общества за 1902-й год (четвертый год существования Комитета) // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть официальная. – 1903. – № 7. – С. 138–146; № 8. – С. 164–170; № 9. – С. 190–198; Отчет Владивостокского епархиального Комитета православного миссионерского общества за 1903 год (пятый год существования Комитета) // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть официальная. – 1904. – № 9. – С. 187–190; № 10. – С. 212–218; № 11. – С. 231–240 и далее – ежегодно.*

³⁹ *Хроника епархиальной жизни. (Народный дом на острове Сахалине) // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1908. – № 5. – С. 149–151.*

⁴⁰ *Церковный староста. С Сахалина // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 7–8. – С. 254–261.*

⁴¹ *Диакон Феодосий Громовой. С Сахалина // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 11. – С. 371–374.*

вой церковно-приходской школы в 1911 г.⁴², пребывание на Сахалине приамурского генерал-губернатора Л. Н. Гондатти в сентябре 1912 г.⁴³.

Дополнялись такие новостные сообщения и работами историко-аналитического характера, посвященными современной автору ситуации на острове, современным проблемам православной жизни⁴⁴. Среди проповедей, традиционно публиковавшихся в епархиальных ведомостях, стоит отметить выступление одного из самых ярких православных деятелей России начала XX в. протоиерея И. Восторгова, сопровождавшего в поездке архиепископа Владивостокского Евсевия, в п. Александровском на Сахалине 13 июля 1911 г.⁴⁵. Высоко оценивая деятельность протоиерея Восторгова на Дальнем Востоке, В. Данилов в 1914 г. писал так: «В деле епархиального благоустройства обращает на себя особенное внимание ежегодное увеличение числа приходов до десяти и более вот уже в продолжение целого ряда лет. В этом неоценимая заслуга современного неутомимого церковно-общественного деятеля в России – московского протоиерея И. Восторгова, который ежегодно посещает наш край, на месте выясняет духовные нужды переселенцев и по приезде в Россию представляет высшим властям свои мотивированные ходатайства. Несомненно, о. протоиерей прочно уже связал свое имя с великим русским государственным делом – переселением в Сибирь. Несомненно, благодаря в значительной мере огромному церковно-государственному размаху его творческой мысли и дела, сотни тысяч переселенцев сразу же по водворении на новые места обставляются всеми необходимыми условиями религиозно-

нравственного утешения и просвещения... и, будучи спасены от духовного одичания, а потому и от социально-политического разложения, сохранены для России в качестве надежного элемента для будущего культурного слияния полудикой Сибири с Европой на началах исторической православно-русской национальной созидательной идеи»⁴⁶.

Находилось во «Владивостокских епархиальных ведомостях», издававшихся в неспокойное как с точки зрения внешнеполитической, так и внутривосточной ситуации в стране и регионе время, место для публикации документов и описаний важнейших событий жизни региона, малоотносящихся, собственно, к религиозной жизни. Так, события Русско-японской войны отражаются в заметках о важнейших для Владивостока событиях и публикациях речей епископа на военную тему⁴⁷, события этой войны на Сахалине запечатлены в опубликованной в ведомостях телеграмме временно исполняющего дела благочинного IX округа священника Алексия Троицкого на имя епископа Евсевия о бомбардировке п. Корсаковского 9 августа 1904 г.⁴⁸, а также в сообщении редакции о телеграмме того же священника на имя епископа о высадке японского десанта и бомбардировке поста Корсаковского от 25 июня 1905 г.⁴⁹. К этому блоку информации можно отнести и уникальные дневниковые записи сахалинских священников о Русско-японской войне – А. Кукольщикова⁵⁰ и оформленные, очевидно, позднее воспоминания (также с включениями дневниковых записей) А. Троицкого⁵¹. Ряд публикаций «Владивостокских

⁴² Хроника епархиальной жизни // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1912. – № 3. – С. 80–82.

⁴³ Благочинный священник Иоанн Яковлев. С о. Сахалина // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1912. – № 18. – С. 596–598.

⁴⁴ Перей 8-го благочиния. С Сахалина // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 1. – С. 25–31; На Южном Сахалине // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1912. – № 2. – С. 48–49.

⁴⁵ Протоиерей И. Восторгов. На русском Сахалине. Благовестие жизни Дальнему Востоку // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 17. – С. 546–554.

⁴⁶ Редактор, священник В. Давыдов. Новогодние думы и пожелания редактора // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 2. – С. 61.

⁴⁷ А. М. Первая бомбардировка японцами г. Владивостока // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1904. – № 3. – С. 92–94; А. М. Пребывание иконы «Торжество Пресвятой Богородицы» в гор. Владивостоке и отправление ея в Порт-Артур // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1905. – № 2. – С. 31–36; № 3. – С. 64–67; № 4. – С. 88–92; № 5. – С. 112–114; В связи с падением Порт-Артура: Речь, произнесенная Преосвященнейшим Евсевием в Владивостокском соборе 16-го января 1905 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1905. – № 3. – С. 54–57.

⁴⁸ Телеграмма вр. и. д. благочинного IX округа, священника Алексия Троицкого на имя Его Преосвященства // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть официальная. – 1904. – № 18. – С. 391.

⁴⁹ Хроника епархиальной жизни // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1905. – № 14. – С. 317.

⁵⁰ Священник Алексей Кукольщиков. Из записей сахалинского священника за 1905 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1907. – № 9–10. – С. 206–214; № 11. – С. 231–239.

⁵¹ Свящ. Алексей Троицкий. Из воспоминаний о Русско-японской войне на Ю. Сахалине // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1908. – № 3. – С. 88–91; № 4. – С. 126–131; № 7. – С. 210–215; № 18. – С. 449–455; № 19. – С. 475–482; № 20. – С. 505–511.

епархиальных ведомостей» посвящен революционным событиям 1905–1907 гг. как на уровне региона, так и в виде размышлений о ситуации, сложившейся в России⁵².

Значительное количество статей представляют собой отклики и мнения представителей дальневосточного православного духовенства на новые проблемы в жизни дальневосточного сообщества, прежде всего в сфере духовно-нравственной, с особой остротой проявившейся в России в целом и на Дальнем Востоке, в

частности, в начале XX века. Одной из главных проблем было пьянство⁵³. На страницах епархиальной прессы обсуждались и острые вопросы жизни духовенства, которые позволяют восстановить картину повседневной жизни священников и миссионеров с ее проблемами, тяготами, успехами и неудачами⁵⁴. В определенной степени к источникам можно отнести и речи духовенства, приуроченные к значимым событиям церковной или общественной жизни, опубликованные в ведомостях⁵⁵.

⁵² А. М. 30-е и 31-е октября 1905 г. в г. Владивостоке // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1905. – № 24. – С. 565–573; Священник В. Давыдов. В трудную годину // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1906. – № 18–19. – С. 405–406; Можно ли христианину быть социалистом? // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1906. – № 18–19. – С. 406–414; Причины безверия русской интеллигенции и опасность грядущего атеизма // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1912. – № 10. – С. 318–321; Православный мирянин. К выборам в 4-ю Государственную Думу // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1912. – № 13–14. – С. 471–482; Священник В. Давыдов. Война и Церковь // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 17. – С. 229–232; Миссионер Адиминского стана, Священник И. Толмачёв. Свобода, Равенство и Братство (Отклики из Адиминского миссионерского стана) // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1917. – № 10. – С. 269–270; Священник Н. Дьяков. Достоинства и значение православной политики в свободной церкви свободного народа // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1917. – № 15–16. – С. 389–391; № 17–18. – С. 611–614.

⁵³ Дмитрий Введенский. Школа в борьбе за трезвость // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1905. – № 1. – С. 12–17; № 2. – С. 37–40; также о борьбе с пьянством: Ф. Побольше света // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1908. – № 6. – С. 172–174; Свящ. Н. Порнография и духовенство // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1908. – № 12–13. – С. 331–332; Фатуев, С. О введении всеобщего обучения в пределах Владивостокской епархии // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1910. – № 7. – С. 216–223; № 8–9. – С. 260–268; № 10. – С. 331–340; № 11. – С. 398–409; № 12. – С. 446–439; № 13–14. – С. 457–477; Псаломщик И. Алексеев. О пьянстве // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 19. – С. 628–630; Псаломщик И. Алексеев. Наши переселенцы (благие начинания) // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1912. – № 4. – С. 120–121; Священник Ф. Слепов. Великое зло нашего времени // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1913. – № 23–24. – С. 647–649; Поборник трезвости. Трезвенная заметка // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 13. – С. 102–104; Участник съезда. За трезвость // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 14. – С. 131–133; Павел, Епископ Никольск-Уссурийский. От Владивостокского Епархиального Комитета по борьбе с пьянством // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1904. – № 16. – С. 205.

⁵⁴ Свящ. К. В. Г. О предстоящих благочиннических съездах // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1907. – № 21–22. – С. 382–384 (эта статья посвящена вопросу отношения духовенства к вопросу о выборах в Государственную думу, о гражданских правах духовенства вообще); Речь, произнесенная председателем Владивостокского отдела Русского народного союза имени Михаила Архангела, священником Владимиром Давыдовым на торжестве открытия 1 мая 1909 года // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1909. – № 10. – С. 305–309; Свящ. Николай Балабан. К вопросу о возрождении прихода // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 21. – С. 721–725; Священник С. Данилов. Проект открытия женского училища для детей духовенства Владивостокской епархии // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1913. – № 1–12. – С. 304–311; Свящ. Гр. Ваулин. Самый насущный вопрос духовенства Владивостокской епархии // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1904. – № 18. – С. 402–404; Сельский иерей. Из приходской жизни // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1904. – № 19. – С. 419–421; Заметки о человодстве среди сельского духовенства // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1904. – № 19. – С. 426–428; Приходской священник. Голос из деревни. (К предстоящему епархиальному съезду) // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1905. – № 18. – С. 426–428; Ин. Б-в. Из дневника сельского учителя // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1905. – № 20. – С. 467–475; Из приходской жизни // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1906. – № 2. – С. 44–45; Давыдов В. Шкурный вопрос // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1907. – № 14–15. – С. 283–287; Священник Емельян Шиверский. Современное положение духовенства // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1908. – № 21. – С. 531–534; Свящ. Е. Шиверский. К вопросу о материальном положении духовенства // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1909. – № 5. – С. 134–137; № 6–7. – С. 192–196; Сельский иерей. Из дневника сельского священника (бытовая картина открытия церковно-приходской школы в одном из многолюдных сел местного края) // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1909. – № 23. – С. 655–657; Диаталович. Освящение церкви в селе Алексеевке // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1916. – № 19. – С. 642–645.

⁵⁵ Например, Протоиерей Николай Чистяков. Слово, сказанное перед молебном на открытии Народного Дома во Владивостоке 14-го сентября с. г. // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1907. – № 16. – С. 299–303.

С 1910 г. на страницах «Владивостокских епархиальных ведомостей» начинается систематическая публикация материалов «антисектантской» направленности. Это объясняется активизацией деятельности баптистских и евангельско-христианских проповедников после Указа о веротерпимости 1905 г. в различных губерниях России и в том числе в Приморье. Регистрация властями в соседней епархии, в Благовещенске, первой в регионе баптистской общины в 1908 г. стала прецедентом, предполагавшим и возможность дальнейшей легализации, и активизации деятельности конкурентов на поле, которое духовенство Владивостокской епархии, где до этого протестантское сектантство было развито слабо, считало исключительно своим. По поводу внутренней миссии В. Данилов писал в 1914 г.: «Недавно организовано в епархии и дело внутренней миссии, по борьбе с сектантством. Учреждена должность епархиального противосектантского миссионера, коим ведутся в разных пунктах епархии публичные беседы с сектантами... В минувшем году в епархии учрежден, для объединения дела внутрен-

ней миссии в епархии, особый Миссионерский Совет...»⁵⁶. Далее, говоря о необходимости объединения усилий в борьбе с сектантами, он призывал «...учиться у врагов Церкви и Государства тактическим приемам... Какой-либо Фетлер или Мазаев под видом евангельского христианского союза систематически подготавливает протестантскую церковь в России. А мы?...»⁵⁷.

Будучи идеологически ангажированными, «антисектантские» публикации епархиальной прессы, однако, являются и ценным источником сведений по истории протестантских христианских деноминаций, старорусского сектантства в регионе, взаимоотношений их представителей и руководителей с православной частью общества, представителями клира, по истории антисектантской работы дальневосточного православного духовенства, содержат уникальные статистические сведения⁵⁸. Гораздо реже встречаются материалы по старообрядчеству, которое, имея общие с официальным православием исторические корни, после провозглашения веротерпимости в 1905 г. и легализации деятельности старо-

⁵⁶ Редактор, священник В. Давыдов. *Новогодние думы и пожелания редактора* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 2. – С. 63–64.

⁵⁷ Там же. – С. 70.

⁵⁸ Свящ. Фёдор Круглов. *К вопросу о борьбе с сектантством в Уссурийском крае* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1910. – № 8–9. – С. 272–274; *Невероятный слух* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 4. – С. 148–149; Свящ. Ин. Быстров. *Свобода совести или насилие?* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 4. – С. 151–152; Священник В. Давыдов. *Маленький дневник* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 5. – С. 169–176; № 7–8. – С. 261–269; Священник Лука Шматов. *Насущный вопрос* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 6. – С. 195–198; Священник П. П. Прошу прочесть! // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 9. – С. 300–302; Псаломщик Иоанн Алексеев. *Неотложная нужда* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 9. – С. 302–304; Священник Леонтий Дулин. *О сектантах* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1911. – № 10. – С. 341–345; Священник Сергей Толпегин. *Беседа с баптистами* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1912. – № 7–8. – С. 249–262; Миссионер свящ. С. Толпегин. *Баптистский «пресвитер» в его переписке с православным миссионером* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1912. – № 10. – С. 328–332; № 11. – С. 379–384; Владивостокский противосектантский миссионер, священник Сергей Толпегин. *На сектантском собрании* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1912. – № 12. – С. 422–426; № 13. – С. 456–460; Священник Иннокентий Быстров. *Светлый день торжества православия в Лутковском приходе* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1912. – № 16. – С. 535–543; Владивостокский епархиальный миссионер, священник Сергей Толпегин. *Беседы с баптистами* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1912. – № 23. – С. 732–742; Ин. Быстров. *Председатель Совета баптистов в его переписке с православным священником* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1913. – № 14–15. – С. 380–384; Священник Ф. Жолткевич. *Беседы с баптистами в Св.-Серафимовском храме на ст. Маньчжурия* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 3. – С. 124–132; Филиппов, А. *На сектантском собрании* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 3. – С. 132–133; Священ. Ф. Жолткевич. *Беседа с баптистами о священстве в Маньчжурской Серафимовской церкви 22 декабря 1913 года* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 4. – С. 173–177; Священник Иоанн Креминский. *Неожиданное столкновение с сектантами* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 4. – С. 178–179; Владивостокский епархиальный миссионерский совет // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 5–6. – С. 205–206; Епархиальный миссионер, священник Сергей Толпегин. *Письмо о. епархиального миссионера г. Косолапову – руководителю баптистской общины во Владивостоке* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 7–8. – С. 269–273; Епархиальный миссионер, священник Сергей Толпегин. *О сущности сектантства* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 11. – С. 31–33; Протоиерей К. Серговский. *Сектантское движение в гор. Никольск-Уссурийске. (Из рапорта прот. К. Серговского на имя Преосвященнейшего епископа Павла)* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 11. – С. 34–35; Андрей Филиппов. *Прославление сектантом Божией Матери* // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 11. – С. 36; Миссионерские противосектантские курсы // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 13. – С. 94–95.

обрядческих общин уже не могло рассматриваться исключительно как враг, с которым необходимо бороться⁵⁹. Такой подход сохранялся только в отношении к протестантскому сектантству, имевшему «иностранный» происхождение, следовательно, была возможность выявить в его деятельности «подрывные» для отечественной цивилизации мотивы. В связи с тем, что на Сахалине протестантские деноминации, активность которых беспокоила РПЦ – баптизм и евангельское христианство в этот период еще не действовали, старорусских сектантов и старообрядцев было мало, и они были расплынены в массе православного населения, не составляя замкнутых общин⁶⁰, антисектантская работа на острове не велась, и, соответственно, информации об этом аспекте работы РПЦ на острове на страницах епархиальной прессы не было.

В самом начале Первой мировой войны, однако, острейшие вопросы церковной жизни, проблемы борьбы с пьянством и сектантами отходят на второй план и соответствующие материалы уже не публикуются во «Владивостокских епархиальных ведомостях». Они вытесняются материалами, имеющими отношение к войне: о помощи семьям призванных на войну, раненым, увечным, больным воинам и их семьям, устройстве лазаретов; публикуются ведомости о пожертвованиях в пользу воинов и жертв войны и т. п. Только с 1916 г. вновь начинают печататься материалы по актуальным

вопросам общественной жизни, не связанным с войной⁶¹.

Весьма важным представляется и то, что на страницах «Владивостокских епархиальных ведомостей», начиная с первого года их издания, публиковались сочинения исторического жанра. «Первая обитель на Дальнем Востоке» – сочинение священника Г. Ваулина о приамурском Свято-Троицком Николаевском мужском монастыре вышло в свет в виде приложения к № 12–18 ведомостей за 1903 г. (по 15–20 страниц к каждому номеру)⁶². В следующем году был опубликован «Краткий очерк развития миссионерского дела среди корейцев Южно-Уссурийского края»⁶³, автор которого пояснил, что его труд был составлен на основе изучения широкого круга источников и имеющихся к этому времени исследований⁶⁴. Перепечатывались и исторические работы, увидевшие свет в центральной прессе, например, «Краткий очерк деятельности православной духовной миссии в Пекине»⁶⁵. И, наконец, в 1905–1906 гг. было опубликовано уже упоминавшееся серьезное историческое исследование А. Разумовского, до нашего времени остающееся лучшей работой по истории Владивостокской епархии⁶⁶. Через несколько лет последовала попытка ее продолжения, впрочем, не дотянувшая до источникового и аналитического уровня, заданного А. Разумовским: краткий очерк «Десятилетие Владивостокской епархии» и труд секретаря консистории

⁵⁹ Епархиальный миссионер, свящ. Сергей Толпегин. Беседа со старообрядцами // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 12. – С. 63–66.

⁶⁰ Потапова, Н. В. Вероисповедная политика Российской империи и религиозная жизнь Дальнего Востока во второй половине XIX–начале XX века (на примере Сахалина) : монография / Н. В. Потапова. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2009. – С. 171–176.

⁶¹ Епархиальный миссионер, священник Сергей Толпегин. Беседа с паишковым М. К. Гончаренко о таинстве покаяния // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1916. – № 2. – С. 52–60; № 3. – С. 95–103; Священник Диаталович. Следствие закрытия продажи спиртных напитков // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1916. – № 2. – С. 60–62; В. К вопросу о приходской реформе // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1916. – № 18. – С. 612–613.

⁶² Ваулин, Г. Первая обитель на Дальнем Востоке / Г. Ваулин // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. Приложение. – 1903. – № 12. – С. 1–16; № 13. – С. 17–30; № 14. – С. 31–50; № 15. – С. 51–66; № 16. – С. 67–90; № 17. – С. 91–106; № 18. – С. 107–130.

⁶³ Иеромонах Павел. Краткий очерк развития миссионерского дела среди корейцев Южно-Уссурийского края // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1904. – № 7. – С. 140–148; № 8. – С. 174–181; № 9. – С. 194–199; № 10. – С. 220–224; № 11. – С. 241–247 (во всех номерах, кроме последнего указаны только инициалы автора. – И. П.).

⁶⁴ И. П. Краткий очерк развития миссионерского дела среди корейцев Южно-Уссурийского края // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1904. – № 7. – С. 140.

⁶⁵ Краткий очерк деятельности православной духовной миссии в Пекине // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1904. – № 19. – С. 415–418.

⁶⁶ Разумовский, А. Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899–1903 гг.) / А. Разумовский // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1905. – № 3. – С. 57–64; № 5. – С. 114–120; № 6. – С. 130–135; № 7. – С. 153–158; № 8. – С. 178–180; № 9. – С. 205–209; № 10. – С. 233–238; № 11. – С. 253–260; № 12–13. – С. 285–290; № 14. – С. 309–314; № 15. – С. 337–340; № 16. – С. 357–360; № 17. – С. 388–393; № 18. – С. 414–422; № 19. – С. 441–447; № 20. – С. 455–464; № 21. – С. 484–494; № 22. – С. 508–514; № 23. – С. 525–534; № 24. – С. 550–554; 1906. – № 1. – С. 8–16; № 2. – С. 31–39; № 4. – С. 80–89; № 5. – С. 101–106; № 7–8. – С. 156–161; № 9. – С. 179–184; № 10. – С. 205–207; № 11. – С. 233–236; № 12–13. – С. 266–279; № 16. – С. 363–368. – № 17. – С. 381–397; № 18–19. – С. 415–421.

Б. Поляновского «Первое десятилетие Владивостокской епархии (Историко-критический очерк)» были опубликованы в 1909 г. к юбилею епархии⁶⁷.

В статьях и заметках, посвященных конкретным событиям локальной церковной истории, также находилось место исторической информации. Например, в заметке об освящении храма в селе Осиновке описывается история Осиновского прихода и современное состояние села⁶⁸, таким же образом организован материал и в статьях «Ольгинский приход»⁶⁹, «Краткая историческая записка о построении 2-го приходского, во имя Покрова Божьей Матери, храма в г. Владивосток»⁷⁰, «Уссурийская Рождество-Богородицкая женская община»⁷¹. Историческая информация, а также весьма интересные сведения и характеристики из повседневной приходской жизни содержатся в дневниковых записях приходских священников⁷². Все эти публикации являются ценнейшими историческими источниками, позволяющими обратиться к микроистории, расширяющими возможности для полноценной, детальной реконструкции истории православия на Дальнем Востоке, повседневности приходского духовенства и крестьянской жизни Дальнего Востока в дореволюционный период.

Кроме того, публиковались на страницах «Владивостокских епархиальных ведомостей» и важные исторические документы делопроизводственного и нормативного характера, например, журналы Владивостокского епархиального училищного совета, журнальные определения Владивостокской духовной консистории, журналы съездов духовенства епархии, журналы комиссии образовательного фонда, постановления учительских съездов Владивостокской епархии (по поводу публикации постановлений первого такого съезда редактор замечал: «Постановления первого учительского съезда нашей епархии

интересны и в качестве литературного произведения, а тем более в качестве документа...»⁷³), журналы миссионерских съездов Владивостокской епархии, протоколы общих собраний членов Камчатского православного братства, его же ежегодные отчеты, летопись; протоколы заседаний Совета Уссурийского православного братства Пресвятой Богородицы; инструктивные материалы, например, епископская инструкция миссионерам Владивостокской корейской миссии, инструкция для заведующих крестным ходом и много другое.

В официальной части, кроме того, публиковались: информация о назначениях, перемещениях, утверждениях в должностях и увольнении, о пострижении в монашество, награждениях, архипастырских благословениях и благодарностях, назначении пенсий, построении и освящении храмов, рукоположениях, об умерших священниках, об утверждении в должностях церковных старост и председателей церковно-приходских попечительств, награждении священно- и церковнослужителей, исключении из списков духовенства епархии; ведомости кружечных и тарелочных сборов, благотворительных взносов, информация о пожертвованиях. Такие материалы включали и данные по Сахалину. Эти источники позволяют восстановить некоторые моменты биографии сахалинских священников, уточнить историю отдельных церквей и приходов на острове.

Из всего спектра материалов, публиковавшихся во «Владивостокских епархиальных ведомостях» и имеющих ценность как исторический источник, «сахалинская» информация занимает значительное место благодаря активной публицистической деятельности отдельных представителей духовенства Сахалина, а также епархиальных деятелей, посещавших остров. По объему материалов, представляю-

⁶⁷ Десятилетие Владивостокской епархии // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1909. – № 6–7. – С. 174–178; Поляновский, Б. Первое десятилетие Владивостокской епархии (Историко-критический очерк) // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1909. – № 8. – С. 243–254; № 9. – С. 273–284.

⁶⁸ Свящ. Гр. Ваулин. Освящение Осиновского храма // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1903. – № 18. – С. 409–415.

⁶⁹ А-ий. Ольгинский приход // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1906. – № 6. – С. 136–140; № 10. – С. 212; № 11. – С. 240–243; № 12–13. – С. 274–275; № 16. – С. 368–372.

⁷⁰ А. М. Краткая историческая записка о построении 2-го приходского, во имя Покрова Божьей Матери, храма в г. Владивосток // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1904. – № 12. – С. 259–268. – № 13. – С. 287–290; № 14. – С. 304–311; Протоиерей А. Муравьев. Краткая записка о первом храме во имя Успения Божьей Матери в г. Владивостоке // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1910. – № 20–21. – С. 711–717.

⁷¹ Свящ. В. Давыдов. Уссурийская Рождество-Богородицкая женская община // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1903. – № 22. – С. 503–508.

⁷² А-й. Из пастырского дневника // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1906. – № 21. – С. 463–465.

⁷³ Постановления первого учительского съезда Владивостокской епархии // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1907. – № 17–18. – С. 330.

ших во «Владивостокских епархиальных ведомостях» отдаленные районы епархии, пожалуй, только Камчатка может сравниться с Сахалином⁷⁴. Тематически в «сахалинских» работах нашли отражение все основные вопросы, волновавшие православных священников и прихожан острова в исследуемый период. Отсутствие интереса сахалинских авторов к некоторым проблемам епархиальной жизни, например, к «сектантскому» вопросу, демонстрирует специфику религиозной истории Сахалина, наглядно представляет аспекты, отличающие ее от общей епархиальной жизни.

Итак, как и первые дальневосточные профессиональные периодические издания – «Камчатские и Благовещенские епархиальные ведомости», «Владивостокские епархиальные ведомости» оказались важным явлением в обще-

ственной, культурной и духовной жизни епархии. Начало XX века поставило перед редакцией журнала важнейшие и весьма острые вопросы общественно-политической жизни, авторы публикаций и редакция в откликах на эти вызовы времени продемонстрировали сочетание демократизма и твердости веры, признания и понимания изменений быстро модернизирующегося общества и приверженности традициям, широту взглядов, гуманизм, патриотизм. Издание, несмотря на его религиозное содержание, несомненно, было актуальным и живым, интересным и злободневным. Наполнение же его краеведческой информацией сделало «Владивостокские епархиальные ведомости» одним из важнейших и интереснейших исторических источников по истории Дальнего Востока Российской империи начала XX века.

⁷⁴ Миссионер иеромонах Нестор. Из Камчатки // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1909. – № 5. – С. 150–153; № 6–7. – С. 196–200; № 9. – С. 311–318; № 11. – С. 351–356; № 12. – С. 362–373; Иеромонах Нестор. Из Камчатки // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1909. – № 23. – С. 642–650; № 24. – С. 676–684; 1910. – № 2. – С. 52–58; № 5. – С. 140–149; Священник Иннокентий Быстров. Как ездят священники по приходу в Камчатке // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1910. – № 1. – С. 19–25; 1910. – № 2. – С. 62–67; № 4. – С. 111–117; № 6. – С. 189–192; Протоиерей Д. Шерстенников. Памятники и надписи, как достопримечательности города Петропавловска, на Камчатке // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1913. – № 1. – С. 14–20; № 2. – С. 38–44; № 3. – С. 70–77; Церковная жизнь на Камчатке // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1913. – № 18. – С. 484–489; Благочинный Камчатских церквей, протоиерей Даниил Шерстенников. Путевые записки благочинного Камчатских церквей, протоиерея Д. Шерстенникова // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1913. – № 19. – С. 522–532; 1914. – № 1. – С. 28–38; № 4. – С. 167–173; № 5–6. – С. 235–239; Священ. П. Васильев. Из дневника камчатского священника // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1914. – № 24. – С. 438–442; Свящ. Фёдор Круглов. Болезни и медицинская помощь на Камчатке (краткий очерк) // Владивостокские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1916. – № 13–14. – С. 500–506.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГУБЕРНАТОРСТВА КАРАФУТО

В настоящее время в критериях признания нравственных ценностей над идеологическими появилась необходимость пересмотра множества вопросов истории. Приобщение поколений к культурным ценностям дает возможность обеспечить духовное единение людей во времени и пространстве и сформировать смысловые ориентиры потомкам.

Переломный период 1906–1917 гг. для истории региона, когда сам факт государственной принадлежности южной и северной частей Сахалина предопределял тип их цивилизационного, а значит, культурного развития, их влияния на ход социальной истории острова позволяет учесть этот опыт в целях гармоничного развития современной культурной среды Сахалина.

«Колониальная периферия» – понятие многомерное. Тут жизнь более функциональная, целенаправленная и на первый взгляд менее насыщенная интеллектуально. На примере губернаторства Карафуту в период с 1906–1917 гг. развитие и становление культурной жизни в отдалении от культуры Японии на протяжении небольшого отрезка времени позволяет установить исторические закономерности и обнаружить особенности становления моментов культурной жизни губернаторства в контексте меняющейся государственной политики.

После Русско-японской войны 1904–1905 гг. договором «По установлению государственной границы на Сахалине» до 50° с. ш. вместе с прилегающими островами (Монерон и Тюлений), подписанным 6 августа 1908 г. в соответствии с Портсмутским мирным договором, заключенным между Россией и Японией 25 августа (5 сентября) 1905 г., разделили остров между двумя империями, осуществлявшими его вольную колонизацию.

Рескриптом № 33 от 14 марта 1907 г. императором Японии создается губернаторство Карафуту с административным центром в Корсаковском посту, а с октября 1908 г. в российском селении Владимировка, переименованном в

г. Тохара в августе 1915 г. (ныне – город Южно-Сахалинск)¹.

Одной из задач японских властей стала активная депортация российских подданных из южной части острова с предоставлением права выехать в Российскую империю или остаться на острове, приняв японское гражданство. «Мы защищаем невраждебных жителей и их состояние. Жители имеют свободу на веру. Но даже малейшие действия, невыгодные нашей армии, будут считаться отказом самого жителя от права быть защищенным, будет строго наказан. Я предостерегаю жителей, чтобы не попали в несчастное положение»² – так заканчивалась речь генерал-лейтенанта Харагута Канэтада, командира 13-й дивизии, от имени командующего армией Сахалина после высадки в Одомари 8 июля 1905 г. Еще одной из основных задач стало привлечение японского населения для освоения южной части острова. Уже в начале 1906 г. на Южном Сахалине проживало японских подданных 1 633 мужчины и 356 женщин, к концу 1907 г. постоянное население Карафуту составило уже 20 469 человек – 12 458 мужчин и 8 011 женщин, в 1912 г. – 42 138 (23 903 мужчины и 18 235 женщин). В 1920 г., по данным первой японской всеобщей переписи населения, на территории губернаторства проживало около 105 899 человек³.

Японское правительство приступило к интенсивному заселению захваченных земель переселенцами из Страны восходящего солнца. С самого начала колонизации в губернаторстве Карафуту этот процесс опирался на мощную поддержку японского государства. Организационная сторона решения этой трудной задачи была быстро проработана. «... Скорее заселить, скорее утвердить, удивим мир “культурой” на бывшей пустыни... И размахнулась широко страна, кинула туда большую волну предпринимателей... Понастроили они города... Вот вырос из земли Одомари...» – оценка происходящего на юге Сахалина Епископом Сергием⁴.

¹ ГИА СО. – Ф. 1170. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 69.

² НА СОКМ. – Оп. 3. – Д. 234. – Л. 24.

³ История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия : учеб. пособие для студ. высш. уч. заведений региона по спец. «история» / М. С. Высоков, А. А. Василевский, А. И. Костанов, М. И. Иценко ; отв. ред. М. С. Высоков. – Южно-Сахалинск, 2008. – С. 29.

⁴ Епископ Сергий. На Южном Сахалине (из путевых заметок) // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1991. – № 1. – С. 72.

Военный губернатор Северного Сахалина А. М. Валуев в отчете за 1908 г. так описывал отношение японского правительства к освоению и развитию южной части острова: «...Японское правительство усиленно устраивает Южный Сахалин, не жалея средств. Поселило около 20 000 переселенцев, снабдило их племенным скотом, развивает сельское хозяйство, выдает субсидии на устройство фабрик, заводов, рыболовных участков, строит дороги, открыло 1-го апреля коммерческий порт Отомари, устраивает школы, снарядило много научных экспедиций, открыло нефть, для скорейшей добычи которой не стесняется привлечением иностранных капиталистов, надеясь оборудовать источники к августу этого года»⁵.

Побывав в Тохаре в мае 1910 г., Епископ Сергей так описал увиденное: «И главное управление островом, и дом губернатора, и дом начальника гарнизона – деревянные, хорошие здания; красивое серое здание почты. И вообще в городе много домов “европейской” постройки, с окнами, с трубами печей. Город распланирован красиво, улицы вытянуты прямо, улицы широкие. Для выдержания плана не останавливались ни перед чем!»⁶. Строительство главного города Южного Сахалина началось в мае 1907 г., а в сентябре 1907 г. закончилось планирование улиц по типу Чикаго⁷.

Ученый-этнограф В. Н. Васильев, откомандированный в Японию летом 1912 г. Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III, свидетельствовал, что Тохара в 1912 г. представлял собой большой город, где «располагаются резиденция губернатора, различные областные учреждения, банк, почтамт, лесопильные заводы, гарнизон войска, выходят две ежедневные газеты...», «...заканчивалась постройка деревянного театра, и в ближайшем будущем предполагают приступить к устройству водопровода»⁸. Из архивных источников известно, что еще в 1907 г. в Тоёхаре был проведен водопровод из деревянных коробов и труб, были

проведены водопроводы в 1909 г. в Маоке и в 1910 г. в деревне Наёси и в других местах⁹.

Дополнял архитектуру губернаторства основанный в августе 1911 г. в Тохаре символ – Карафуто-Дзиндзя, главный синтоистский храм Карафуто, который считался покровителем «крайнего севера великой японской империи»¹⁰. «Вот буддийская кумирня (тера)... Это “Хигаси-Хонгандзи” восточный Хонгандзи... Довольно скромное помещение... “Амида” рисованный: здесь статуи не признают. А вот довольно изящное здание буддийской кумирни, с тремя башенками: это “Ниси-Хонгандзи”, западный Хонгандзи... Место для богомольцев в 72 татами (36 кв. саж.), золотом горящий “буцудань” (нечто вроде “божница”, со статуей “буцу”, т. е. будды...). Кроме главного, еще два боковых, т. ск. “придельных” “буцудана”... Впрочем, богатство секты “Монтосю” (или Хонгандзи), особенно его западной (Ниси) ветви – общеизвестны...»¹¹ – так описывал Епископ Сергей свои наблюдения в Тохаре в 1910 г. Уже к 1927 г. только в Одомари существовало четыре синтоистских храма (Хонте Нисинидзе, Фунами Накадори, Хонте Нисидзе, Ямаситате) и восемь буддийских (секта Нитирен: храм Хоккэ, храм Ниссю; секта Сингон: храм Сингон; секта Содо: храм Нанкэи; секта Дзедо: храм Месе, храм Кое; секта Дзедосин: храм Канраи, храм Косю)¹². Что до христианской церкви в Тохаре, то «подхожу к бывшей церкви, из нее женщина-японка выносит ушат с помоями... Больно-больно сжалось русское сердце... Но... наверху бывшей церкви и доселе еще стоит крест...»¹³ (Епископ Сергей).

8 января 1908 г. на центральной высоте Одомари состоялось открытие Памятника павшим воинам. Эпитафию к памятнику написал начальник гарнизона Карафуто генерал-лейтенант Сатихико Кусусэ: «В войне 1904–1905 гг. погибли и жители Карафуто, и наши воины более 50 человек. Мы, глубоко тронутые их преданностью, воздвигнули памятник». Верхняя часть пушки из русского крейсера «Новик», потопленного япон-

⁵ ГИАСО. – Ф. 20-и. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 17.

⁶ Епископ Сергей. На Южном Сахалине (из путевых заметок) // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1991. – № 1. – С. 77.

⁷ НА СОКМ. – Оп. 3. – Д. 110. – Л. 9.

⁸ Федорчук, С. П. Тохара глазами россиянина. Из истории Южно-Сахалинска / С. П. Федорчук. – Южно-Сахалинск : Архивный отд. администрации Сахалинской обл. : Сахалинский центр документации новейшей истории, 1992. – С. 20–22.

⁹ НА СОКМ. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 2.

¹⁰ НА СОКМ. – Оп. 3. – Д. 110. – Л. 9. ; Светлов, Г. Е. Путь богов (синто в истории Японии) / Г. Е. Светлов. – М. : Мысль, 1985. – С. 160 ; Итани, Х. Тохара как японский приамурский город. Была ли Тохара настоящим «маленьким Саппоро»? / Х. Итани // Россия и островной мир Тихого океана. – Вып. 1. – Южно-Сахалинск : Сах. кн. изд-во, 2009. – С. 237.

¹¹ Епископ Сергей. На Южном Сахалине (из путевых заметок) // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1991. – № 1. – С. 72.

¹² НА СОКМ. – Оп. 3. – Д. 235. – Л. 13.

¹³ Епископ Сергей. На Южном Сахалине (из путевых заметок) // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1991. – № 1. – С. 42.

цами в морском бою 20 августа 1905 г., была перенесена к этому памятнику. В 1913 г. памятник был передан губернаторству Карафуто¹⁴.

После обустройства японских переселенцев почти сразу возник вопрос об открытии школ на Карафуто. Введение обязательного начального образования способствовало росту числа образованной и воспитанной молодежи, значит, своих собственных кадров для колонизации острова, одновременно формируя культурную среду губернаторства.

«... Без школы японское население немислимо. Тем более – город, имеющий все же тысячи жителей!»¹⁵ – писал Епископ Сергей. Первая школа для 20 учеников была организована Гражданским управлением Карафуто в августе 1906 г. в здании бывшей русской церкви. С 1907 г. на юге острова открылись частные школы. В 1908 г. издается императорский указ № 45 «О школах на о. Карафуто»¹⁶, что сразу дало возможность увеличить качество надзора и контроля за образовательными учреждениями. Довольно скоро в организациях образования обратили внимание на качество и выбор образования. В 1912 г. в губернаторстве Карафуто в Одомари (г. Корсаков) открылась первая гимназия, в октябре 1915 г. – частная женская гимназия, а в 1916 г. – государственная женская гимназия в Тоёхара (г. Южно-Сахалинск)¹⁷. Задачей женских гимназий было воспитать в девушках кротость, почтительность, скромность. Большое внимание уделялось физическому развитию гимназистов. Согласно статье «История развития бейсбола на Карафуто», напечатанной в альманахе Карафуто за 1931 г., бейсбол на Карафуто начал свое развитие и распространение с городов Отомари и Тоёхара с 1912 г.¹⁸ В октябре 1915 г. правительство губернаторства принимает решение о создании и развитии молодежных организаций. Заинтересованность в их создании была велика, правительству было выгодно воспитывать физически и морально сильное поколение, трудолюбивое, способное нести ответственность за прогресс развития страны. Колонизаторские амбиции Японии отразились и в программе молодежных

организаций с прописанными нормами, вышедшей 4 декабря 1915 г.¹⁹.

Развитие газетных изданий на юге Сахалина демонстрирует интерес населения к печатной продукции и может свидетельствовать о грамотности населения и заинтересованности в участии в общественной жизни – это подтверждают и слова Епископа Сергея: «Японцы, сами почти все без исключения грамотные и хорошо грамотные, с удовольствием видят неграмотность русских...»²⁰. С января 1906 г. на юге Сахалина начинают издаваться три основные еженедельные и развлекательные газеты, а с 1912 г. уже и журналы²¹, создавая конкурентную борьбу с коллегами других издательств и тем самым способствуя развитию газетной печати в губернаторстве. Еще один вид печатной продукции, пользовавшийся спросом в губернаторстве, – это издания: «Ежемесячник метеорологических данных Карафуто», «Ежегодник метеообзора», «Метеорологический справочник», «Отчет о воздушных потоках верхних слоев атмосферы», «Отчет о сейсмонаблюдениях» (на англ. яз.). Научные исследования японскими учеными южной части острова сосредоточились на изучении особенностей климата, рельефа, природных богатств края. Одним из направлений научной деятельности стала метеорологическая служба, с августа 1907 г. в губернаторстве установилась система синоптики и сигнальная система. С 1909 г. при Центральной метеорологической станции была открыта и первая сейсмостанция в городе Отомари²².

Пристальное внимание уделяли японские исследователи изучению территорий для заселения колоний. Одновременно с этим учитывались с экономической точки зрения природные условия местности, топография, климат, растительность²³. По итогам исследования ботаника Сугавара Сигэцзю среди дикорастущих растений юга Сахалина было выявлено 95 видов и 29 семейств редких видов растений, которые не были найдены ни в одной геоботанической системе земного шара²⁴. В 1908 г. были собраны образцы полезных ископаемых, сельскохозяйственных и морских продуктов. Были собраны коллекции утвари, рыболовных и

¹⁴ НА СОКМ. – Оп. 3. – Д. 111. – Л. 15; НА СОКМ. – Оп. 3. – Д. 235. – Л. 16; НА СОКМ. – Оп. 3. – Д. 234. – Л. 9.

¹⁵ Епископ Сергей. На Южном Сахалине (из путевых заметок) // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1991. – № 1. – С. 72.

¹⁶ ГИА СО. – Ф. 1170. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 80.

¹⁷ ГИА СО. – Ф. 1170. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 105.

¹⁸ НА СОКМ. – Оп. 3. – Д. 805. – Л. 41–42.

¹⁹ ГИА СО. – Ф. 1170. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 122.

²⁰ Епископ Сергей. На Южном Сахалине (из путевых заметок) // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1991. – № 1. – С. 51.

²¹ НА СОКМ. – Оп. 3. – Д. 4а. – Л. 27–28, 34.

²² Ерлыков, А. В. Из истории метеорологической службы на Сахалине / А. В. Ерлыков // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 2002. – № 3. – С. 89; ГИА СО. – Ф. 1170. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 238.

²³ НА СОКМ. – Оп. 3. – Д. 4а. – Л. 117.

²⁴ НА СОКМ. – Оп. 3. – Д. 773-1. – Л. 26.

охотничьих принадлежностей туземцев Южного Сахалина (айнов, ороченгов, гиляков)²⁵. После этого продолжались сборы материалов, касающихся природных и водных ресурсов Южного Сахалина. В 1917 г. все материалы были перевезены в здание, где помещается жандармское управление, и были открыты для всеобщего обозрения²⁶.

Губернаторство Карафуто пребывало еще в стадии освоения территории, культурные учреждения лишь только начинали свое зарождение. От обеспеченности населения чайные и рестораны возымели широкое распространение во всех районах губернаторства. Большое количество гейш и официанток привело к тому, что были открыты в специальных местах публичные дома в Тохаре и Маока, но были установлены и критерии контроля за ними, правила строгого контроля за нравами, гигиеной и санитарией²⁷.

Таким образом, становление и развитие культуры губернаторства Карафуто напрямую зависело от степени заинтересованности Японской империи в удержании юга Сахалина под своим контролем, в своих территориальных границах, с целью его последующего заселения и освоения его природных богатств. Несомненно, со стороны Японского государства предпринимались большие усилия в данном направлении, условием и следствием чего и был высокий уровень культурного развития Курафуто.

Неопубликованные источники

Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО)

1. Ф. 1170. Коллекция редких печатных изданий. Оп. 1. Д. 40, 41.

2. Ф. 20-и. Канцелярия военного губернатора о. Сахалин. Оп. 1. Д. 29.

Научный архив Сахалинского областного краеведческого музея (НА СОКМ)

1. Исторические места и естественные памятники (История Сахалина). Одомари (Корсаков). Очерки // НА СОКМ. Оп. 3. Д. 773-1.

2. Материалы из книги «История 30-летнего правления губернаторства южного Сахалина» (освещены вопросы: водопровод, приспособленный к зимним условиям. Музеи и библиотеки. Тресковый промысел, звероводство, добыча угля и нефти) // НА СОКМ. Оп. 1. Д. 83.

3. Научный бюллетень музея освоения Хоккайдо 2012 г. № 40. // НА СОКМ. Оп. 3. Д. 805.

4. Общий план г. Одомари (перевод) // НА СОКМ. Оп. 3. Д. 235.

5. Переводы из книги «30 лет Карафуто» // НА СОКМ. Оп. 3. Д. 4.

6. Переводы из книги «30 лет Карафуто» // НА СОКМ. Оп. 3. Д. 4а.

7. Перевод из книги Карафуто, гл. IV «Исторические места и естественные памятники» // НА СОКМ. Оп. 3. Д. 110.

8. Перевод из книги «Карафуто г. Корсаков» // НА СОКМ. Оп. 3. Д. 111.

9. Перевод книги «История Одомари» Нисидзуру // НА СОКМ. Оп. 3. Д. 234.

Литература

1. Булавинцева, М. Г. Сахалин – Карафуто: история границы сквозь ценность образования. Япония наших дней / М. Г. Булавинцева. – М. : ИДВ РАН, 2010. – № 3(5). – С. 89–98.

2. Епископ Сергей. На Южном Сахалине (из путевых заметок) // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1991. – № 1. – С. 40–41.

3. Ерлыков, А. В. Из истории метеорологической службы на Сахалине / А. В. Ерлыков // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 2002. – № 3. – С. 84–97.

4. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия : уч. пособие для студ. высш. уч. заведений региона по спец. «история» / М. С. Высоков, А. А. Василевский, А. И. Костанов, М. И. Ищенко ; отв. ред. М. С. Высоков. – Южно-Сахалинск, 2008. – 712 с.

5. Итани, Х. Тохара как японский приамурский город. Была ли Тохара настоящим «маленьким Саппоро»? / Х. Итани // Россия и островной мир Тихого океана. – Вып. 1. – Южно-Сахалинск : Сах. кн. изд-во, 2009. – С. 228–245.

6. Прокофьев, М. М. Музей губернаторства Карафуто в филокартике (из частной коллекции Сугимура Такао) / М. М. Прокофьев // Вестник Сахалинского музея. – № 6. – Южно-Сахалинск : Сахалинский краеведческий музей. – 1999. – С. 81–85.

7. Самарин, И. А. Жилые дома на Южном Сахалине периода Карафуто (1905–1945 годы) / И. А. Самарин // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 2003. – № 1. – С. 50–88.

8. Светлов, Г. Е. Путь богов (синто в истории Японии) / Г. Е. Светлов. – М. : Мысль, 1985. – 240 с.

9. Федорчук, С. П. Тохара глазами россиян : из истории Южно-Сахалинска / С. П. Федорчук. – Южно-Сахалинск : Архивный отд. администрации Сахалинской обл. : Сахалинский центр документации новейшей истории, 1992. – 38, [1] с., [4] л. ил. ; 20 см.

²⁵ НА СОКМ. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 25.

²⁶ НА СОКМ. – Оп. 3. – Д. 4. – Л. 3.

²⁷ НА СОКМ. – Оп. 3. – Д. 4. – Л. 12.

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА И. В. СТАЛИНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В 1922 г. по решению XI съезда РКП(б) И. В. Сталин был избран Генеральным секретарем партии, с этого момента начинается его путь к власти. Встав во главе страны, он взял курс на форсированную индустриализацию и сплошную коллективизацию сельского хозяйства для осуществления перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному и формирования в СССР административно-командной системы. С началом реформ в промышленности и сельском хозяйстве, а также укреплением личной власти Сталина репрессии приобретают массовый характер.

Исторические работы 1930-х–середины 1950-х годов, в которых звучала тема репрессий, носили ограниченный характер по причине жесткой политической цензуры. Этот период можно охарактеризовать как раскрытие «теорий заговоров» карательными органами советского государства. Тому пример «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». XII глава повествует нам о ликвидации остатков бухаринско-троцкистских шпионов, вредителей, изменников родины: «Судебные процессы выяснили, что троцкистско-бухаринские изверги, выполняя волю своих хозяев – иностранных буржуазных разведок, ставили своей целью разрушение партии и советского государства, подрыв обороны страны, облегчение иностранной военной интервенции, подготовку поражения Красной армии, расчленение СССР, отдачу японцам советского Приморья, отдачу полякам советской Белоруссии, отдачу немцам советской Украины, уничтожение завоеваний рабочих и колхозников, восстановление капиталистического рабства в СССР. Эти белогвардейские козьявки забыли, что хозяином Советской страны является Советский народ, а господа рыковы, бухарины, Зиновьевы, Каменевы являются всего лишь – временно состоящими на службе у государства, которое в любую минуту может выкинуть их из своих канцелярий, как ненужный хлам»¹.

Опираясь на идеологическое положение о классовой борьбе, сопротивлении свергнутых сил и необходимости их подавления, в работе «Очистить ряды ленинского комсомола от предателей» давалось полное оправдание карательным действиям правящего режима: «В настоящее время развернута чистка рядов комсомола в Тимашевском, Тихорецком, Курганенском, Павловском, Славянском, Краснодарском, Кропоткинском, Армавирском и Кореновском районах края, куда командировано из комсомольского актива г. Ростова и Таганрога 18 проверочных троек. Проводимая чистка деревенской части Северокавказской краевой организации ВЛКСМ имеет крупнейшее политическое значение. Чистка проходит в обстановке обостренной классовой борьбы в деревне в то время, когда остатки кулачества, белогвардейщина и др. контрреволюционные элементы сделали попытку дать рванш советской власти, – организовав саботаж хлебозаготовок и сева на Кубани»².

После ухода из жизни И. В. Сталина в 1953 году в стране начался процесс преобразования государства. Властью были сделаны шаги в ликвидации последствий репрессивного террора, в частичном восстановлении законности и правопорядка: Постановление Президиума ЦК КПСС «О посмертной реабилитации незаконно осужденных членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии», Постановление Президиума ЦК КПСС «О снятии ограничений по спецпоселению с калмыков и членов их семей», Постановление Президиума ЦК КПСС «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления» и другие³.

В начале 1960-х гг. доктор исторических наук, профессор Ю. С. Борисов, делая обзор состояния и некоторых задач изучения истории социалистического и коммунистического строительства, отмечал, что комплексное исследование истории советского общества еще не развернуто:

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М. : ОГИЗ, 1946. – С. 332.

² Татарников, А. Очистить ряды ленинского комсомола от предателей и изменников / А. Татарников. – Ростов н/Д. : Партиздат, 1932. – С. 1–2.

³ Аймермахер, К. Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы / К. Аймермахер. – М. : РОССПЭН, 2002. – Режим доступа : <http://www.coldwar.ru/hrushev/doklad-hrusheva-dokumenty.php.html>

«На сессии отмечалось, что в изучении истории советского общества достигнуты большие успехи, исследователями подготовлено много книг и статей. Однако уже самый беглый анализ книг и статей по истории советского общества приводит к выводу о том, что степень изученности отдельных проблем, территориальных комплексов и периодов весьма неравномерна»⁴. Следовательно, из этого можно сделать вывод о том, что на тот момент еще могла быть не поставлена проблема изучения сталинских репрессий.

Также можно предположить, что репрессивная политика не стала самостоятельным объектом изучения в данный период в виду того, что Н. С. Хрущев сам причастен к репрессиям: «Н. С. Хрущев, работая в 1936–1937 годах первым секретарем МК и МГК ВКП(б), а с 1938 года – первым секретарем ЦК КП(б)У, лично давал согласие на аресты значительного числа партийных и советских работников. В архиве КГБ хранятся документальные материалы, свидетельствующие о причастности Хрущева к проведению массовых репрессий в Москве, Московской области и на Украине в предвоенные годы. Он, в частности, сам направлял документы с предложениями об арестах руководящих работников Моссовета, Московского обкома партии. Всего за 1936–1937 годы органами НКВД Москвы и Московской области было репрессировано 55 тысяч 741 человек»⁵.

В основном самостоятельные исследования на эту тему выходят за границу под авторством советских эмигрантов – Н. Н. Рутыч «КПСС у власти. Очерки по истории коммунистической партии», А. М. Некрич «Наказанные народы» и др.

В эпоху застоя советская историческая наука по-прежнему открыто и полно проблему сталинских политических репрессий не освещала. Данное обстоятельство объясняется особенностью государственной политики Л. И. Брежнева. Касаясь вопроса политических репрессий 1928–1953 гг., «История КПСС», изданная в 1970 г., обращала внимание общественности на то, что массовые чистки в стране были обусловлены исторической необходимостью. Их главной целью было: «...оградить партию большевиков от проникновения в ее ряды людей, недостойных высокого звания коммуниста»⁶.

Четвертый период советской историографии связан с политическими преобразованиями по-

следнего Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и имел место вплоть до событий августа 1991 г. и распада СССР. В «перестроечной» историографии сталинские политические репрессии становятся самостоятельным объектом изучения.

Доктора исторических наук Леонид Гордон и Эдуард Клопов в своем исследовании «Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы» высказывают мнение, что репрессии были порождены самим политическим режимом: «Репрессии всегда имеют целью смерть или лишение свободы множества людей. Их существенное расширение в 1930–40-е годы вытекало из тиранической природы сталинского режима прямо и непосредственно. Без массовых репрессий режим такого типа просто не мог существовать сколь-нибудь длительное время»⁷.

В 1989 году в свет выходит журнал «Известия ЦК КПСС», в котором публикуются материалы о работе ЦК КПСС и других органов КПСС, документы из партийных архивов. Периодика показывает работу по реабилитации лиц, необоснованно осужденных в период сталинизма, Комиссией Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–40-х и начале 1950-х годов.

В четвертом номере журнала освещается дело об «Антисоветской троцкистской военной организации». Авторитет и популярность военачальников авторы называют основными причинами репрессий. Из-за этого у И. В. Сталина возникали опасения, что армия в случае открытого конфликта с М. Н. Тухачевским, И. Э. Якиром и другими встанет на их сторону: «Внутриполитическая обстановка в стране во второй половине 30-х гг., обострение и расширение репрессий вызвали у И. В. Сталина определенные опасения в отношении позиции крупных военачальников, авторитет которых в народе и армии был очень высоким еще со времен гражданской войны. Их глубокий профессионализм, независимость в суждениях, открытая критика выдвиженцев И. В. Сталина – К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, Г. И. Кулика, Е. А. Щаденко и других, не понимавших необходимости создания современной армии, – вызывали раздражение, подозрительность и определенные опасения, что армия

⁴ Борисов, Б. С. Научная сессия по историографии социалистического и коммунистического строительства / Б. С. Борисов // Вопросы истории. – М. : ПРАВДА, 1960. – С. 126.

⁵ Записка А. Н. Яковлева, В. А. Медведева, В. М. Чебрикова, А. И. Лукьянова, Г. П. Разумовского, Б. К. Пуго, В. А. Крючкова, В. И. Болдина, Г. Л. Смирнова в ЦК КПСС «Об антиконституционной практике 30–40-х и начала 50-х годов». – Режим доступа : <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/66195.html>

⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. – Т. 5. – Кн. 1. – М., 1970. – С. 15.

⁷ Гордон, Л. А. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. – М. : Политиздат, 1989. – С. 169.

может проявить колебания в поддержке проводимого им курса. Отсюда стремление убрать из армии всех колеблющихся, всех, кто вызывал у И. В. Сталина и его ближайшего окружения хоть малейшие сомнения»⁸.

В статье отмечается, что при аресте фигурантов по делу «Антисоветской троцкистской военной организации» были нарушены их конституционные права. Фиксируется отсутствие должных доказательств в делах того периода, единственными аргументами являются показания самих обвиняемых. Таким образом, дело является сфабрикованным: «Никаких законных оснований к аресту М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича и других военных деятелей не было. Органы НКВД арестовали их в нарушение Конституции СССР, вопреки требованиям уголовных и уголовно-процессуальных законов, без санкции прокурора или постановления суда, по прямому указанию И. В. Сталина и Н. И. Ежова. В деле нет объективных доказательств, подтверждающих совершение кем-либо из обвиняемых государственных преступлений. Обвинения в преступлениях являются ложными и базируются лишь на противоречивых “признавательных” показаниях арестованных, навязанных им работниками НКВД преступными методами проведения следствия по делу»⁹.

В третьем номере «Военно-исторического журнала» 1989 года опубликована статья военного историка, доктора исторических наук Олега Федотовича Сувенирова «Всеармейская трагедия». Он считает, что репрессии в Красной армии, незадолго до Великой Отечественной войны, крайне негативно сказались на дисциплине и, как следствие, на оборонительных возможностях СССР: «И все-таки предвижу, что некоторые читатели могут сказать: “Мы – за правдивое освещение истории, но какое отношение незаконные репрессии имели к воинской дисциплине? Не отклоняется ли автор от основной темы?” Нет, не отклоняется, ибо эти события непосредственно оказывали губительное воздействие на состояние воинской дисциплины и РККА. Ведь речь шла о судьбе и жизни героев Октябрьской революции и гражданской войны, ставших высшими командирами и политработниками Красной Армии и Флота, являвшихся первостроителями новой, социалистической воинской дисциплины. В результате преднамеренной фальсификации этих людей объявили шпионами, врагами народа и уничтожили. А как мог

бороться за высокую дисциплину и кому должен был верить, чьи приказы исполнять рядовой военный летчик, если на протяжении трех-четырёх лет несколько раз сменялся высший в авиации командир – начальник ВВС РККА, причем мотив смещения с этого поста всегда был чудовищным и настораживающим – объявлялось, что найден еще один враг народа»¹⁰.

В 1990-х годах в отечественной исторической науке происходят серьезные перемены в связи с распадом СССР, изменением идеологической атмосферы в обществе, начинает ослабевать влияние государства на историческую науку.

В своем исследовании «1937 год» Вадим Роговин называет причины репрессий в Красной армии: «Во-первых, Красная Армия была могучей материальной силой, а ее командиры чувствовали себя самостоятельными и независимыми от сталинского диктата, чем работники гражданских отраслей... Во-вторых, в командном составе армии насчитывались тысячи людей, служивших в 1918–1924 годах под руководством Троцкого. Среди армейских коммунистов была велика доля лиц, выступавших в 1923–1927 годах на стороне левой оппозиции... В-третьих, командиры и политработники в известной степени отражали недовольство крестьян, из которых в основном рекрутировался рядовой состав армии... В-четвертых, в начале 30-х годов возникли и с годами усугублялись разногласия между Сталиным и группировавшимися вокруг Тухачевского генералами по поводу советской военной доктрины... В-пятых, Тухачевский и близкие к нему генералы наиболее полно выражали недовольство советского генералитета ограниченностью и некомпетентностью Ворошилова и приближенных к нему лиц – в основном деятелей бывшей Первой Конной армии, их групповщиной и самоуправством, разрушительно влиявшими на качество советских вооруженных сил... В-шестых, Сталин не мог не испытывать тревоги по поводу того неподдельного престижа и уважения, которые завоевали в народе выдающиеся полководцы... В-седьмых, полководцы Красной Армии лучше, чем кто либо иной, знали истинную цену “подвигов” Сталина в гражданской войне, о которых все громче говорилось в официальной печати»¹¹.

Современная историография по истории сталинских политических репрессий представлена исследованиями, основанными на рассекреченных документах, и в ней присут-

⁸ Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 4. – С. 42–43.

⁹ Там же. – С. 60–61.

¹⁰ Сувениров, О. Ф. Всеармейская трагедия / О. Ф. Сувениров // Военно-исторический журнал. – М. : Красная звезда, 1989. – С. 42.

¹¹ Роговин, В. З. 1937 / В. З. Роговин. – М., 1996. – Т. 4. – С. 659–669.

ствуют разнообразные точки зрения – осуждающие и оправдывающие деятельность вождя.

В 2010 году прошла VI Международная научная конференция «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР». Материалы посвящены различным аспектам истории массовых политических репрессий и приурочены к 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года.

В статье «“Большой террор” 1937–1938 гг.: проблемы изучения» А. Ф. Степанов приводит примеры, что разные исследователи видят под контекстом террора: «Наиболее последовательным и ярким сторонником “тоталитарной” школы среди российских исследователей эпохи сталинизма является бывший ведущий научный сотрудник СО РАН д. и. н. Павлова И. В... Для сталинщины понятия “строительство социализма” и “репрессии” оказывались органически связанными. Действие посредством репрессий было наиболее быстрым, дешевым и эффективным для такого типа власти, как сталинизм, средством преобразования экономики и общества. Репрессии служили и основным способом мобилизации общества, его дисциплинирования, и основным стимулом к труду для подавляющей части населения. Используя в полной мере такой рычаг давления на общество, как репрессии, власть всякий раз, говоря словами Сталина, “подхлестывала страну”. Логическим завершением операции по построению социализма в СССР стал “Большой террор”, или так называемая “Великая чистка” партии, армии, интеллигенции и народа. В этой операции репрессии стали не способом действия власти, а сутью всего мероприятия... “Зачистка” населения страны от всех сколько-нибудь потенциально активных и мыслящих людей, которые могли бы представлять опасность для правящего режима, была не импровизацией, а спланированной акцией»¹².

В своем исследовании «Политический террор 1937–1938 гг.», изданном к 75-летию сталинских репрессий, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН Леонид Леонидович Рыбаковский называет причины сталинской репрессивной политики и считает, что она была направлена на защиту государственного строя и от внешнего враждебного капиталистического мира: «Чтобы обезопасить страну от надвигающихся угроз, еще в мае 1935 г. создается Оборонная комиссия Политбюро для руководства подготовкой страны к возмож-

ной войне с враждебными СССР державами. В последующие годы происходит перевооружение армии, пополнение военно-морского флота, укрепление границ и т. д. Вместе с тем, руководство страны, в первую очередь Сталин, судя по выше приведенному высказыванию Молотова, были убеждены, что помимо создания оборонного потенциала, необходимо также уничтожить или, хотя бы обезвредить, шпионов, диверсантов и прочие враждебные элементы... Другая причина политических репрессий, не менее важная, чем обезопасить страну от проникновения шпионов, диверсантов и террористов, состояла в необходимости уничтожения “пятой колонны”, внутреннего врага, представители которого, по мнению Сталина и его клики, проникнув во все сферы жизни советского общества, создав контрреволюционные организации и осуществляя вредительскую деятельность в различных отраслях хозяйства, представляли “социально опасный элемент”... Третья причина достаточно тесно переплетается с предыдущей, в частности с репрессиями по отношению к бывшей партийной, советской и хозяйственной номенклатуре. Ряд историков, как отмечает О. В. Хлевнюк, считают, что основной целью репрессий была кадровая замена – уничтожение старых функционеров и замена их молодыми, преданными вождю работниками»¹³.

Итак, официальная литература в период сталинизма была идеологически направлена, в ней указывалось на внутреннюю угрозу со стороны оставшихся классовых врагов, и этой угрозой оправдывали существование монополии Коммунистической партии на власть. В годы «оттепели» и «застоя» не было развернуто масштабных исследований по интересующей нас проблеме, в виду оставшегося идеологического влияния давались основания необходимости репрессий. В период «перестройки» постсоветская историография, особенно 2000-х годов, стала временем глубоких, серьезных публикаций отечественных историков о государственном терроре 1930-х годов. На этом этапе было сделано очень многое в изучении его причин, масштабов, механизмов, видов репрессий и категорий репрессированных.

Литература

1. Аймермахер, К. Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы / К. Аймермахер. – М. : РОССПЭН, 2002. – Режим доступа : <http://www.coldwar.ru/hrushhev/doklad-hrusheva-dokumenty.php.html>

¹² Степанов, А. Ф. «Большой террор» 1937–1938: проблемы изучения / А. Ф. Степанов // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Международной научной конференции. – Краснодар : Экоинвест, 2010. – С. 100.

¹³ Рыбаковский, Л. Л. Политический террор. 1937–1938 гг. (к 75-летию сталинских репрессий в СССР) / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Эконинформ, 2013. – С. 70–79.

2. Борисов, Б. С. Научная сессия по историографии социалистического и коммунистического строительства / Б. С. Борисов // Вопросы истории. – М. : ПРАВДА, 1960.
3. Гордон, Л. А. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. – М. : Политиздат, 1989.
4. Записка А. Н. Яковлева, В. А. Медведева, В. М. Чебрикова, А. И. Лукьянова, Г. П. Разумовского, Б. К. Пуго, В. А. Крючкова, В. И. Болдина, Г. Л. Смирнова в ЦК КПСС «Об антиконституционной практике 30–40-х и начала 50-х годов». – Режим доступа : <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/66195.html>
5. Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 4.
6. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М. : ОГИЗ, 1946.
7. История Коммунистической партии Советского Союза. – Т. 5. – Кн. 1. – М., 1970.
8. Роговин, В. З. 1937 / В. З. Роговин. – М., 1996. – Т. 4.
9. Рыбаковский, Л. Л. Политический террор. 1937–1938 гг. (к 75-летию сталинских репрессий в СССР) / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Эконинформ, 2013.
10. Степанов, А. Ф. «Большой террор» 1937–1938: проблемы изучения / А. Ф. Степанов // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Международной научной конференции. – Краснодар : Экоинвест, 2010.
11. Сувениров, О. Ф. Всеармейская трагедия / О. Ф. Сувениров // Военно-исторический журнал. – М. : Красная звезда, 1989.
12. Татарников, А. Очистить ряды ленинского комсомола от предателей и изменников / А. Татарников. – Ростов н/Д. : Партиздат, 1932.

ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВА В МЕДИАКОНТЕНТЕ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТОРИТЕЛЛИНГА В СЕТЕВЫХ МЕДИА

По мере распространения сетей связи и цифровизации потребление информации аудиторией выходит за пределы тех представлений об информировании, общественной дискуссии, формировании общественного мнения, на которые опиралась теория журналистики в недавнем прошлом. Более того, текст как основа журналистского творчества также уступает позиции разнообразию инструментов воздействия на аудиторию. Аудитория же по-прежнему остается «священным Граалем» производителей информации, от медиахолдингов до авторов блогов. Выяснилось также, что представление о востребованности коротких сообщений, приоритет новостей – всего лишь стереотип: сложный контент в Интернете весьма востребован¹. Журналисты начали развивать новые мультимедийные форматы сетевых публикаций. И если еще недавно обсуждались противоречия в терминах «жанр» и «формат», то в последние несколько лет оснований классификаций медийных продуктов стало куда больше, поскольку эксперименты с контентом не прекращаются. Резюмировать современное состояние форматов медиа можно цитатой из учебника ВШЭ «Мультимедийная журналистика» под редакцией А. Г. Качкаевой и С. А. Шомовой: «Практики индустрии, медиаэксперты, исследователи сегодня, похоже, сходятся только в одном: в ситуации постоянных изменений и неопределенности все классификации и определения неустойчивы, текучи, гибричны»².

Успех новых форматов в сетевой журналистике сфокусировал внимание новых медиа на понятии нарратива. Действительно, этот постмодернистский философский (а также и литературоведческий, и психологический) термин исчерпывающе описывает то, что происходит с

рассказанной в мультимедийном формате историей: рассказчик проводит читателя через интерпретацию события. Однако способы работы с нарративом новая журналистика заимствует не столько из психологии или теории литературы, сколько из кинематографа. Оттуда же и заимствован такой популярный нынче метод, как сторителлинг (рассказывание истории).

В медиа распространяется концепция сторителлинга как способа достигнуть не только контакта, но и интеракции с аудиторией. Метод основывается на теоретических работах о сюжетных схемах мифов и сказок в сравнительной мифологии (Владимир Пропп³, Джозеф Кэмпбелл⁴), пособиях для сценаристов кинематографа (Роберт Макки⁵, Кристофер Воглер и др.). У Джозефа Кэмпбелла теоретики сторителлинга взяли идею «мономифа» и «пути героя», которые развил Кристофер Воглер в отношении кинематографа: «... Каждое действие ставит перед персонажем определенную задачу, предписывая ему определенное направление движения, а кульминации выполняют функцию поворотных моментов, заставляя героя ступить на новую тропу и устремиться к новой цели»⁶. Герой проходит путь от исхода через инициацию к кульминации – переходу, после которого личность героя изменяется. В отличие от внешних сюжетных событий, акцент здесь стоит на личностных, внутренних изменениях героя (тогда говорят об «арке», или в отечественной традиции, «дуге» героя). Некоторые исследователи и теоретики кинодраматургии рассматривают «путь героя» как путь излечения современного типа личности от невроза, рассматривая героя как «концентрированное выражение актуальных проблем своего времени»⁷ – таков, например, взгляд на «путь героя» Т. Салахиевой-Талал в лекции

¹ Мультимедийная журналистика / А. Г. Качкаева, С. А. Шомова [и др.] ; под ред. : А. Г. Качкаевой, С. А. Шомовой. – М. : ВШЭ, 2017. – С. 155.

² Там же. – С. 122.

³ Пропп, В. Я. Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – 511 с.

⁴ Кэмпбелл, Джозеф. Тысячеликий герой / Джозеф Кэмпбелл. – М. : РЕФЛ-бук ; Киев : АСТ, 1997. – 378 с.

⁵ Макки, Роберт. История на миллион долларов. Мастер-класс для сценаристов, писателей и не только / Роберт Макки. – М. : Альпина нон-фикшн, 2015. – 456 с.

⁶ Воглер, К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино / К. Воглер. – М. : Альпина нон-фикшн, 2015. – С. 25.

⁷ Салахиева-Талал, Т. Психологические основы создания характера и арки героя / Т. Салахиева-Талал // Сценарист. Альманах. – Вып. 1. – Режим доступа : <https://tobealive.ru/2015/10/11/film-psychology/>

для сценаристов, объясняющей развитие героя сценария с точки зрения психологии»⁸.

Мономиф, предлагая универсальную структуру, в которую можно встроить историю любого персонажа и вызвать реакцию аудитории, стал инструментом маркетинга и рекламы: «Реклама же архетипична по сути своей – ведь она обращается к устойчивым массовым драйверам поведения. И функции, открытые Проппом в начале XX века при исследовании сказок, могут быть полезны людям, которые сочиняют или конструируют рекламные сюжеты в начале XX»⁹. Поскольку маркетинг играет ключевую роль в экономике средств массовой информации и коммуникации, чья основная бизнес-модель остается рекламной, то идея задействовать мономиф не могла пройти мимо медиа, ведь «многие СМИ существуют в лучшем случае на границе рентабельности»¹⁰.

Итак, задача сторителлинга имеет целью удержать внимание читателя с первой секунды и убедить его дочитать материал до конца (то есть осуществить так называемый «доскролл»), воздействуя на читательские эмоции посредством драматургии. Некоторые исследователи медиа считают, что мультимедийный сторителлинг – это своеобразный вид искусства¹¹, либо считают его «повествовательным гибридом», который «находится в той спорной категории контента, которая располагается между “форматом” и “жанром”, хотя “рассказывание историй” само по себе вообще больше процесс и способ, чем форма»¹².

В России нарративный подход к тексту в журналистике начал формироваться в конце 1990-х годов, особенно проявившись в журналах «Власть», «Русская жизнь». В 2010-х, по мнению А. Горбачева¹³, нарративный подход распространился максимально широко: «Этому способствовало и появление новых методов цифрового сторителлинга (в таких случаях принято упоминать проект The New York Times “Snowfall” – мультимедийный проект, созданный редакцией вокруг нарративного материала о лавине, которая стала причиной гибели 16 человек; несмотря на всю

свою итоговую неоднозначность, данная публикация показала, как “длинная” журналистика может использовать мультимедиа в интернете)»¹⁴.

Несмотря на терминологическую неопределенность в определении новых форм подачи информации – лонгрида и мультимедийной статьи (истории) – очевидно: эти новые мультимедийные форматы – истории, рассказанные в хронологической последовательности, имеющие как линейную, так и не линейную, но обязательно драматургическую структуру, в них есть герой или несколько героев, переживших некие события, вызывающие эмпатию у читателя. В этом новом формате часто происходит смешение жанров: используются все средства ради эффекта максимальной документальной достоверности.

Обратим внимание на то, что мультимедийный сторителлинг нуждается в режиссуре. Оксана Силантьева в статье «Режиссура мультимедийной истории» пишет: «Выстраивая логику мультимедийного повествования, мы используем драматургические ходы, оперируя смыслами, сюжетом, динамикой действия и внешней подачей – версткой, расположением модулей, порядком фотографий в слайдшоу, монтажом видеофрагментов... Мы используем и развиваем понятия “кадр”, “план”, “композиция”, “сюжет”, “монтаж”. Конечно же, попадая в мультимедийное, нелинейное пространство, эти термины трансформируются и обретают новые грани смысла»¹⁵. Она также обращает внимание на то, что элементы «монтажа» могут жить своей жизнью, «как самостоятельные микроистории, притом, уходя из основной истории, они несут тот же нарративный смысл»¹⁶.

Использование киносценарных методов работы с историей в нарративной журналистике новых форматов можно объяснить тем, что перед читателем лонгрида или мультимедийной статьи не кинопроизведение, а текст, который иллюстрируется видеовставками, фотографиями, но, по аналогии с киносценарием, расположенный по сценам, и внутри каждой сцены есть свои сцены, выстроенные по законам драматургии,

⁸ Салахиева-Талал, Т. Психология в кино. Создание героев и историй / Т. Салахиева-Талал. – М. : Альпина нон-фикшн, 2019 (Готовится к печати).

⁹ Надеин Андрей. Сюжетостроение: от Польшы до Проппа // Рекламные идеи. – № 2. – М., 2005. – С. 97–98.

¹⁰ Амзин, А. Бизнес-модели новых и новейших медиа / А. Амзин // Как новые медиа изменили журналистику. – М. : Гуманитарный университет, Кабинетный ученый. – 2016. – 304 с. – С. 137.

¹¹ Онлайн-словарь. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1559991> (дата обращения: 04.04.2019).

¹² Мультимедийная журналистика / под ред.: А. Г. Качкаевой, С. А. Шомовой. – М. : изд. дом ВШЭ, 2017. – 413 с.

¹³ Горбачев, А. Нарративная журналистика в России (возможный) очерк истории / А. Горбачев // Контрапункт. – 2017. – № 8.

¹⁴ См.: Branch J. Snow Fall. The Avalanche at Tunnel Creek // The New York Times. – URL : <http://www.nytimes.com/projects/2012/snow-fall/#?part=tunnel-creek> (дата обращения: 08.05.2019).

¹⁵ Силантьева, О. Режиссура мультимедийной истории / О. Силантьева // Как новые медиа изменили журналистику. – М. : Гуманитарный университет, Кабинетный ученый. – 2016. – С. 153.

¹⁶ Там же.

как в лонгриде «Коммерсанта» «Прага'68» от 2018 года (текст: Наталья Корченкова, Марина Бочарова, концепция, выпускающий редактор: Марина Бочарова). У этого лонгрида две подрубрики: «Хроника» и «Личные истории». Истории свидетелей событий захватывают читателя, они строятся на динамике развития героя из обыденности через испытания (события в Праге) – к обобщающим выводам о своем участии в этих событиях и о роли государства в них. В «Хрониках» также заявлена цель материала: «Спустя 50 лет “Коммерсант” встретился с участниками тех событий и узнал, как вторжение изменило их жизни и страну»¹⁷.

«Нарратив» – понятие эпохи постмодернизма, изобретательной и свободной в интерпретациях, однако мы вынуждены заметить, что неоднозначность, вариативность отступают перед растущей потребностью в подлинности, доказанности, психологической достоверности, от которых стали отходить в эпоху постправды. В сфере медиа сторителлинг создает миф, но миф этот должен быть документально подтвержден. Однако мифотворчество в медиа продвигает и «фейки» – придуманные истории, которые привлекают внимание аудитории, принимающей их за подлинные. Достаточно создать «фактоид» и структурировать историю в соответствии с «путем героя», в нарративе героической документальной истории или в нарративе исследования. Подобный подход используют профессиональные писатели и сценаристы, оттачивающие мастерство. Так, писатель Александр Бессонов¹⁸ создал историю о выдающейся женщине, поднявшейся с позиции неграмотной, неудачливой студентки до высот научной карьеры¹⁹. Читатели его блога настолько воодушевились красивой историей, что приняли художественный вымысел за правду. В то же время история, обнародованная в блоге журналистки Анны Наринской²⁰ о супружеской чете Вогелей – коллекционеров живописи, основана на реальных фактах, но изложена также в структуре, ведущей читателя по чудесной судьбе трогательной пары, которая на последние деньги покупала картины, впоследствии составившие великолепную коллекцию.

Без фактчекинга невозможно определить, какая из историй подлинная.

В то же время сторителлинг может стать инструментом общественно важных проектов, таких, как «История Евы» (Eva.stories), о ней писали различные СМИ. Например, пересказ Валерии Шафирко на сайте телеканала «360» – объяснение предыстории проекта и перевод основных сюжетных точек подлинной истории девочки Евы, погибшей в Холокосте. И эта публикация – мультимедийная статья – сама по себе может рассматриваться как вторичный нарратив. «История Евы» в сети Instagram была снята профессиональной командой, выложена эпизодно в раздел сети Instagram Stories в формате, характерном для современных инстаграм-блогеров. Это резонансный проект, вызвавший общественную реакцию: можно ли пересказать в формате, характерном для инфотеймента, драматические эпизоды истории. Так или иначе, это новая форма представления истории, которая может повлиять на подобные проекты (например, документальные сериалы в соцсетях)²¹. Аудитория следует за героиней, по замыслу авторов, сопереживая ей. Хотя все понимали, каков будет конец истории, проект собрал 1,7 млн. подписчиков. Героиня «Истории Евы» проходит путь от беззаботной юности к осознанию мерзости войны и своей уязвимости.

Справедливо заметить, что не только новые жанры и форматы журналистики сосредоточены на эмоциональном вовлечении читателя. Например, в таком традиционном жанре, как репортаж, также представляется важным эмоциональное воздействие на аудиторию. В пособии А. Лонской «Репортаж. От идеи до гонорара» мы видим рекомендации по выстраиванию драматургии репортажа. А. Лонская считает, что репортаж описывает действительность через репортажную сцену, включающую детали, диалоги и действия людей, и рекомендует использовать структуру драмы для раскрытия сюжетного конфликта. Но самым важным в репортаже она считает нарастание эмоционального напряжения по мере того, как читатель следит за судьбой героя: читатель

¹⁷ Прага-68. – Режим доступа : https://www.kommersant.ru/projects/prague68?fbclid=IwAR0YwGhJL-FF9Z-R6_BRspjQJxvkKmgLS7G7UFA-onGPpfHbsJ3y-Bf5oPQ (дата обращения: 30.05.2019).

¹⁸ <http://www.дневники.онлайн/%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B/%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%B1%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2/>

¹⁹ Александр Бессонов. – Режим доступа : <https://www.facebook.com/profile.php?id=100026723811198> (дата обращения: 30.05.2019).

²⁰ Анна Наринская. – Режим доступа : <https://www.facebook.com/anna.narinskaya/posts/2719765581370881> (дата обращения: 30.05.2019).

²¹ «История Евы»: в Instagram появился аккаунт о девочке, живущей в период Холокоста. – Режим доступа : <https://360tv.ru/news/tekst/v-instagram-pojavilsja-akkaunt-o-devochke-zhivuschej-v-period-holokosta/>

проходит через «воронку впечатлений»²².

История героя, идущего по пути преображения, – способ вовлечения читателя в благотворительные проекты. Сетевое издание (портал) фонда «Такие дела» использует принципы сторителлинга, представляя читателям проблему и метод ее решения в рубриках «Герои» и «Портрет», которые собрали истории о сложных, героических судьбах людей, попавших в сложную жизненную ситуацию. Это истории о том, как некий герой преодолел себя, обстоятельства, а обществу отведена роль помощника (спасителя, мага), от действий которого может измениться судьба героя. Однако для того, чтобы получить такую помощь, герою следует доказать, что он ее достоин. И эта необходимость породила единый тип нишевого контента благотворительных организаций. Благотворительный портал «Такие дела» задал стандарт мотивирующей истории. Например, статья С. Лаврентьевой «Хранитель Фридланда» описывает жизнь мальчика со спинальной мышечной атрофией в контексте сказки: «В старинном сказочном Фридланде время идет по-другому, как будто кто-то заколдовал часы на колокольне кирхи. Антон, которому врачи прогнозировали вегетативное существование, на отлично учится в школе и пишет книгу о волшебной стране Фазарте», – и добавляет, что центр «Верю в чудо» и его хосписно-паллиативная служба «Дом Фрупполо» помогают происходить чудесам²³. Структура статьи служит продвижению идеи: несмотря на очевидные трудности, личности самого мальчика и его окружения становятся все лучше, поскольку вовлечены в общее дело взаимопомощи и взаимопонимания, и поэтому заслуживают поддержки читателей. Другие истории рубрик также строятся по канонам сказки, мифа («Крестовый поход мамы», «Свидетельство о чуде», «Башня для Рапунцель», «Пути неисповедимы»).

В то же время другие издания, создав свои благотворительные проекты, столкнулись с непониманием аудитории, работая по журналистским стандартам и не используя те выгоды, которые дает идея мономифа. Ни мультимедийный формат, ни репортерское мастерство не спасли от общественного порицания историю женщины с химической зависимостью в сетевом издании «Батенька, да вы трансформер». Если подходить

к этой истории с точки зрения «пути героя», то в пути героини этой исповеди нет истории изменений, нет даже приема открытого финала, который дал бы читателю надежду на продолжение истории. По итогам резонанса статью удалили с сайта по настоянию Роскомнадзора (таким образом мы не можем на нее сослаться). Редакция сделала вывод и создала мультимедийный проект о химической зависимости, собрав документальный материал, комментарии специалистов, фото- и видеоматериалы – с просветительской целью²⁴. Теперь в фокусе проекта – личные истории падений и преодолений химически зависимых людей. Снова работает схема: герой проходит путь изменений, в финале выходя либо победителем, либо побежденным, но непременно пережив некую трансформацию, пережив искупление. А искупление – это важный этап в структуре мономифа.

Негативную эмоциональную реакцию аудитории вызвал также репортаж, помещенный в формат мультимедийной истории, в сетевом издании Meduza «Был Антон и есть Антон»²⁵. Подробно и бесстрастно написанный репортаж, имея классическую структуру, внимание к деталям, диалоги, вызвал критическую реакцию у Л. Аркус (к слову, кинорежиссера, создательницы фильма «Антон тут рядом»). Репортаж С. Сулим в спец-проекте Meduza – продолжение истории героя фильма Л. Аркус. И с ним ничего не происходит в этой новой истории. Это достоверная констатация, документальный срез его жизни без пути героя. Ничто не происходит ни с ним, ни с его опекунами, ни даже с автором статьи. Герой не идет по пути изменений, а его окружение не вызывает читательской эмпатии.

Возникло противоречие между тем, чтобы «продать» аудитории историю, создав ее в соответствии с теорией «Истории на миллион долларов»²⁶ или рассказать ее, исходя из принципов журнализма, не опустив ни одной детали, даже разрушающей очарование «арки героя». Эта граница между достоверностью и фантазией, возможно, в дальнейшем будет единственной границей между рекламой и пропагандой, с одной стороны, и журналистикой – с другой.

Встает вопрос, отчего качественно написанный репортаж не нравится аудитории? Мы видим здесь противопоставление рекламного ма-

²² Лонская, А. Репортаж: От идеи до гонорара : учебное пособие для студентов вузов / А. Лонская. – М. : изд-во «Аспект пресс», 2015. – С. 192–207.

²³ Хранитель Фридланда. – Режим доступа : <https://takiedela.ru/2019/05/khranitel-fridlanda/> (дата обращения: 30.05.2019).

²⁴ Героин. Исследование самиздата... – Режим доступа : <https://batenka.ru/heroin/> (дата обращения: 30.05.2019).

²⁵ Был Антон и есть Антон. – Режим доступа : <https://meduza.io/feature/2019/04/25/byl-anton-i-est-anton> (дата обращения: 30.05.2019).

²⁶ Макки, Роберт. История на миллион долларов: мастер-класс для сценаристов, писателей и не только / Роберт Макки. – М. : Альпина нон-фикшн, 2015. – 456 с.

териала (нативной рекламы) журналистскому. Нативная реклама, заимствовав у журналистики некоторые приемы, по сути, остается рекламой, и благотворительные цели – собрать средства в помощь фонду, например, не меняют рекламной сути материалов на темы благотворительности и социальных проблем. В отношении социальных тем считается, что миссия – основной мотив рекламного сообщения, и в отношении нативных материалов о благотворительности это также справедливо. Именно миссии – помочь несчастным, исправить несправедливость, подняться со дна, изменить судьбу, победить болезнь – одновременно являются и основными идеями социальной рекламы, и важными общественными задачами, и ключевыми моментами «пути героя» в мономифе. Таким образом, закономерно, что на сайте благотворительной организации «Лейкозу.нет» есть рубрика «Хорошие истории»²⁷, а в Фонде профилактики рака – истории врачей²⁸ рассказаны как истории преодоления трудностей, поиска жизненного пути.

Изменения, произошедшие за несколько лет с концепцией восприятия социально значимого текста в журналистике, иллюстрирует резонансное расследование Галины Мурсалиевой «Группы смерти», опубликованное в «Новой газете» в 2016 году. Продолжение истории – «Выживший»²⁹ вышло в 2019 году и вызвало неоднозначную реакцию: история главного героя, столкнувшегося с манипуляциями в сетевых группах, не вызвала у аудитории эмоционального отклика. Отвечая на критические отзывы коллег, журналистка «Новой» Елена Костюченко написала текст в блоге в Facebook – автобиографическую историю о журналистском эксперименте по внедрению в секту. Сюжет этой истории полностью попадает под определение «сторителлинг»: героиня пропускает возможность карьерного роста и чувствует, что должна это исправить; она встречается с коллегой, работающим над темой авторитарности тренингов; желая совершить

«подвиг», она внедряется в такую организацию; она подпадает под очарование этой организации и близка к краху; ее выручает психолог; героиня меняется: она борется с депрессивным расстройством, профессионально растет, снимает с себя социальную маску неуязвимости. Костюченко написала эту историю, чтобы напомнить аудитории, что любой здравомыслящий человек может пострадать от психологических манипуляций³⁰ и привлечь внимание к статьям коллег. И конкретно этот текст нашел в сердцах читателей искреннее сочувствие.

Мир медиа свободен изобрести героя, усилить уровень угроз, сложность испытаний, высоту ставок, иными словами, драматизировать историю. Однако мир журналистики строится на других принципах: факты, объективность, некая отстраненность корреспондента. Новые медиа увлечены сторителлингом ради эмоционального вовлечения читателей. Путь героя в различных структурах сюжета не вполне вписывается в концепцию журналистики: журналистика не может поступиться принципами, в отличие от рекламы (в том числе нативной – как компромиссного решения). Однако новые мультимедийные конструкты меняют поле журналистики, чему есть как экономические, так и социокультурные причины. Массовый интерес к сторителлингу как инструменту воздействия на эмоции аудитории ставит вопросы более глобальные, нежели роль трансформации героя в журналистском тексте. Не станет ли информационное поле мифологизировано настолько, что мы и вовсе потеряем интерес к обыденному, жизненному факту, не обладающему никакой драматургической ценностью, но от которого на самом деле зависит наша не героическая, обыденная жизнь? На этот вопрос могут ответить дальнейшие исследования как медиасреды, так и читательской аудитории, чьи требования к интерактивности, креативности, мультимедийности все выше.

²⁷ Хорошие истории. – Режим доступа : <https://leikozu.net/press/horoshie-istorii.html> (дата обращения: 30.05.2019).

²⁸ Фонд профилактики рака. – Режим доступа : <https://nenaprasno.ru/> (дата обращения: 30.05.2019).

²⁹ Выживший. – Режим доступа : <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/15/80522-vyzhivshiy> (дата обращения: 30.05.2019).

³⁰ Елена Костюченко. – Режим доступа : <https://www.facebook.com/elena.kostyuchenko.7/posts/2533571003354915> (дата обращения: 30.05.2019).

РАЗДЕЛ V

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

НУЖНЫЕ ФИЛОЛОГАМ И ИСТОРИКАМ КНИГИ: ОБ ИЗДАНИИ СЕРИИ «МОНОГРАФИИ УЧЕНЫХ САХАЛИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Иконникова Е. А., Никонова А. С. Сахалин и Курильские острова в японской литературе XX–XXI веков : монография. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2016. – 124 с.

Сахалин и Курильские острова являются своеобразным цивилизационным перекрестком. И это наложило отпечаток не только на исторические судьбы этих земель, но и на их отражение в мировой литературе. В художественной и публицистической литературе обращение к Сахалину и Курильским островам обнаруживается как у русских, так и у зарубежных авторов. Однако самые частые наряду с отечественными изданиями упоминания российских островов Дальнего Востока представлены в японской литературе.

Исследование Е. А. Иконниковой и А. С. Никоновой посвящено практически не изученной проблеме российской японистики. В монографии представлены обзоры разных произведений, освещены факты из биографий японских поэтов и писателей, обращавшихся в своем творчестве к теме Сахалина и Курильских островов в XX–XXI веках. Название книги, безусловно, свидетельствует о литературной проблематике. Однако предлагаемый исследователями материал рассматривается в том числе и с учетом истории Дальнего Востока, а именно: в центре исследования – художественная и художественно-публицистическая литература, созданная на Сахалине и о Сахалине в Японии в период между Русско-японской и Второй мировой войнами. Вместе с этим авторы монографии обращают внимание и на особый интерес к Сахалину и Курильским островам в творчестве японских писателей и после 1945 года. Исследователи справедливо отмечают, что высокий интерес японских литераторов к Сахалину имеет географический и исторический характер, прежде всего, то, что по итогам Русско-японской войны и вплоть до завершения Второй мировой войны южная часть Сахалина являлась частью Японской империи – губернаторством Карафуто (1905–1945).

В этот период создается особая колониальная литература, имеющая не только художественную, эстетическую ценность, но и практическое предназначение. Эта литература была призвана возбудить интерес японского общества к колонизируемым территориям, в ней увлекательно рассказывалось о новых землях. Это способствовало наряду с другими способами увеличению числа

переселенцев, осваивающих и развивающих Южный Сахалин. Внимание японских литераторов к Сахалину объяснялось общими настроениями, господствовавшими в Японии того времени. С южной частью острова многие рядовые японцы связывали поиск прибыльной работы и возможности самореализации. И это находило государственную поддержку: японское правительство выделяло средства на развитие Карафуто. Большое внимание уделялось и развитию образования на острове, предполагавшего, в частности, развитие краеведческих знаний учеников. Это воспринималось как основа для воспитания местного патриотизма, любви к малой родине. За сравнительно небольшой временной промежуток на Сахалине периода японской колонизации была создана своя региональная литература (как художественная, так и публицистическая).

Авторы выделяют в своем исследовании два блока литературных произведений, связанных с Сахалином до 1945 года: во-первых, отдельные образцы творчества общеизвестных японских поэтов и писателей (Исикавы Такубоку, Китахары Хакусю, Миядзавы Кэндзи, Хаяси Фумико и других), во-вторых, региональную литературу – произведения поэтов и писателей, осуществлявших свою литературную деятельность непосредственно на Южном Сахалине (Самукавы Котаро, Огумы Хидэо и ряда иных известных главным образом на Хоккайдо и в ближайших префектурах авторов). Хорошее знание многих событий жизни на Южном Сахалине периода Карафуто, причастность им авторов этой группы делает их произведения интересными не только филологам, но и историкам, которые могут их рассматривать и как своеобразные исторические источники.

Основной материал книги изложен в логичной композиции: в предисловии, трех главах, построенных с учетом хода исторических событий на Сахалине и Курильских островах XX–XXI веков, заключении, списке используемой литературы, указателях и аннотациях. Примечательно, что аннотации к книге составлены не только на английском, но и на корейском, китайском и японском языках. Общее содержание книги свидетельствует о том, что она может быть интересна не только филологам, но и историкам, не только читателям из России и Японии, но и тех стран, которые географически близки друг другу и имеют общую историко-культурную проблематику.

Разделение книги на три части обусловлено хронологическими и биографическими составляющими. Первая глава включает в себя материалы о творчестве литераторов, которые либо путешествовали на Сахалин и под впечатлением создавали свои произведения, либо посвящали те или иные произведения Сахалину без специальных поездок на остров, но под влиянием общих настроений и внимания к новой колонии. Содержание второй главы связано с авторами, для которых Сахалин стал второй родиной, местом, где поэты и писатели провели часть своей жизни. В третью главу вошли обзоры творчества японских авторов второй половины XX–начала XXI века. Авторы отмечают в этой части работы в большей степени, чем в предыдущих, обращение поэтов и писателей к образам не только Сахалина, но и Курильских островов.

Обзор японской литературы XX–XXI веков через призму интереса к Сахалину и Курильским островам показывает, что писатели сосредотачивают внимание на России в целом, на ее культуре в южной части острова в период японской колонизации, на истории Сахалинской каторги, на описании богатств дальневосточной природы. Одновременно с этим японские поэты и писатели часто обращаются в своих произведениях к поездке А. П. Чехова на Сахалин, к событиям Русско-японской войны 1904–1905 годов, а также к завершившейся на Дальнем Востоке в 1945 году Второй мировой войне.

Несомненным достоинством книги является включение в нее биографических материалов о поэтах и писателях, творчество которых малоизвестно широкой читательской аудитории. Вместе с этим дается описание отдельных, наиболее значимых художественных и художественно-публицистических произведений, по возможности приводятся переводы. Все стихотворные тексты даются не только в переводах на русский язык, но и на языке оригинала. Это представляется весьма важным, так как невысокая изученность творчества японских писателей, обращавшихся к теме Сахалина и Курильских островов, во многом связана с малым количеством переводов японской литературы такого рода на русский язык. В данной книге основная часть переводов сделана А. С. Никоновой.

С точки зрения историков, несомненную ценность имеют описания (Исикава Такубоку, Ёсано Акико, Китахара Хакусю и др.) повседневной жизни японцев – жителей Карафутто, айнского социокультурного компонента, эмоционального восприятия окружающей действительности и религиозных взглядов, политических и даже геополитических настроений населения Южного Сахалина. Несомненный интерес для исторических и историко-литературных исследований представляет зафиксированное в литературных произведениях отражение в менталь-

ности представителей японской интеллигенции как философско-политических взглядов русских мыслителей и военно-политических событий на Дальнем Востоке в первой половине XX века, так и более ранних событий российско-японских отношений. Обращение авторов к взглядам, впечатлениям и литературному творчеству авторов русского происхождения, но проживающих в Японии деятелей Японской православной церкви – основателя православной церкви в Японии архиепископа Николая Японского (Касаткина), епископа Сергия (Тихомирова), осмысление их информации с историко-литературной точки зрения также вызовет живой интерес как у историков-исследователей, так и читающей публики.

Книга отличается доступным и ясным языком, читается с интересом. Авторы стремятся сделать материал понятным для читателей разных предпочтений, работая в границах научно-популярного стиля, поэтому нет сомнений, что книга интересна широкому кругу читателей, прежде всего – преподавателям филологических дисциплин, магистрантам, аспирантам, студентам. Вместе с тем книга оказалась интересной и полезной и тем, кто занимается изучением истории родного края, выявляя новые, весьма своеобразные, нуждающиеся в критике и научной интерпретации, но, тем не менее, весьма любопытные исторические источники – литературные произведения японских писателей о Сахалине.

Издание книги вызвало несколько отзывов в печати: в частности, в газете «Сэ корё синмун» (весна, 2017) Т. К. Павловой была дана положительная рецензия о «корейских» эпизодах книги, в журнале «Азия, Африка сегодня» (2018, № 4) А. О. Маньковой сделан полный обзор содержания всей книги Е. А. Иконниковой и А. С. Никоновой с выявлением большого числа открытий, скорее не в региональном краеведении, а в литературоведении, находящемся в области всемирной (применительно к содержанию – японской зарубежной) литературы.

Историко-литературные исследования, подобные монографии Е. А. Иконниковой и А. С. Никоновой, имеют междисциплинарный характер, становятся все более востребованными на современном уровне развития науки, представляются актуальными, важными и интересными. Нет сомнений, что продолжение авторами исследований в данном направлении, издание новых монографий и дополнение новыми фактами, событиями и судьбами и переиздание старых исследований будет существенным вкладом в копилку не только зарубежного литературоведения и региональных историко-краеведческих знаний в их литературоведческом ракурсе, но и дадут пищу для ума этнографам, религиоведам, специалистам в области исторической географии, геополитики, истории экономики, философии, культурологии.

А. П. ЧЕХОВ И СЕЛО КИРОВСКОЕ

Современный облик села Кировского Тымовского района Сахалинской области сохранил многие черты XIX века: в архитектуре домов прослеживаются приметы прошлого, историческая память населенного пункта связана с каторгой и посещением А. П. Чеховым летом 1890 года. Здание амбулатории, расположенное в центральной части села на пересечении улиц Почтовой и Центральной, по легенде связано с именем А. П. Чехова, несмотря на то, что эта постройка более позднего периода¹.

А. П. Чехов в книге «Остров Сахалин» (1895) в свойственной ему манере лаконично, но вместе с тем детально и ярко нарисовал картину жизни селения: «Рыковское, или Рыково, основано в 1878 г.; место для него довольно удачно выбрал и указал смотритель тюрьмы унтер-офицер Рыков. Оно отличается своим быстрым ростом, необыкновенным даже для сахалинского селения: в последние пять лет площадь его и население увеличились в четыре раза. В настоящее время оно занимает три квадратных версты и жителей в нем 1368: 831 м. и 537 ж., а с тюрьмой и командой будет более двух тысяч. Оно не похоже на Александровский пост; то городок, маленький Вавилон, имеющий уже в себе игорные дома и даже семейные бани, содержимые жидом, это же настоящая серая русская деревня без каких-либо претензий на культуристость. Когда едешь или идешь по улице, которая тянется версты на три, то она скоро прискучает своею длиною и однообразием. Тут улицы не называются, по-сибирски, слободками, как в Александровске, а улицами, и большинство их сохраняют названия, данные им самими поселенцами. Есть улица Сизовская, названная так потому, что на краю стоит изба поселки Сизовой, есть улица Хребтовая, Малороссийская. В Рыковском много хохлов, и потому, должно быть, нигде в другом селении вы не встретите столько великолепных фамилий, как здесь: Желтоног, Желудок, девять человек Безбожных, Зарывай, Река, Бублик, Сивокобылка, Колода, Замоздря и т. д. Среди селения большая площадь, на ней деревянная церковь и кругом краю не лавки, как у нас в деревнях, а тюремные постройки, присутственные места и квартиры

чиновников. Когда проходишь по площади, то воображение рисует, как на ней шумит веселая ярмарка, раздаются голоса усковских цыган, торгующих лошадьми, как пахнет дегтем, навозом и копченою рыбой, как мычат коровы и визгливые звуки гармоник мешаются с пьяными песнями; но мирная картина рассеивается в дым, когда слышишь вдруг опостылевший звон цепей и глухие шаги арестантов и конвойных, идущих через площадь в тюрьму»².

В дореволюционный период селение Рыковское представляло собой самый крупный населенный пункт Тымовского округа и его центр. Приобретение этого статуса было связано с выполнением им административных функций и расположением на главных транспортных коммуникациях. Селение выступало как торговый центр округа, его спецификой являлось наличие значительной колонии и ссыльнопоселенцев. Селение Рыковское росло и развивалось быстрыми темпами. В первой половине XX века оно оставалось одним из самых крупных селений области. Кировским оно стало называться с 1937 года.

Сегодня развитая инфраструктура современного Кировского, близость к основной трассе, соединяющей юг и север острова, расположение в шаговой доступности от здания амбулатории учреждений культуры и образования, кафе позволяет говорить о целесообразности создания нового культурно-досугового центра. Литературно-художественным музеем книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» в настоящее время реализуется большой проект по созданию в Кировском музея-амбулатории имени А. П. Чехова. Развитие медицины не раскрывается в полном объеме ни в одном из музеев Сахалинской области, в которых данная тема либо не упоминается, либо затронута фрагментарно как малая часть других экспозиций.

Нами задумано создать три экспозиции на территории комплекса. Первая из них «А. П. Чехов – врач» посвящена медицинской деятельности Чехова. Вторая экспозиция «Врачебное дело на Сахалине: до и после А. П. Чехова» знакомит с развитием медицинского дела на острове и деятельностью врачей, которые в XIX–начале XX века служили в медицинских учреждениях

¹ Подробнее об этом см.: Самарин, И. А. Амбулатория в селе Кировском: памятник истории или миф? // И. А. Самарин // Вестник сахалинского музея. – 2017. – № 23. – С. 156–167.

² Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А. П. Чехов. – М.: Наука, 1974–1983. – Т. 14–15. – С. 157–158.

острова, третья – «Медицина коренных народов Сахалина» рассказывает о способах лечения у нивхов и айнов, народной медицине и демонстрирует шаманский обряд.

Музейно-образовательные, культурно-досуговые программы и проекты, которые будут реализовываться на базе центра, смогут стать частью музейно-туристических маршрутов («Чехов и Сахалин», «Сахалин конца XIX века», «Путешествие с книгой А. П. Чехова “Остров Сахалин”» и других).

Среди жителей с. Кировское существовала легенда, согласно которой местную амбулаторию в 1890 году посетил А. П. Чехов. В документах этот факт не отражен. Антон Павлович Чехов посетил селение «около 20 августа» 1890 года. В «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова» находим следующие упоминания:

1. Делает перепись в Рыковском. Сохранилось 850 карточек-анкет, заполненных на жителей селения.

2. Осматривает рыковскую тюрьму, считавшуюся «лучшей тюрьмой во всем Сев. Сахалине». «Мне она тоже показалась лучшею. Так как в районе каждой тюрьмы мне приходилось прежде всего пользоваться канцелярским материалом для справок и услугами грамотных людей, то во всем Тымовском округе, и особенно в Рыковском, я не мог не заметить <...>, что здешние писаря хорошо подготовлены и дисциплинированы <...>, подворные описи и алфавиты они ведут в образцовом порядке».

3. Видимо, посещает в Рыковском также метеорологическую станцию, которой неофициально заведовал привилегированный ссыльный, бывший морской офицер-народоволец И. П. Ювачев, переживший затем нравственный перелом и в Рыковском исполнявший также должность церковного старосты (позднее Ювачёв преподнес Ч. свою книгу о метеорологических наблюдениях в Рыковском с дарственной надписью).

4. Встречается в Рыковском с двумя гиляками.

В Рыковском «видел еврея с сифилитической чахоткой; он давно не лечился, разрушался мало-помалу, и семья нетерпеливо ожидала его смерти, – и это в какой-нибудь полуверсте от больницы!»³

Учитывая, что 22–23 августа А. П. Чехов уже находился в Палеве, в Рыковском он пробыл всего около двух дней. Принимая во внимание объем его проделанной работы за столь короткое время, зафиксированной в «Летописи...» и книге «Остров Сахалин», представляется весьма сомнительным, что А. П. Чехов занимался лече-

нием больных в данном селении.

Однако долгое время существовали различные версии и истолкования, связанные с медицинской деятельностью А. П. Чехова в Рыковском. Наиболее ярким примером является очерк Михаила Финнова «Конец ненужной легенды». Автор наглядно демонстрирует то, как формировались мифы вокруг чеховских поездок по населенным пунктам острова.

М. Финнов критикует корреспонденции Г. Малиновского, опубликованные в газетах «Советский Сахалин» и «Известия». Герой данных газетных материалов М. Л. Ненюков вспоминает об А. П. Чехове, которого он, якобы, видел: «Важная персона. Да-а... Письмо было у него от Корфа, генерал-губернатора. Велено было Чехову показывать все. Приказ был такой: пускать во все тюрьмы и лазареты, проверять пищу. Он иногда делал сам и операции тяжелым больным. Врача Григорьева в Рыковской больнице сместил и прогнал с работы. Тот был фельдшер и не имел права лечить»⁴. М. Финнов, приводя спорные публикации и размышляя о том, где правда и вымысел, говорит, что подобного рода мифы могут нанести вред даже на уровне «академических высот»: «Фантазии этого безграмотного очевидца могли бы остаться на совести недобросовестного репортера и, как говорится, “кануть в Лету”, если бы не были введены в научный оборот серьезными чеховедами»⁵. Подобная ложь, по мысли М. Финнова, недопустима, и подобные фактические ошибки недобросовестных рассказчиков, стремящихся к сенсации, должны исправляться.

Тем не менее сам факт посещения А. П. Чеховым Рыковского, легендарные образы Рыковской тюрьмы, метеостанции, «привилегированного ссыльного» Ивана Ювачёва, воплощенные в книге «Остров Сахалин», дают нам основание интерпретировать эту информацию, обращаться к ней и сегодня, конечно, не нарушая пределы разумного.

Экскурсии и просветительская работа в будущем учреждении культуры позволят развенчать ряд устойчивых мифов, связанных с врачеванием А. П. Чехова на территории Рыковского, через задокументированные факты, а не только «фольклор» старожилов села и другую непроверенную информацию. Также новый музей-амбулатория – это хорошая возможность рассказать о становлении медицины на острове в целом и личностях врачей, которые совершили подвиги не менее значимые, чем Антон Павлович (Ф. Августиневич, М. Добротворский, П. Супруненко, А. Щербак, Н. Лобас и многие другие).

³ Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. – Т. II. – 1889 – апрель 1891. – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – С. 451.

⁴ Финнов, М. Конец ненужной легенды // Финнов М. Последний круг [избранное]. – Южно-Сахалинск, 2012. – С. 457.

⁵ Там же. – С. 460.

КОНЦЕПЦИЯ ВЫСТАВКИ «МАКСИМ ГОРЬКИЙ. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ»

В 2018 году исполнилось 150 лет со дня рождения великого русского писателя М. Горького. Трудно переоценить его значимость для русской и мировой литературы. Он не только занимался писательской работой, но и активно участвовал в общественной деятельности. Выставка «Максим Горький. Страницы жизни» из Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля познакомила жителей и гостей города с многочисленными событиями в его судьбе и творчестве. Выставка проходила в литературно-художественном музее книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» с 12 апреля по 19 мая 2019 года.

Основной целью данной выставки стало при помощи объединенных тематически блоков копий фотографий, живописи и графики, документов, инсталляций и медиаматериалов показать жизненный и творческий путь писателя. Исходя из главной цели выставки, вытекают следующие задачи:

- музееведческая: сформировать современную коммуникативную среду в пространстве выставки для вовлечения в диалог с представленным материалом различных социальных и возрастных групп, индивидуальных посетителей;
- литературоведческая: знакомство посетителей с жизнью и творчеством М. Горького;
- социокультурная: создание условий для воспитания культуры, эстетики, индивидуального мировоззрения посетителей выставки на примере жизни и творчества М. Горького.

Выставка была рассчитана преимущественно на организованные группы школьников и студентов, а также предназначена для индивидуального посещения людьми различных возрастных категорий.

Все экспонаты демонстрировались в северной части выставочного зала без деления на тематические зоны. Копийные материалы были представлены в виде распечаток на планшетах и размещены на ширмах. Подлинные предметы экспонировались в витринах, подлинные графические работы, смонтированные в графическое оборудование, располагались на студийных мольбертах.

Завершающим элементом выставки была интерактивная инсталляция «Класс XX века», размещенная в центре зала. Для ее создания были заказаны и изготовлены парты и школьная доска по образцу XX века. 17 марта 1933 года М. Горький получил письмо от учащихся шко-

лы сахалинского поселка Ноглики. Послание школьников шло М. Горькому, жившему тогда в Сорренто, более двух месяцев. Это письмо сильно взволновало великого писателя, поскольку имело для него большое культурно-историческое значение: на этот раз его корреспондентами были дети нивхов, ороchon, тунгусов – дети народов, возрожденных к жизни Великой Октябрьской социалистической революцией. 31 марта 1933 года на Сахалин было отправлено ответное письмо, полный его текст опубликован в XXVII томе собрания сочинений М. Горького. Для самого писателя это письмо имело большую ценность. «Вы очень хорошо сделали, написав мне. Ваше письмо – подарок, которым я буду гордиться, как орденом. Я получал письма от детей европейцев, конечно, их письма тоже радовали меня, но – не так глубоко, как ваше письмо, дети гиляков, тунгусов, орочан».

На выставке «Максим Горький. Страницы жизни» демонстрировались предоставленные Государственным историческим архивом Сахалинской области копии этих писем, размещенные в инсталляции. Она интерактивна, и каждый посетитель мог написать свое послание писателю, а также услышать запись его голоса и аудиопостановки его произведений. Для выставки были задействованы мультимедийные материалы из открытых источников: запись голоса М. Горького, аудиопостановка «Старуха Изергиль», видео «Песня о соколе» и «Легенда о пламенном сердце».

В качестве основного метода построения выставки использован иллюстративно-тематический метод с художественными элементами, позволяющий создать наиболее полный образ творческой жизни писателя.

Фотографии, документы и иллюстрации скомпонованы в блоки по темам:

1. Биография в фотографиях.
2. М. Горький в живописи.
3. М. Горький в графике.
4. Иллюстрации к произведениям.
5. Обложки книг.
6. Автографы и корректура.
7. Чехов и Горький.

Материалы коллекции Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля, связанные с жизнью и творчеством Максима Горького, значительны по объему и хранятся в фондах фотографий, в изобразительном, руко-

писном, книжном фондах, в фонде оригинальной графики, а также в фонде звукозаписей. В фонде фотографий М. Горького содержится более 2000 единиц хранения. На выставке были представлены 72 фотографии, отражающие некоторые этапы биографии «не бронзового», «живого» Горького, выдающегося писателя без официозного лоска: Портрет (1934). Волга, Керженец и окрестности. Семья и близкие писателя. Горький среди писателей, общественных деятелей. Горький и деятели культуры, политики. Поездки писателя в СССР в 1928–29 годах. Первый Всесоюзный съезд советских писателей в 1934 году. Траурные дни. Фотографические портреты Горького разных лет.

На выставке также были представлены материалы из коллекций Государственного музея А. М. Горького, Сахалинского областного художественного музея.

Кроме фотокопий на выставке были представлены 29 иллюстраций к произведениям, 35 обложек прижизненных изданий и документов, 26 портретов. Из подлинных предметов на выставке были использованы два бюста, четыре графические работы (дом-музей Горького, Улица Правды, портрет и силуэт), книга Андреевича «Книга о Максиме Горьком и А. П. Чехове». Один из бюстов выполнен известным советским скульптором В. Г. Стамовым. Василий Гаврилович Стамов принадлежит к школе одного из самых ярких представителей русского и совет-

ского пластического искусства XX века – Александра Терентьевича Матвеева. Второй – гипсовый эскиз авторства Н. Л. Штамма. Из фондов МКЧ «Остров Сахалин» были представлены две фотооткрытки начала XX века с изображениями М. Горького и его современников.

В период проведения выставки также проводились тематические мероприятия и лекции, разработанные сотрудниками литературно-художественного музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин».

На лекции «Чехов и Горький» рассказывали об истории взаимоотношений двух классиков, а также об интересных фрагментах их переписки. Знакомство двух писателей началось заочно, в переписке, которая продолжалась с осени 1898 года до самой смерти Чехова. Горький боготворил Чехова, не уставал петь ему дифирамбы, а Чехов сразу признал «несомненный талант» молодого писателя.

На лекции «Евангелие от Максима» слушателям рассказывали, что Максим Горький увлекался философией богостроительства и активно поддерживал Каприйскую школу для рабочих. Специфические взгляды М. Горького на религию были рассмотрены на примерах его романа «Мать» и повести «Исповедь».

Лекция «Итальянская страсть Максима Горького» была посвящена 15 годам пребывания писателя в Италии и о том, как итальянский период жизни отразился на его творчестве.

СИЯЮЩИЕ КНИЖНЫМ СВЕТОМ: О КНИГЕ ВИКТОРА ЩЕГЛОВА «АГНЕВО»

Агнево (1893–1945). Материалы для размышлений / сост. В. В. Щеглов. – Южно-Сахалинск : изд-во «Сахалин – Приамурские ведомости», 2018. – 208 с.

В последних числах сентября 2018 года в историко-литературном музее «А. П. Чехов и Сахалин» состоялись гуманитарные чтения «Александровский музей: вехи истории». Второй день работы научно-просветительского мероприятия завершился знакомством с научно-популярным изданием – материалами для размышлений «Агнево» (1893–1945) Виктора Щеглова. Летом 2018 года аналогичная презентация состоялась и в областном краеведческом музее, в котором составитель книги трудится заместителем директора по научно-исследовательской работе и развитию. Однако именно в стенах северного музея страницы книги обрели свое настоящее дыхание: в зале, где Виктор Щеглов рассказывал о своих исторических находках, обличенных в слово, присутствовали герои былой славы Агнево, их потомки и друзья. И сам автор родом из тех мест, где причудливое название поселка еще звучит в устах разных людей.

Молодое поколение современных сахалинцев почти ничего не знает о тех островных уголках, которые сегодня или стерты, или затерялись на картах Сахалина. Немного слов о подобных местах можно найти и в литературе.

Один из фрагментов стихотворения Николая Тарасова (род. 1947) «Спасибо, господин Музей» звучит так:

Спасибо, господин Музей,
За ваши фондовые тайны.
За то, что стало нам ясней,
Куда исчезли все же айны.

За непропавший Порт-Артур,
За прибудившего волка,
За чеховский великий тур,
За песни, что пропел каюр
И агневская комсомолка.

В этих строчках поэт перечисляет то, что должно быть памятно посетителям областного краеведческого музея. Наряду с героическим Порт-Артуром и поездкой Чехова на каторжный остров как важными событиями истории России звучат упоминания о «прибудившемся волке»

и песнях, пропетых неким «каюром» и «агневской комсомолкой». В иной ситуации читатели могли бы не обратить внимания на «агневскую комсомолку», а для тех, кто привык быть максимально чутким к слову, найти информацию об Агнево было бы непросто. Предельно лаконичные и не дающие исчерпывающей информации об Агнево строки обнаруживаются разве только в «сахалинских» книгах А. П. Чехова, В. М. Дорошевича и В. Я. Канторовича.

Сегодня этот список может быть продолжен и книгой Виктора Щеглова. Его «материалы для размышлений» побуждают читать эту книгу медленно, вдумчиво, не сразу. Прошлое Агневской долины (бассейна реки, рыбацких поселков и всего того, что связано с деятельностью человека) фиксируется по-прежнему разрозненным, а в книжном варианте собранным воедино многочисленными документами – архивными данными, научными комментариями, публицистическим обзором.

Индустриальный срок жизни Агнево уместился в пятьдесят два года (этот факт обозначен в подзаголовке книги), природный срок неизмерим цифрами. Несомненно больше, чем человек, живут книги. До недавнего времени память об Агнево хранилась только в сердцах и мыслях людей, родившихся в этом месте, живших, работавших, любивших. Сегодня книга «Агнево» способна развернуть календарные даты в будущее – в то измерение, в котором новым поколениям будет понятна не только строчка из стихотворения Николая Тарасова, но и определенный период в истории родного края и в целом всей страны.

Благодаря книге Виктора Щеглова на виртуальной карте исчезнувших мест Сахалина и Курильских островов вновь (после истории о шахте «Октябрьской») – эта книга автора была издана в прошлом году) засияла яркая точка. А настоящая яркость Агнево (конечно же, с ударением на первом слоге) зафиксирована в самом слове, похожем на слово «огонь», возвращаемом к памяtnому из детства андерсеновскому «Огниву».

Завершая презентацию, на вопрос о творческих планах Виктор Щеглов заметил, что сейчас он работает над новой книгой об истории Александровска-Сахалинского, связавшего сияющие теперь книжным светом Кунгасстрой, Октябрьский и Агнево.

ПАМЯТИ РУСЛАНА ВИТАЛЬЕВИЧА ЯКИМЕНКО

На сорок девятом году после продолжительной болезни ушел из жизни замечательный человек, талантливый педагог, ученый, методист, доктор педагогических наук, профессор Руслан Витальевич Якименко (15.02.1971–23.04.2019).

Руслан Витальевич Якименко родился 15 февраля 1971 года в п. Ново-Александровск Анивского района Сахалинской области. В 1993 году окончил Южно-Сахалинский государственный педагогический институт (факультет русского языка и литературы). Параллельно с учебой в институте работал воспитателем в подростковом клубе и учителем русского языка и литературы в школах № 1 и 2 Ново-Александровска.

В 1998 году Р. В. Якименко защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, а в 2005 году успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Методика изучения поэзии XX века на заключительном этапе школьного литературного образования». В феврале 2008 года ВАК Российской Федерации присвоил Руслану Витальевичу ученое звание «профессор».

Работая в Южно-Сахалинском государственном педагогическом институте, Руслан Витальевич занимал должность заместителя декана филологического факультета, первого заместителя директора института филологии и руководителя пресс-службы Сахалинского государственного университета. С 1999 по 2010 г. являлся директором Южно-Сахалинского педагогического колледжа Сахалинского государственного университета.

Будучи талантливым организатором и руководителем, в 2007 году инициировал создание факультета сервиса и туризма в СахГУ и открытие кафедры теории и методики сервисной деятельности и туризма, что позволило сформировать систему непрерывного сервисного и туристского образования в области.

На любом трудовом посту Руслан Витальевич отличался высокой требовательностью к себе и неуклонно воспитывал чувство ответственности за порученное дело у подчиненных.

Одаренный учитель, он умел научить любить и чувствовать литературу. Выпускники Руслана Витальевича с особым теплом и благодарностью вспоминают его уроки, на которых он каждый раз испытывал юные умы. Являясь творческим педагогом, Р. В. Якименко заложил прекрасную традицию студенческого конкурса литературно-

музыкальных композиций «Декабрьские вечера», посвященных творчеству русских и зарубежных писателей.

В 2005 году Р. В. Якименко присвоено почетное звание «Заслуженный педагог Сахалинской области». В 2008 году награжден высшей национальной наградой общественного призвания в сфере образования Орденом им. А. С. Макаренко.

Руслан Витальевич был влюблен в науку, передавал аудитории свою увлеченность методикой преподавания литературы, и студенты выбирали методику целью своей профессиональной жизни. Им было опубликовано более 160 научных работ. Под его руководством защитили кандидатские диссертации шесть аспирантов. Р. В. Якименко являлся организатором всероссийской конференции «Маймановские чтения», посвященной памяти своего учителя, методиста, профессора Р. Р. Маймана. Руслан Витальевич являлся инициатором и идейным вдохновителем многих региональных, всероссийских и международных научно-практических конференций.

Руслан Витальевич внес значительный вклад в развитие духовно-нравственного и эстетического воспитания молодежи, создавая и развивая студенческие коллективы, творчество которых было высоко оценено на конкурсах регионального и российского уровня. Именно Руслан Витальевич инициировал проведение в Сахалинской области региональных фестивалей «Российская студенческая весна» в формате, проводимом на национальном этапе. Также на протяжении многих лет он являлся единственным аккредитованным сахалинцем, который входил в состав жюри всероссийского фестиваля «Российская студенческая весна», проводимого Российским союзом молодежи.

Высочайший профессионализм, трудолюбие, добросовестность, ответственность, принципиальность, умение довести начатое дело до успешного завершения, человечность, отзывчивость – это далеко не полный перечень тех качеств, за которые ценили, уважали, любили Руслана Витальевича коллеги, студенты и все, кто его знал.

Лучшая память о Руслане Витальевиче Якименко – его книги и статьи, продолжение заложенных им традиции, его любимые ученики, в чьих сердцах он останется навсегда.

Коллектив коллег, друзей, студентов.

ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ВЕДНЁВОЙ

На 69-м году закончился жизненный путь кандидата филологических наук, доцента Светланы Александровны Веднёвой (17.01.1951–18.09.2019).

Светлана Александровна Веднёва родилась 17 января 1951 года в селе Семиполка Октябрьского района Северо-Казахстанской области. В 1973 году закончила Дальневосточный государственный университет по специальности «русский язык и литература». С 1989 года работала в Южно-Сахалинском государственном педагогическом университете.

В сентябре 1999 года Светлане Александровне была присуждена ученая степень кандидата филологических наук. Ее диссертация, посвященная стилистическим особенностям прозы Юрия Коваля, была первым исследованием в России творчества известного писателя и поэта (руководил диссертацией профессор МПГУ А. В. Тер-

новский). С 2003 года Светлана Александровна возглавляла студенческое научное общество в СахГУ. За многолетний и добросовестный труд была награждена Почетной грамотой Минобрнауки России. Перу Светланы Александровны принадлежат научные публикации по русской литературе, в числе которых и монография «Слово Юрия Коваля» (2008).

С осени 2010 года Светлана Александровна вышла на пенсию, но по-прежнему поддерживала связь с университетом: публиковала работы по русской литературе в «Филологическом журнале» и коллективных сборниках, участвовала в научных и творческих встречах.

Светлана Александровна была ярким ученым, требовательным педагогом, приятным в общении человеком. Память о ней навсегда останется в сердцах ее коллег, друзей и учеников.

Коллектив коллег, друзей, студентов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛИЦКАЯ ИРИНА ВАЛЕРИАНОВНА – доцент, доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранного языка и страноведения Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

ДЕНИСОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА – аспирант Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

ДОРОФЕЕВА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

ЗИНОВЬЕВА НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

ИКОННИКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

ЛЕБЕДЕВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА – старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

ЛЕГЕНКИНА ВАЛЕНТИНА ИГОРЕВНА – доцент кафедры иностранного языка и страноведения Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук, г. Южно-Сахалинск.

МАЙОРОВА ИННА ИГОРЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранного языка и страноведения Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

МАХРИНА МАРИЯ ЮРЬЕВНА – магистр второго года обучения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток.

МУМИНОВ ВЛАДИМИР ИСМАИЛОВИЧ – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

ОВЧАРЕНКО МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА – специалист по экспозиционно-выставочной деятельности ГБУК «Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова “Остров Сахалин”».

ПОТАПОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры российской и всеобщей истории Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

СЕМЕЛЬМАН МАРИНА ВИКТОРОВНА – специалист по учебно-методической работе кафедры российской и всеобщей истории Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

СЕМИВОЛОС КРИСТИНА СЕРГЕЕВНА – магистр второго года обучения Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

СЛЕПЦОВА ЕКАТЕРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

СТЕПАНЕНКО АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – заместитель директора по развитию музея и научной работе ГБУК «Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова “Остров Сахалин”», кандидат филологических наук.

ТИШКОВА ДАРЬЯ ОЛЕГОВНА – студентка четвертого курса Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

ТОЛСТЯКОВА ЮЛИЯ ИГОРЕВНА – студентка третьего курса Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

ФЕДОРЕНКО ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики воспитания Института психологии и педагогики Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

ЧЕ ИННА ЕРИЕВНА – старший преподаватель Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

ЧЖАН ЦЗИНЬЧЖУН – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, заместитель директора Института славянских языков Харбинского педагогического университета, г. Харбин (Китай).

ЧУДИНОВА ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Института филологии, истории и востоковедения Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

ШЕЛОХАЕВА ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВНА – магистр второго года обучения Института психологии и педагогики Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.

ШУМИЛОВА ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА – доцент, кандидат филологических наук, г. Краснодар.